

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ
СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ АВТОРОВ

РУССКИЙ STIL 2011



Stella-Verlag

Германия

© Русский Stil-2011

Литературный альманах современных русских авторов.

В книге использованы работы, представленные на творческие конкурсы сезона-2011.

ISBN 978-3-941953-37-6

Редактор-составитель Л. Баумгартен

Дизайн: В. Цветков

Фото на обложке: Ш. Юлдашев

Авторский стиль произведений сохранен.

Сохранены также особенности пунктуации и орфографии авторов.

Verlag «stella»

Deutschland

ISBN-Verlagsnummer 978-3-941953



Фестиваль-конкурс литературы и искусства

— Представление современной русской литературы международной литературной общественности;

— Поиск значимых литературных произведений на русском языке, выявление новых талантливых авторов в России и за рубежом, создание им условий для публикаций в средствах массовой информации и издательствах Европы;

— Популяризация литературного творчества через визуальные формы, в том числе фотографию;

— Выявление талантливых поэтов-песенников, авторов-исполнителей и популяризация их творчества;

— Установление контактов между поэтами и композиторами независимо от места их проживания.

Награждения

Победителями и Лауреатами Фестиваля являются участники, прошедшие окончательный отбор в своей номинации и утвержденные в качестве победителей и лауреатов решением жюри Фестиваля.

В каждой номинации утверждается 3 призовых места

1-ая степень — победители получают главный приз Фестиваля — Литературного Оскара в своей номинации (в случае приезда на церемонию награждения), медали, почетные грамоты и авторский экземпляр фестивального альманаха (могут быть высланы почтой).

2-ая и 3-я степени — победителям вручаются медали, почетные грамоты Фестиваля и авторские экземпляры фестивального альманаха (могут быть высланы почтой).

Дипломантам вручаются дипломы участников Фестиваля (могут быть высланы почтой).

На фестивале присуждается **2** специальных приза:

1 приз **в номинации «Молодые дарования»;**

2 приз **«За талант и женственность в поэзии!»** — имени Марины Мануйловой (учрежден Альянсом русскоязычных женщин «ДОБРОДЕЯ» и родственниками поэтессы) для участниц в номинации *Поэзия*.

Объявление победителей и вручение наград происходит на ежегодном Фестивале в Германии, который по традиции проводится в первой половине осени. Участникам Фестиваля высылаются пригласительные документы в Германию.

Освещение всех этапов Фестиваля на сайте

<http://russkij-stil.de>

Мы в Германии















Информационный партнер Фестиваля

Телеканал «Столица»

программа «Разговор с Александром Мягченковым».

Ведущий: Александр Мягченков

Шеф-редактор программы: Марина Меркулова

За время существования программы ее героями стали:

И. Кобзон, Л. Нарусова, В. Лановой, А. Пороховщиков,
Р. Маркова, Р. Виктюк, А. Джигарханян, Б. Немцов, И. Хакама-
да, Л. Серебренников, А. Градский, А. Михайлов, Д. Донцова,
А. Панкратов-Черный, С. Чонишвили, Анастасия, А. Акопян,
Г. Гречко, П. Глоба, И. Винер, В. Познер, Т. Гвердцители,
С. Сорокина, А. Малахов, С. Зверев, К. Боровой,
Н. Андрейченко, И. Скобцева, Л. Слиска, А. Лысенко,
Г. Юшкявичюс, О. Попцов, С. Садальский, В. Пьявко и,
конечно же, участники Фестиваля «Русский Stil».



V.I.P.





Константин ВУКОЛОВ

Член жюри-2011. Член Союза писателей России, Международной гильдии писателей, Международного творческого объединения детских авторов (БрайлЛенд), лауреат литературных конкурсов «Золотое перо Руси», «Русский Stil», «Пегасик».

КУПАНИЕ КРАСНОГО КОНЯ

Здесь простор и тишина все та же,
В небе, голубого голубей,
Сложные фигуры пилотажа
Чертит пара диких голубей.

Так же поспекает земляника,
Крупная, три ягоды в руке,
Затянуло буйной повиликой
Тропку, убежавшую к реке.

Не спеша, привычно, безмятежно
Летний день уходит на покой,
За лесами прячется, как прежде,
Только я не прежний, я другой.

В зеркале рябого мелководья
Остывает солнца головня.
Отпущу усталые поводья,
Искупаю красного коня.

ВЕЧЕР

Тают облака,
Спать легла река.
Вечер.

Угасает день,
Он ночную тень
Встретил.

Золото луны
С серебром волны
Вместе.

Громко соловьи
Им поют свои
Песни.

Бриллианты рос,
Как ковер из звезд
В небе.

То ли это был
Или, может быть,
Небыль?

Все сильнее роса,
Стали голоса
Тише.

Спи, моя земля,
Я люблю тебя,
Слышишь?



НЕ УСТАНУ ДОЛГО ЖИТЬ!

Пляшут в лужах пузыри,
Дождь утратил чувство меры,
Претендует на премьеру,
Исполняя попури.

Он смывает все следы:
Время, годы, чувства, память,
И танцует вечный танец
Небом посланной воды.

Мокрых звуков не боюсь,
Вместе с дождиком играю,
Струны струй перебираю
И мудрее становлюсь.

Я потом дождем прольюсь,
Чтоб за ним цветы и травы.
Не юнец, но и не старый,
Быть водой не тороплюсь.

Мой последний летний дождь
Упадет с небес не скоро.
Много раз еще поспорю,
Он ведомый, а я — вождь.

Как когда-то босиком
Побежим по лужам двое
Вместе с радугой крутою
За веселым ручейком.

Задохнусь, остановлюсь
Грязный, мокрый и счастливый,
Переполнен свежей силой,
Как ребенок, нашалюсь.

Будет вслед земля парить,
Солнце в лужах отражаться,
Бесконечной жизнь казаться.
Не устану долго жить!





ЛЕТНИЕ ДОЖДИ

Люблю вас, летние дожди,
За светлость струй, к земле летящих,
Хрустальной музыкой звенящих.
На целый мир она звучит!

Люблю вас, летние дожди,
Что вслед за вами радуг арки,
Большое солнце светит ярко,
И где-то счастье впереди!

За то, что вовремя пришли,
Души вершите омовенье,
За ваше чистое мгновенье,
Люблю вас, летние дожди.

Тебе прольются, подожди,
Косые, долгие грибные,
Слепые быстрые — любые,
Полюбишь летние дожди!



БУМАЖНЫЙ ЗМЕЙ

Мальчишки мастерили змея,
Забыв про сон и аппетит
Старательно бумагу клея,
Мечтали, как он полетит.

Ему придется с ветром биться,
В огромном небе путь непрост,
За ним победно будет виться
Из длинной пестрой ленты хвост.

До облаков подняться сможет,
Из рук бечевку будет рвать.
Мне так давно хотелось тоже,
Как змею, в небе полетать.

И голубого неба нежность
И эти детские мечты,
Они красивы и безбрежны
И одинаково чисты.

Пусть высоко взлететь сумеют,
Будь все хорошее в пути.
Вновь уговариваю змея:
«Взлети, пожалуйста, взлети!»



Дмитрий ПЕТРОЧЕНКОВ

Член жюри-2011. Член Союза писателей России, лауреат литературного конкурса «Русский Stil-2010». Автор пяти поэтических сборников.

* * *

Я вновь в лесу среди осин и елок,
Среди берез, теряющих листву.
Грибов ведро и впечатлений ворох
Я из лесу сегодня принесу...
Я принесу на кепке паучка,
Нечаянно оброненного веткой,
Тепло последнего осеннего луча,
Что брел со мной от самого рассвета
По тропкам, по болотинам лесным,
Заглядывая за стволы и кочки.
Что он искал? Быть может, тень весны?
Я был скромней — я собирал грибочки...
Я принесу домой на сапогах
Неяркий отблеск канувшего лета,
Кусочек неба принесу в глазах,
И радость у которой нет секрета —
Я был в лесу.

* * *

Снегами белыми укрыт по крышу дом,
Снегами белыми заметены дорожки.
Там, во дворе, над старою ветлой
Развесил месяц золотые рожки.
И кажется мне гробовым покой...
Но сон прогнав, скребется
мышь в подклети,
А это значит, я еще живой
Да и к тому же не один на свете.

* * *

Что толку в похвалах, когда теряешь нить,
А лабиринтам нет конца и края...
И тупикам? И с этим нужно жить
И жить всерьез, по капельке сгорая
В мельканьи дней, в теченьи плавном лет,
За каждый шаг себя призвав к ответу,
Что б если и не вырваться на свет,
То хоть уверовать, что шел дорогой к свету.





Ирина ЕГОРОВА

Член жюри-2011. Член Международной гильдии писателей. Главный режиссер, драматург, актриса московского театра «КомедиантЪ».

* * *

Пускай же мы друг друга избалуем...
Беги ко мне, лети ко мне, спеши —
Пронзительным, протяжным поцелуем
Доцеловать до самой до души!

В зените солнце, и любовь в ударе,
Природа отдается насовсем.
Судьба лишь раз такие встречи дарит,
И то, поверь мне, далеко не всем.

* * *

На грани я не устою —
Прыжок — и сердце парашютом.
Ну, а умру — любовь твою,
Осмелясь, снова попрошу там.

* * *

Да, будем продираться через
Хитросплетения причин —
Чтобы доплыть, как рыбам в нерест,
До устья Млечного пути!

В словах и ласках рассыпаться.
Плыть по течению и вспять.
Чтоб засыпать, и просыпаться...
И снова вместе засыпать.

* * *

Летаю! И куда же приземлиться?
Я — журавлиха. Воздух мне — земля.
Зачем она нужна — в руке синица?
Предпочитаю — в небе журавля!

ЧАСТУШКА

Я с тобою пала бы
Прямо бы на палубу.
Если нету палубы —
Пала б — где попало бы!

* * *

Вдыхает лес весенний запах плоти.
Вцепились в землю щупальца корней,
Чтобы забраться глубже, пропороть и
Могучие стволы поднять над ней.

Мы были все всегда одной породой
Давно-давно, еще до бытия.
Тут место, где сливаются с природой.
И этим местом оказалась я!..

Звереет ритм прилива и отлива,
А я послушна — хоть веревки вей...
И небо в нас уставилось пытливо
Сквозь пальцы растопыренных ветвей...

Друг другу изливаясь, возлежали.
Все растворилось... — спать, и спать, и спать...
А небеса нас молча умножали
И, неделимых, множили опять.

* * *

Событие свершилось — ты и я.
Теперь бы нам еще — со-бытия!

* * *

Хоть зазорчик во времени узкий,
Приезжай, чтоб меня обнимать,
Мой немецкий француз полурусский —
На свою полу Родину-мать!

Станешь жаркой любви эпицентром.
И войди, уважаемый сир,
В эти тапки с одесским акцентом —
Филиал твоих стран и квартир.

* * *

Где же, наконец, эксплуатация?
И к чему такая я приличная? —
Я — твоя российская плантация!
Я — твое хозяйство заграничное!

* * *

Что? Родные? Мы не оскорбим их.
Я — отдельно. И отдельно — ты.
Лучше ампутировать любимых
Под анестезию суеты.

* * *

Нет, не покой перин и пышек,
Тот, что завалит и растлит,
Я выбираю то, что пишет —
Меня. И что меня растит.

«Там путь закрыт!» — твердили вы, и —
«Не может быть!»
Возможно, но...
Я эту жизнь живу впервые
И ничего не решено.

Душа — на вырост. Все — на вынос...
Как чудо-меленка — коржи,
Творю я Божью повинность —
Любя, возделываю жизнь.

Пусть изойду семью потоми...
Пусть нараспашку — каждый вздрог —
Иду воздушными путями,
Где нет проторенных дорог.



МОРЕ

Взвыло от края до края,
Мышцы решило размять,
С ног поцелуем сбивая,
Тащит к себе — не разнять.

Пенный оскал разевая,
Видит — скачу и дразнюсь —
Пробует, мнет — какова я
Буду на ошупь и вкус?

Да! Заверти — я такая —
Сердца проси — не руки!
Море, кипя и лаская,
Рвет с меня все лоскутки.

Мощью взбухает громадной,
Чувства не может избыть.
Море — любовник мой жадный —
Знает, как нужно любить!





Елена СУПРАНОВА

Член жюри-2011. Член Международной гильдии писателей, лауреат литературных конкурсов «Русский Stil», «Литературная Вена», «Литературный Олимп», «Ковдория».

ЛЕТО — ТРИ МЕСЯЦА

— Варенца, Роман Захарыч, варенца прислала вам Самсониха, — старушка в белом платочке протянула наполненную до краев банку.

— А хлеба выпекли? — строгий голос Романа Захарыча привел ее как будто в трепет. Она пожала маленькими плечиками и прошамкала:

— Пять булок есть.

— Мало. Сказал же вам: меньше шести и не выпекайте.

Он широко уселся на лавку и, запрокинув голову, начал пить варенец.

— Трудно месить на шесть-то, — проговорила баба Маня, качая огорченно головой. — Еще на пять — куда ни шло, а на шесть больно трудно заводить стряпню.

— Кто выпекал на этот раз? — Роман Захарыч опорожнил банку.

— Сама Самсониха взялась, да немочь напала — ноги отказали. А тут как раз внучок привез ей сынка своего — Алеху, смышленный такой! Она ему все забросила в кадку, он и вымесил. Ручки-то махонькие у него, тяжело ему было месить.

— Малец, ясное дело. А сколько ему?

— Дак одиннадцать только.

— Баб Маня, а ты давай пришли ко мне пацана!

После варенца Роман Захарыч вытянулся на лавке и задремал. Старушка, спрятав руки под передник, долго смотрела на его по-детски пухлые губы, на веснушчатый нос...

Самсониха провожала Алешу к Роману Захаровичу:

— Ты ж смотри, называй его Романом Захарычем, не обидь чем. Поживешь — уедешь, а для нас Роман Захарыч — и за отца, и за мать останется. Чуть что — мы к нему бегом. Не бросает нас. Один он и остался у нас тут — мужик. Там он, — махнула бабушка рукой в сторону бывшей конторы, — тебя дожидается.

— Ну, садись, — Роман Захарович крепко пожал неуверенно протянутую руку. Алешина рука была тонкой и вялой, но он сказал: — Ого, ручища! Сам вымешивал квашню? Хвалю. Баба Валя-то твоя рада-радешенька: правнук на помощь подоспел. Я тебе такую рыбалочку закачу — помнить будешь всю жизнь Романа Захарыча! Только вот что, Алеха, у Кузьминичны крыша течет. Мне в среду в район ехать, а крыша течет. Может, мы с тобой поможем ей? Я — на крыше, а ты мне по лестнице туда-сюда, — остороженько — по черепичке натаскаешь. Тогда и дождь ей ни по чем будет! А вернусь из района — сразу на рыбалку, на всю ночь. Люблю у костра посидеть. Ушица наваристая из пескарей да карасей... А пока надевай, что похуже и приходи, поработаем.

— Бабушка, у меня же нет чего похуже, мы в городе старое сразу выбрасываем! — слезы закипели в Алешиных глазах, голос задрожал и сорвался на крик: — Бабушка, к Роману Захарычу мне нужно! Помогать!

— Ты не заходишь слезами, соколик. Найдем тебе рубаху и штаны найдем. Ох, ноженьки мои!.. — Баба Валя долго искала и, наконец, вытащила из комода старенькую одежду. — Еще отца твоего, Ванюшки. Приехали, побросали — уехали. А я все выстирала, перечинила, разгладила и схоронила. Видишь, тебе и сгодилась чиненка. Так и будет всегда: то, что дед твой, отец недоделали — тебе придется. Потому что имя у тебя такое.

— Какое такое имя? — спросил Алеша, обряжаясь в старое.

— Святое имя. — Она огладила его рабочую одежку и незаметно перекрестила: — Теперь иди, помогай Роману Захарычу, тянись за ним.

Роман Захарыч одобрительно кивнул Алеше, и зашагали товарищи к дому Кузьминичны по широкой улице, по краям заросшей ромашкой и полынью.

— Эй, Рыжик! — закричал Роман Захарыч, еще издали увидев собачонку. Он погладил ласкающегося песика, приговаривая: — Ладно, ладно, не лижись, видишь, я к вам не один. Вдвоем мы сегодня с Алехой. Ты не бойся его, погладь, если хочешь, — предложил он Алеше.

Тут Кузьминична вышла на крылечко к гостям и поклонилась: — Здравствуйте, Роман Захарыч, и Алеша, здравствуй! Я тут в погребок собралась прыгать, да голос слышался мне. Гуляешь, Алеша, или как?

— Роман Захарыч позвал помочь ему на крыше.

— Что ж, начнем с Богом! — сказал Роман Захарыч. — Так, лестница вроде выдержит. — Он пошатал ее. — Выдержит. Хорошо. Ну, а кваску наготовила, Кузьминична? После работы поьем с Алехой.

Прошел час, другой, третий... Алеша сновал челноком туда-сюда, Роман Захарыч подхваливал его, а сам стучал, стучал без передыху. Все — есть работа! Они зашли уже потемну в хату к Кузьминичне, и она накормила их варениками с капустой и картошкой, и подливала, подливала кваску.

— Ты, Алеха, на работу заводной, — похвалил Роман Захарович. — И стихов много знаешь. Интересно с тобой. Так вот. За старшего здесь теперь ты остаешься, нельзя деревне без мужика, — он посмотрел на Алешу долгим взглядом. — Мне надо твоей бабе Вале пенсию выправить. Пишет она, пишет в райсо-бес, а ответа нет. Поеду в город, узнаю, чего это они там не шлют ей пенсию четвертый месяц. Весной было: по радио сказали, что добавят пенсию, а Ольге Петровне не добавили. Не-

справедливо это. Поехал. Неделю толкался там по кабинетам. До суда дошел! А мне — ваш паспорт, говорят. А какой паспорт, когда шестнадцать мне только в июне стукнуло? — Роман Захарыч был разговорчив, но сытная еда сделала свое дело — клонило в сон. — Кузьминична, — обратился он к хозяйке, — буханку хлеба я заберу, а четыре — вам. Маловато, но ничего, продержитесь. Пусть баба Валя картошки подкопает, у нее начала сохнуть. Приеду — надо помаленьку копать ее. Алеха, — он обнял за плечи друга, — до сентября еще время есть. Покопаем всем сразу, а? Засадили мы с ними весной картошку под плужок, а копать — у них силы не хватает. Останется урожай в земле, если к старухам родные не приедут копать. Наша речка Белая с норовом: разольется весной, отрежет нас на месяц от дорог.

— Давай, покопаем. Только я никогда не копал, — ответил Алеша, засыпая за столом.

Ореховка и в хорошие времена была небольшой — тридцать пять дворов, третье отделение совхоза «Победа». Молодежь уезжала в город учиться, назад же никто не возвращался. Семейные давно перебрались на центральную усадьбу, ближе к сельмагу, бане, детскому садику и школе. Теперь только в восьми дворах мелькали вылинявшие на солнце платки старух. Почти не слышно стало собачьего лая.

Неделю оставался Алеша без Романа Захаровича. Намучился он с колодцем — не мог выкрутить тяжеленное ведро. Нашел в одном дворе ведро поменьше, но никак не раскрылся замок на колодезной цепи, чтобы поменять. Наконец, щелкнул замок — и работа зашпорилась: Алеша наполнял бачки и кадки восьми дворов.

— Ну, слышан о тебе, — Роман Захарович широко улыбнулся Алеше. — Знал: не подведешь. Гостинчик привез от родных, все тебе кланяются. Обижались, баб Валя, — крикнул он глуховатой Самсонихе, — что не написала ты им про задержку с пенсией. — И снова обратился к Алеше: — Сестра твоя, Алеха, помогала мне там в городе. Хорошо-то как у вас дома! Мать

ласковая у тебя, и отец добрый. А ты, баб Валя, бывала там у них? — крикнул он снова Самсонихе, суевающейся у печи.

— А как же, бывала, раньше еще! — Самсониха угощала ребят чаем со смородиновым вареньем. — А как болеть стали ноги — куда мне, не до поездок. Невестка уважительная, Валентиной Ивановной величает. Сколь языков знает!

— Книг у них много. Я только заикнулся, дали с собой. — Роман Захарыч достал из сумки сверток, развернул газетку и прочитал название: — Гончаров. Путешествие вокруг света на «Коршуне».

— Алеху моего сморило, — Самсониха погладила правнука по плечу и продолжила разговор с Романом Захарычем: — Ты не сумлевайся, твою бабу Груню мы кормили-поили, не обидишься за нее. И молоко носили, и оладьями часто угощали.

— А мука у вас — откуда?

— Машина вкатила прямо во двор к Мироновне! Городские ей привезли муки, сахару — мешками. Мы их хотели угостить молочком, коза у Степаниды раздоилась, — даже не пригубили, нету времени у них. И куда они, городские, так спешат? Уж горевала, горевала Мироновна, что они даже молочка не отведали.

Утром начали копать картошку. Алеша с Романом Захаровичем нарабатывались так, что спали как убитые. Старушки — белые платочки — не знали, чем их и угостить. Каждая сберегла для такого случая то горсть изюму в полотняном мешочке, то жменю слипшихся конфет от городских гостинцев. А Мироновна пекла им блинчики, оладьи. Господи, как хорошо-то, когда есть чем угостить!

Алеша еще спал, а на крылечке его уже поджидала Вера Васильевна с Первомайской:

— Пусть внучек твой, Валентина, посмотрит радио. Кручу-кручу ручку — только трещит.

Он выпивал кружку молока, хлеб — в карман, и сидел битый час, мороковал над приемничком. В городе — зачем самому уметь разбираться в этом? В городе есть мастерские. Вот бы найти в учебнике схему! Пошел к учительнице Ольге Петровне. До вечера читал физику, старые журналы. Нашел-таки, разобрался.

Вот и еще неделя пролетела в заботах, родные пожаловали за сыном. Провожать Алешу вышли всей деревней: восемь старушек, Роман Захарович да собака Рыжик. Старушки по очереди подходили пожать Алеше руку. Самсониха наготовила внуку два мешка картошки, еще вилок десять капусты нарубила, зелени там всякой, петушка и пять десятков яиц, варенья смородинового.

— Пиши! — Роман Захарович сжал руку друга, постоял немного и, решившись, обнял по-мужски крепко.

На каждые три Алешины письма Роман Захарович отвечал одним. Писал, что крыша в эту осень у Кузьминичны не текла, а его баба Валя парит ноги в корне лопуха — помогает; про Рыжика писал. И в конце каждого письма приписывал: приезжай, есть большая работа, без тебя не справлюсь, и рыбалка ждет.

Весной Алеше пошел тринадцатый год. Вдруг обнаружилось, что он с характером. Матери запретил утром вставать раньше его — готовить завтрак. Теперь все сам. В школе он особенно стал налегать на физику и математику, а вдруг Роман Захарыч задумал какую работу, пригодится. С мая только и разговоров в доме, что про отдых на море. Алеше эти разговоры — без интереса. Мать же умоляла ехать: языковая практика, чужая страна, интересные люди!..

— Учти, — наставлял отец, — на иностранные — конкурс, мы не дадим тебе засыпаться на экзаменах в институт!

В последний раз Алеша выслушал родителей, не перебивая, потом молча завязал рюкзак и уселся на него, держа в руках два спиннинга.

— Жаль, что ты делаешься толстокожим: мать до слез довел, — заключил отец и махнул рукой, соглашаясь с решением сына.

Пришлось им везти его в Ореховку.

Городских встречали торжественно: восемь старушек, все в белых платочках, собака Рыжик и Роман Захарович в новом, ярчайшем свитере — подарок Ольги Петровны. Его волосы были подстрижены и разделены косым пробором — готовился к встрече. Старушки по одной подходили к Алеше и к приехавшим, совали, здороваясь, ладошки лодочкой.

Мать с отцом недолго побыли у бабы Вали, у них курорт. Самсониха по случаю приезда правнука закатила пир: борщ из петуха, блины на опаре, кисель вишневый. Потянулся неспешный разговор.

— Эх, и рыбалку мы завтра с тобой закатим! — обнял за плечи друга Роман Захарович. — На всю ночь пойдём. А с утра, может, Алексей Иваныч, — он оторвал от стола ладонь, старушки оборвали песню, — я говорю, может, мы конуру подправим Рыжику? Развалилась после дождей, язвы ее! А там — сенокос... Про большую работу писал тебе: столбы повалились у нас, подгнили, сидим без электричества с весны. Бывший председатель завез бревна, я уже ошкурил их. Он обещал прислать мужиков ставить столбы, ну, и мы с тобой.

Алексей Иваныч залился от удовольствия краской, кинулся к своему рюкзаку, покопался и достал новую рулетку для обмеров.

— Я, Роман Захарыч, вам подарочек привез, за свои купил, правда-правда, мы почту разносили с ребятами зимой. А всем — пряники мятные, сам люблю такие.

Хорошо-то как в деревне — столько работы ждет! А рыбалка, что ж, она никуда не денется: лето — целых три месяца!



Елена ЯНГЕ

Член жюри-2011. Член Международного Творческого Объединения Детских Авторов (МТО ДА). Лауреат литературных конкурсов «Золотое перо Руси», «Русский Stil», именного конкурса Александра Плэчинтэ.

ЗЕЛЕНЫЙ ЕЖИК

На берегу лесного ручья жил большой Еж. Днем, зарывшись в траву, он спал, ночью мечтал. Как-то посмотрев на Звезду, Еж подумал:

«Звезда, как и я. С иголками. Можно сказать, родственница. Вот бы с ней подружиться».

— Ты — одно, я — другое, — сонно мигнула Звезда.

— Никто не спорит, — ответил Коля и замолчал.

Он знал: Звезда — на небе, Еж — на земле, а между ними...

«Интересно, что между ними?»

Еж Коля думал ночь, думал день, однако ничего не придумал. Ясно одно: Звезда с ним дружить не хочет. Обидно, конечно. Ну, да ладно!

— Не хочешь — не надо! — крикнул Еж. — Воображай себе на здоровье!

Коля засопел и закопошился в листве.

«Стоит забраться наверх, сразу нос задирают! — думал он. — И филин такой же, и соловьи, и даже облака. С ними не подружиться. Филин ухает и тарашит глаза. Соловьи самозабвенно поют. А облака плывут и молчат. Будто им нечего сказать».

Еж посмотрел на Ручей. В темной воде дрожала Луна.

«Видимо, спустилась в Ручей и замерзла».

Стоило так подумать, как в Ручей что-то упало. Луна раскололась пополам, и из воды вынырнул шар. Зеленый, с иголками — шар походил на небольшого ежа.

— Эй! — крикнул Коля. — Плыви сюда.

— Не могу! — ответил Зеленый Ежик.

Еж подошел к Незабудке и прикоснулся к ней лапой.

— Не трогай! — вздрогнула та. — Вдруг ты меня уколешь!

— Извини, — сказал Коля. — Но без тебя не достать. Видишь, зеленый шарик?

Незабудка посмотрела в Ручей.

— Вижу.

— Протяни ему руку. Пожалуйста!

Вежливые слова любят все. К тому же, у Незабудки мало развлечений. А тут можно спасти шарик. Вот разговоров будет!

«Посмотрите, — скажут соседи. — Какая молодец — Незабудка! Она спасла шарик, упавший в Ручей».

Незабудка нагнулась, и зеленый шар, уцепившись за стебелек, выскочил на берег.

— Благодарю! — пискнул он.

— Ты кто?

— Не знаю, — ответил зеленый шар. — Я упал с дерева.

— Ого! — воскликнула Незабудка. — Не знала, что ежи живут на деревьях.

— Мои родственники живут везде, — вмешался в разговор Еж. — Даже на небе.

— Значит, это — Зеленый Ежик, — предположила Незабудка.

Еж Коля фыркнул.

— Так и есть.

Зеленый Ежик встряхнулся и встал на одну ногу.

— А где живут наши родственники? — спросил он.

— Видишь большой куст? — Коля показал на репейник. — На нем сидит много ежей.

— Здорово! Сходим к ним в гости?

— Нет, к этим ежам не пойду, — ответил Коля. — И тебе не советую.

— Почему? — удивился Зеленый Ежик.

— Стоит им прицепиться, ни за что не отстанут, — ответил Еж.

Он понюхал воздух и обошел родственника со всех сторон. Круглый, колючий, зеленый. Все так и не так.

— Ты случаем не инвалид? — спросил Коля. — У ежей — четыре ноги, а у тебя — одна.

— Это нормально! — засмеялся Зеленый Ежик.

Еж Коля улыбнулся в ответ. Ежик ему нравился все больше и больше.

— Хочешь со мной жить?

— Хочу! — ответил Зеленый Ежик.

С этого дня ежи стали жить вместе. Днем они спали, ночью разговаривали. О чем? Да, обо всем! О Луне, например; о птицах, росе... А еще мечтали.

— Вот бы подняться на облака и посмотреть на Ручей, — как-то сказал Коля.

— Или поиграть со Звездой, — добавил Зеленый Ежик. — Той, что ринулась вниз. Видел?

Еж Коля кивнул.

— Думаю, к нам полетела, — сказал он.

— И не нашла, — с грустью заметил Ежик.

— Трудно найти среди ночи!

Посмотрев на друга, Еж Коля горько вздохнул.

«Что-то неладное с ним происходит. Не ест, не пьет, даже не ходит. И нога отвалилась».

— Ты не заболел? — с тревогой спросил Коля.

— Все хорошо, — ответил Зеленый Ежик. — За меня не волнуйся.

А утром Ежик исчез. Словно нырнул в Ручей. Еж Коля искал его день, два... Никаких следов. Только старые листья да пара скорлупок. И Незабудка завяла. А вскоре и осень пришла. Еж залез под корягу и уснул. До весны.

Когда он проснулся, то увидел Росток. Прямо перед собой.
— Привет! — пропищал тот.

Протерев глаза, Еж Коля уставился на Росток. Маленький, слабый, зеленый — таких он видел немало.

— Не узнал? — удивился Росток.

— Нет, — ответил Еж Коля. — Что-то не припоминаю.

— Я же — Зеленый Ежик!

— Так и поверил!

— Рассказать, о чем говорили летом?

— Попробуй, — сказал Еж.

Росток оживился. Он выпрямился и рассказал о том, как хорошо бы подняться на облака и посмотреть на Ручей. Или поиграть со Звездой — той, что ринулась вниз.

«И впрямь Ежик! — ахнул Коля. — Но как изменился!»

Еж покачал головой и, фыркнув, спросил:

— Что же ты будешь делать?

— Радоваться жизни!

Росток засмеялся. Да так звонко, что разбудил Ручей. Тот поднял голову и бросил на берег фонтан брызг.

— Спасибо! — крикнул Росток.

И сразу подрос. Немного, но все же приятно!

— Что ты теперь ешь? — озаботился Еж.

— Не волнуйся. Все, что мне надо, я достаю из-под земли.

— Как достаешь?

— Ногой! — ответил Зеленый Ежик.

Еж Коля помотал головой.

«Совсем заморочил! Кто это ест ногой?»

Еж пофыркал, порылся в листве, съел жука и, наконец, смирился.

«Ну, и ладно! Хочет есть ногой — на здоровье! Только бы не пропал».

Росток будто услышал.

— Теперь никуда не уйду, — сказал он. — Здесь и останусь.

— Уф, обрадовал! — сказал Еж. — А то и помечтать не с кем.

БЕЛЬЧОНОК ГОША И СНЕЖИНКА

В лесу все знают: летом надо гулять, зимой сидеть дома. Можно спать, играть, рассказывать сказки, но чтобы высываться из дупла... Вот этого делать не надо! Так мама Белка сказала, а она жизнь знает. Однако в дупле одному неинтересно. Даже поговорить не с кем.

«Выгляну наружу, и тут же назад», — подумал Бельчонок Гоша.

Он приоткрыл дверь и увидел Снежинку. Та сидела на ветке и озиралась.

— Ты кто? — спросил Гоша.

— Снежинка.

— А я — Бельчонок Гоша.

— Приятно познакомиться.

Гоша понял: перед ним воспитанная Снежинка. Да и выглядела она хорошо. Белое платье, кружевной воротник, голубые глаза.

— А где твоя мама? — спросил бельчонок.

— Вон там, — ответила Снежинка и показала на небо.

Гоша задрал голову и увидел Тучу.

— Какая большая! — воскликнул он.

— Да, — вздохнула Снежинка.

Гоше не понял, почему вздохнула Снежинка. То ли ей не нравились мамины габариты, то ли успела соскучиться.

— Как же ты доберёшься домой? — спросил Бельчонок.

— Никак, — ответила Снежинка и горько заплакала.

Гоша тоже всхлипнул. Он был добрым Бельчком, и, как говорила мама Белка, все принимал близко к сердцу.

— Тебе страшно?

— Да, — ответила Снежинка. — Передо мной неизвестность.

Что такое неизвестность, Бельчонок не знал. Все, что ему было надо, находилось рядом. Дупло, постель, запасы еды. А главное — мама. Она кормила, учила, дарила игрушки. И никаких проблем! Для Гоши, конечно. Поспал, поел, поиграл — и все дела.

А у Снежинки — проблемы. С раннего возраста. Мало того, перед ней — неизвестность.

Гоше это не нравилось. Ему хотелось утешить Снежинку, поселить где-то рядом. Пусть будет под присмотром. И ему хорошо, и Снежинке. Они будут разговаривать, играть, придумывать сказки.

Бельчонок пробежался по ветке, поглядел вниз, задрал голову вверх. Наконец, он кое-что придумал. Гоша постучал по стволу и крикнул:

— Бабушка Ель, ты не спишь?

— Нет, — послышался скрипучий голос. — Бессонница у меня.

— Можно мне сделать дом?

— Где? — вздохнула Ель. Ей было не до шалостей.

Гоша показал на шишку около дупла.

— Кого вздумал туда поселить?

— Снежинку, — ответил Бельчонок.

— Только бы тебе играть, — проворчала бабушка Ель.

— Ну, пожалуйста! — взмолился Гоша.

— Ладно! Пусть живет.

Старая Ель потянулась, и колючие лапы зашевелились. Снежинка ойкнула и полетела вниз.

— Не бойся! — крикнул Бельчонок.

Он прыгнул и подставил Снежинке голову. Та присела Гоше на ухо и перевела дух.

— Все хорошо, — сказал Бельчонок. — Теперь у тебя есть дом.

Стараясь не крутить головой, Гоша добрался до шишки. Он раздвинул чешуйки и посадил между ними Снежинку.

— Нравится? — спросил он.

— Здесь отлично!

Снежинка заметно повеселела.

— А ты не замерзнешь?

Снежинка рассмеялась.

— Холод — мой друг, — сказала она.

И тут Гоша увидел маму. Он прыгнул в дупло, улегся на кровать и стал думать.

«Странно! И холод кому-то по вкусу».

— О чем задумался? — спросила мама Белка.

«И как она догадалась?» — подумал Гоша.

Он закутался в хвост и посмотрел на маму.

«Вот чудеса! Стоит ей взглянуть на меня, тут же определит настроение».

— Ты видела неизвестность? — спросил Гоша.

— Нет, — ответила мама. — Ее никто не видел.

— Почему?

— Это же — неизвестность.

— Она хорошая или плохая?

— Всякая.

— Всякая, — как эхо, повторил Гоша.

Бельчонок свернулся клубком и стал размышлять дальше. Он думал о Снежинке, о маме, о том, что взрослые говорят непонятно. Вроде бы на вопрос отвечают, а ясности никакой. Гоша закрыл глаза.

«Надо позаботиться о Снежинке. Вдруг ее кто обидит?»

Бельчонок было беспокоен. Он вспомнил лицо Снежинки, ее голубые глаза, хрупкие ледяные иголки.

«Интересно, какая перед ней неизвестность — хорошая или плохая?»



Татьяна КАЙЗЕР

Член жюри-2011. Член Международного сообщества писательских союзов, член Ассоциации франко-европейской литературы.

МОЛИТВА

Давным-давно в одном большом поселении немецких колонистов на Волге, насчитывавшем тогда более четырех сотен хозяйств, а ныне — стертом с лица земли, жила одна молодая женщина.

В 20 лет она была выдана замуж. В семьях колонистов было, как правило, по 8-12 детей. И ее муж Иоханнес был одним из старших сыновей, работающий, не пил, не бил, гостинцами одаривал, но был строг, сдержан и немногословен.

Чем уж он смог привлечь девичье внимание? Может, красивым майским деревом — толстый пук березовых веток, привязанный к шести, установленным у ворот ее родительского дома в ночь под Троицу? Ведь такое является большой честью для девушки, потому что после этого ее считают скорой невестой. А может, привлек молодцеватостью, с какой лихо отплясывал на вечеринках в дни Кирмеса — осеннего престольного праздника? Или удивило его степенное молчание, когда парни вокруг наперебой осыпали зеленоглазую красавицу шутками-прибаутками?

Молодежь часто сходилась за деревней, на лугу в теплое время года, или в холодное время — собиралась на посиделки у кого-нибудь, где они знакомились ближе, играли и пели.

Иоханнес обошел всех соперников, став постоянным провожатым девушки со всех вечеринок. А потом было скорое сва-

товство, обручение и последовавшее за ним оглашение в церкви в ближайшие три воскресенья.

Все же времени до свадьбы хватило, чтобы научиться при взгляде на жениха не заливаться краской и не прятать вспотевшие ладошки в складках юбки.

Их венчание состоялось во второй день Рождества, и вместе с ними — еще у полудюжины пар. Три свадебных дня — это самые яркие события в жизни.

На ту пору девушки на выданье долго не засиживались в семьях лишним ртом, а потому к замужней жизни были готовы.

Но одно дело мечты, девичьи перешептывания, взгляды на парней, другое дело — вот, данный тебе суженый — и уже дальнейшая жизнь бок о бок и в радости, и в горести.

Очень скоро молодая женщина стала полноправной участницей трудовой жизни своей новой семьи. А это и работа в поле, в саду, за ткацким станком, прялкой, занятие шитьем и вязаньем, домашняя работа, кухня.

Дни начинались и заканчивались молитвами.

Размеренная жизнь наматывала годы супружества, но судьба не торопилась одарить их детьми. Зимы сменялись веснами, годы жизни улетали с журавлиными стаями, и на втором десятке лет супружества почти не оставалось надежды на появление дитя.

К тому времени их предки уже пару веков как переселились из далекой Германии на эти раздольные приволжские земли. Однако потомки сумели сохранить уклад, обряды, ментальность. Колонисты, в общем-то, осознавали, в каком огромном государстве теперь их родина, но события, происходящие в нем, все же пока оставались за порогами их домов...

Но предощущение каких-то глобальных перемен в жизни зрело.

Обычные домашние хлопоты все чаще стали прерываться накатывавшими на их жизнь новостями о февральской революции в Питере и Саратове, о критическом положении на фронте.

Мужчины несравненно больше знали о положении дел, а женщины — больше чувствовали надвигающуюся угрозу их существованию.

И тут неожиданным подарком судьбы явилось так долго запрашиваемое в молитвах материнство. Уже к весне она смогла поделиться с мужем, что ждет ребенка.

Природа сторицей одаривала трудолюбие. Зима обещала быть сытой и в достатке. В саду ветви ломились от обилия яблок. Бабье лето давно закончилось.

Молодой женщине труднее стало справляться по хозяйству. И однажды холодным вечером в доме появилось малое дитя. Отца немного огорчило, что долгожданный первенец не сын, но добрые чувства к жене и малышке скоро утешили. Сын обязательно еще будет.

С неделю роженица наслаждалась покоем, освобожденная абсолютно ото всех работ по дому, купающаяся в приветливых заботах окружающих, которые баловали ее особой едой, не всегда подававшейся к общему столу, лакомствами.

Для каждой матери, с рождением ребенка открывается целый мир — новые заботы, новые обязанности, новые ощущения. Вот только наплывавшие на нее временами видения она не могла ни объяснить, ни сравнить с какими-либо рассказами женщин из ее окружения. Ее трепетный страх за малышку вдруг рисовал такие картины, что мать едва не теряла сознание.

Она была очень набожной католичкой, слышала о пророчествах из книги «Откровение Иоанна», старалась не грешить, регулярно посещала воскресные службы и ходила к причастию.

А в этих видениях и были картины апокалипсиса: рушился их мир, разваливались здания, гибли люди. Еще она видела какие-то наглухо заколоченные дома, в которых пленниками стали опухшие от страшного голода люди, жестоко подавляемые народные бунты — жуткое время, оплаченное ценой десятков тысяч человеческих жизней.

Некое чудище с косою и с зияющей дырой вместо лица то вырастало до громадных размеров и словно молох пожирало

всех, то превращалось в малоприметную тлю, которая уничтожала все вокруг, не давая земле возможности плодоносить.

Измученная в видениях непониманием происходящего, несчастная женщина не могла знать и неведомые ей названия грядущих событий: «раскулачивание», «коллективизация», «депортация».

Приходя в себя, пробовала что-то рассказать мужу, но тот даже не хотел слушать, суеверно отрещиваясь.

А когда она однажды увидела какой-то бесконечный дремучий заснеженный лес и остекленевшие глаза мужа, в которых отразился волчий оскал, она замолчала совсем... в страхе не накликал бы большей беды.

Слова ее теперь беззвучные постоянно сплетались в бесконечную молитву за дитя, за мужа, за всех.

И вот наступило Рождество, последнее для нее. Она чувствовала это.

Мир уже шагнул в эпоху, открытую октябрьской революцией.

Немного дней — и страна впрыгнет в новый календарь, перелетев через 13 дней, открыв летоисчисление по новому стилю и догоняя, наконец, весь остальной мир.

Снега выпало много. На дворе разыгралась такая метель, что сторожа у церкви всю ночь названивали во все колокола, чтобы указать заблудившимся путникам, куда им двигаться.

Казалось, в такой буря никто не решится без особой нужды и носа высунуть. Но люди цепочками тянулись к церкви.

Радуйся, Мария, Благодати полная!

Господь с Тобою.

Благословенна Ты между женами

И благословен плод чрева Твоего Иисус,

который умножает в нас веру, укрепляет надежду,

зажигает в нас любовь.

Служба закончилась, народ разошелся.

Женщина надолго замерла у распятия.

— Мой Господь и мой Бог, помилуй, спаси и сохрани нас. Спаси мое дитя... спаси ценой жизни моей... спаси и сохрани дитя для лучшей жизни.

Потом она подошла к любимой фигуре Богородицы:

— Моли о нас, Пресвятая Заступница, спаси и сохрани мое дитя... в грядущее безбожное время не убирай покров с дитя...

Священник не стал прерывать ее молитвенный труд, отошел в другой конец храма. Свечи у алтаря давно погасли. Горели только у выхода. Почти темно. Только поднявшись с колен, женщина почувствовала, как затекли ноги.

Все. Все сказано. Вера поможет ей расстаться с малышкой. Она поручает ее промыслу Господа. Она верит в святую охранную материнскую любовь Богородицы.

Всю силу своей веры вложила мать в мольбу о будущем ребенка.

И казалось, даже буран стих, словно устыдившись испытывать мощь своих ледяных порывов на этой хрупкой, но бесстрашной женщине.

Однако другие силы, вырвавшиеся из-под контроля, уже не останавливали свою разрушительную работу, подготавливая пахоту для раскиданных плевел...

А женщине еще довелось увидеть, как была заколочена церковь, разорена колокольня. Она угасла как свеча без кислорода... унесла с собой свою тайну. Малышке едва минуло 10 месяцев.

Последним видением матери был огромный прекрасный храм с божественной музыкой под сводами. Храм, куда, возможно, и ее потомки, пришли на рождественскую службу...

Как постигнуть, оценить этот материнский молитвенный подвиг?

Знать, что ценой своей жизни обрекает дитя на сиротство, на безрадостное детство, на жизнь с жестокой мачехой, и верить,

что это — во имя сохранения жизни ребенка. Решиться оставить дитя, вверив Господу, который убережет его сначала от первого жестокого голода, когда выживет лишь половина односельчан, а потом — от еще более жуткого мора, который уже половодьем выплеснется на огромные просторы страны. Ведь только Он позже убережет ее сиротинушку от чудовищной депортации со всеми земляками в Сибирь, от жестокости войны и лагерей и даже потом, в уже налаживающейся жизни, от гибели под обломками жилья во время ашхабадского землетрясения...

Почти сто лет минуло.

До рождественской службы еще далеко. Храм пуст, горит пока единственная свеча перед чашей с облатками.

За стенами вьюжит настоящая метель, а тут в огромном храме пока семь человек, которые пришли задолго до начала мессы.

От горящей свечи отнесла огонек к иконе Богородицы.

В мерцании язычков пламени видны блики на иконе как отсвет тысячи событий, когда у образа Богородицы просили о заступничестве и помощи.

Я ничего не знаю о своей бабушке, даже имени ее не сохранилось в памяти у почти исчезнувшей родни. А тут вдруг словно увидела ее коленопреклоненной, как в той церкви немецкой колонии. Построенная в 19 веке, эта церковь и сейчас еще не до конца разрушена. На стенах даже можно увидеть пару фресок - сюжетов из Нового Завета.

И осталась она стоять памятником некогда благодатному месту, где протекала жизнь одной из колоний Поволжья — села Мариенберг.

Я счастлива, что из моего атеистического детства-отрочества все же приведена в Храм, где уже второй десяток лет принимаю участие в праздновании вечного Таинства — явления Божественного младенца.

Да святится Воля Твоя!

Закончилась рождественская служба. Народ растекался от Храма по ярко освещенным улицам южного района Берлина.

Припаркованные машины напоминали занесенное снегом



Александр МЯГЧЕНКОВ

Член жюри-2011. Телеведущий, журналист, актер. Руководитель телевизионных проектов «Люди и премьеры», «Разговор с Александром Мягченковым», телеканал «Столица».

ВЕЛИКАЯ ПЕВИЦА И НАЧИНАЮЩИЙ АКТЕР

1979 год. Старый Новый год. Центральный дом работников искусств. Большой зал, из которого вынесены все кресла. Вместо них — длинные столы. В зале человек сто пятьдесят, не больше. «Сливки общества», «звезды» — как бы сейчас сказали. Но тогда не было никаких звезд. Были люди. Великие и значительные личности. Актеры, певцы, режиссеры, композиторы, деятели тогдашнего телевидения. Самые-самые. Из молодых только Александр Абдулов и Леонид Ярмольник. И я — актер московского театра имени Пушкина. Мне 25 лет. Четыре года назад я закончил театральный институт и в такое общество попал первый раз в жизни. А, надо сказать, что купить билет на празднование Старого Нового года в ЦДРИ было невозможно. Билеты распределялись руководством Дома. Каким образом ко мне попал билет — не могу вспомнить. Мне его кто-то подарил. Случайно.

На билете — номер места за огромным столом. Сажусь и каменею: точно напротив меня, глаза в глаза, Клавдия Ивановна Шульженко. В ту пору она была в самом расцвете славы. Ее знали и любили все, и я тоже ее боготворил. Представляете ситуацию? Моя любимая артистка — живьем. Еще более гордая и

величественная, чем я видел ее по телевизору. И просто сидит, да еще смотрит на меня так, как будто во мне есть что-то необычное. А что в этом неизвестном парне в праздничной рубашке особенного?!

Вдруг кто-то в конце стола подхватывается: «Дорогие друзья! Среди нас сегодня величайшая Клавдия Шульженко. Давайте же попросим ее исполнить какую-нибудь песню!» Все уже выпили шампанского, улыбаются, громко разговаривают. И вдруг Шульженко тихо отвечает, с иронией, но на весь зал: «Я пришла сюда отдыхать. А пение — это моя работа». Вот так вот. Повисла пауза. Прошел гур-гур. Все замялись. Раздались аплодисменты. И тогда кто-то, чтобы снять напряжение, догадался объявить танец. Помню, это был белый танец — «дамы приглашают кавалеров».

Я по натуре человек застенчивый. В театральном институте на уроках танца всегда становился в третий ряд, и наш педагог Эда Петровна Перова мне говорила: «Мягченков, Вам надо в первый ряд становиться, а Вы все в третий прячетесь». Но в тот новогодний вечер со мной что-то случилось. Затмение! Я вскочил со стула, подбежал к Клавдии Ивановне и выпалил: «Разрешите пригласить вас на танец?» Шульженко повернула голову, пронзительно просверлила меня глазами, вновь зависла пауза. У меня в голове пронеслось — сейчас меня уничтожат. Но великая певица сказала: «А почему бы и нет? Тряхнем стариной».

Мы вышли на середину зала и начали вальсировать. Сколько Клавдии Ивановне было тогда лет? Не знаю. Можно подсчитать, но не хочется. Что это был за танец?! Полет. Фантастический. Мы кружились в вальсе, в ослепительном свете люстр большого зала, и все вокруг расступались, окружали нас... Десятки глаз — и в центре только мы вдвоем. Клавдия Ивановна танцевала очень энергично, сильно, как молодая женщина, щеки ее покраснелись. Мне было так легко, как в невесомости, и

я шепнул ей на ухо что-то дурацкое. Наверное, «я вас люблю!» Она посмотрела на меня, и я понял, что в эту секунду она была не великой Шульженко, а счастливой женщиной. Простой и счастливой. А у меня все эти тридцать лет в голове часто крутится ее песня:

*«Когда вы спросите меня,
Как я живу на склоне лет, —
Отвечу: я полна огня!
Да-да, скажу: полна огня
И юных сил, которых нет».*





Марина МЕРКУЛОВА

Член жюри-2011. Журналист, кандидат филологических наук, шеф-редактор телевизионных программ «Люди и премьеры», «Разговор с Александром Мягчковым», телеканал «Столица».

СЧАСТЬЕ НА ВКУС

«Чего киснешь? Пойдем, я куплю тебе мороженое!» — сказал приятель. Я передернула плечами: «Ты думаешь, от мороженого я стану счастливее?» Приятель ответил серьезно: «Думаю, да». В кафе я взяла два шарика джемки с миндалем и попросила полить шоколадом. Мы вышли на улицу, уселись на лавочку, я болтала ногами, не торопясь, ела мороженое — но никаких признаков подступающего счастья не чувствовала. Я вообще из породы тех людей, для которых абстрактные категории связаны с такими же абстрактными вещами. Однажды в университете Южной Кореи, где я учила студентов русскому языку, я дала им задание — написать сочинение про счастье. В традициях философского романтизма по отношению к жизни я ждала от студентов откровений в стиле «счастье — это когда тебя понимают», «счастье — как солнечный зайчик, его не прикрепишь к листу бумаги». А получила стопку листов с короткими конкретными примерами: «счастье — это прийти домой уставшим и лечь в ванну с горячей водой»; «счастье — это открыть дверь папе, который принес коробку твоих любимых конфет»; «счастье — это идти по улице и вдруг услышать любимую мелодию». У меня даже возникло раздражение. Вот это —

счастье? Я открыла русско-корейский словарь, чтобы разобраться, есть ли в корейском языке разница между понятиями «счастье» и «удовольствие». Я хотела объяснить своим студентам, что да, на свете есть маленькие приятности жизни, но не надо путать их с чем-то глобальным и серьезным — счастьем. Это было ровно десять лет назад.

Следующий раз мысль «что такое счастье?» накрыла меня во время интервью с Людмилой Марковной Гурченко. В ее книге я прочитала фразу: «Счастье кончается, как только ты решил, что оно будет длиться вечно. К счастью привыкать нельзя». Попросила актрису прокомментировать. Гурченко резко повернулась полубоком и возмущенно бросила: «Невозможно объяснить счастье!». Но меня этот ответ не устроил. Что значит невозможно? Все-таки, как ни крути — я взрослая женщина, хочу жить счастливо, и мне жизненно необходимо разобраться — от чего что зависит.

Год назад во французском городке Довиле мы с сестрой зашли в магазинчик всякой всячины. На витрине висело сердечко из серой мешковины с белыми кружевам. Вышитый цветочек и над ним слово «Bonheur». «Счастье». «Купи себе счастье из Довиля», — сказала моя младшая сестра. «Счастье? А я разве знаю, что это такое?» Не прошло и недели, как мы оказались в гостинице другого французского городка — Лурда. В Лурде 153 года назад произошло явление Богородицы и теперь это место паломников со всего мира. В гостинице на ресепшене стояла доска, на которой по утрам девушка-администратор вывешивала цитату — афоризм дня. В день нашего приезда на доске мелом было написано: «Счастье — это продолжать хотеть то, что имеешь». Ничего себе подсказочка! Я ходила три дня в раздумьях. Подходила к окну комнаты, открывала ставни, свешивала голову вниз и смотрела на шумную улицу. Надо мной просто маячил вопрос: «А я хочу иметь то, что имею?»

Вот уже год серое сердечко со словом «Bonheur» висит над моим письменным столом, и я могу взять его в руки. Оно мягкое и домашнее. А совсем недавно мы заехали с моим другом на автозаправку, и пока заливали бензин в его громадный «Судзуки», друг купил в автомате два эскимо на палочке. На мне была белая блузка и на моем друге тоже белоснежная марлевая жатая рубашка навыпуск. Мы хохотали и очень старались не вымазаться мороженым. Но шоколад все равно упал и на мою блузку, и на его рубашку. Я стала вечером стирать, и тут вспомнился давний приятель, который когда-то купил мне джемку с миндалем. Я повзрослела на десять лет. Знаю ли я ответ на вопрос: можно ли стать счастливее, съев мороженое? Нет. Но мне нравится сегодня пробовать свое счастье на вкус.





Нелли ВИСТ

Золотой призер конкурса «Поэтри Слэм», проводимого в рамках фестиваля «Русский Stil-2008». Обладатель награды «За верность и сотрудничество». Член Международной гильдии писателей.

БАБЬЕ ЛЕТО

Рыжая девчонка вдоль по саду шла,
И шуршала тихо желтая листва,
И качались кроны в синих небесах,
Отражалось солнце в девичьих глазах.
И смеялась лето вслед девчонке той,
Припугнуть хотело позднею грозой.
Танцевала лихо, босо по траве,
Лишь сверкали капли в рыжей голове.
Радугой весенней осень зацвела,
Радость и веселье в сердце принесла.
Кто же ты такая? Отзовись скорей.
Пролетела мимо стая лебедей,
Росчерком осенним, да в канун зимы
Зазвучали струны нежные весны.
Весело смеялась та девчонка всем,
И улыбкой брызгал в сердце яркий день.
Пролетела вихрем, как весенний цвет,
Вот, казалось рядом, а уже и нет!
Так бывает часто на дороге сей,
Улетело счастье до весенних дней.

МЕЧТА

Умоюсь я росинкою заката,
Стряхну космическую пыль,
И полечу я на коне крылатом
В заоблачную небыль-быль.
Войдя в мерцанье звездной ночи,
В туманность млечного пути,
Помчусь стрелой, зажмурив очи,
До той звезды, моей звезды!
Где дружно по дорожке ходят
Любовь, Здоровье, Счастье.
Где сказка вместе с былью бродят,
Не опускается ненастье.
Где нет болезней, мук и горя,
И нет беззубых стариков.
И где политики не спорят,
Нет после рака париков.
Где нет вражды из-за религий,
И где стихийных бедствий нет.
Не существует привилегий.
И пишет про любовь поэт.
Где дети в радости играют,
И вовремя идут дожди.
Влюбленные рассвет встречают,
И молодеют старики.
Где бодрый дух и мудрый взгляд,
И нет стремленья к накопленью.
Где каждый друг и каждый брат.
И царствует лишь вдохновенье.
О люди — это в наших силах.
Задумайтесь,
Чтоб это все свершилось!

СЧАСТЬЕ

Меня посетило счастье,
Окрасив весь мир красотой.
И враз отступило ненастье,
Весь день закружился весной.
Порою так мало нам надо:
Свет солнышка из-за туч,
Средь липкого зноя — прохлады,
Далекой звезды яркий луч.
Чтоб пахло лесною малиной,
Чтоб липа цвела за окном,
Чтоб были мы вечно любимы,
И ждал нас родительский дом.



Вернисаж

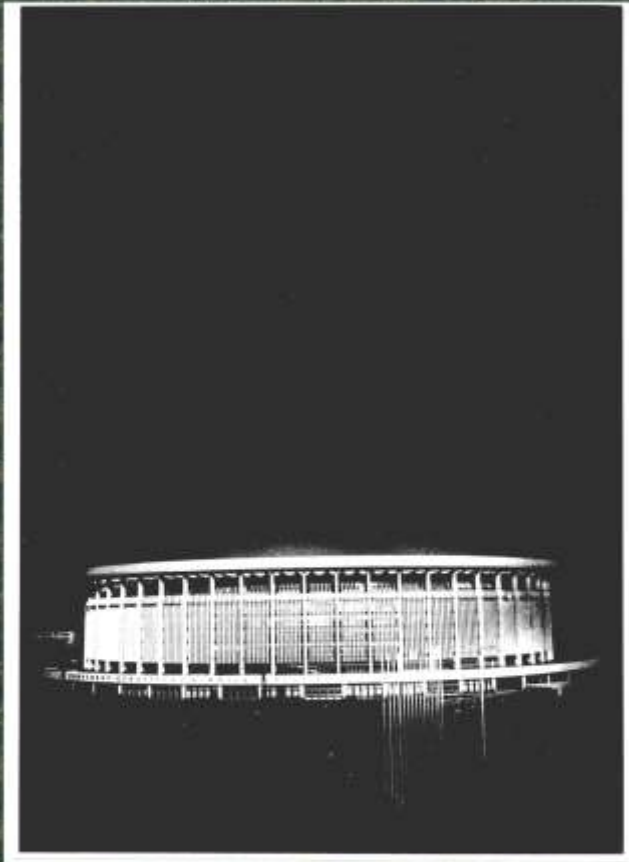


Сергей ЗЫРЯНОВ

ЧЛЕН ЖЮРИ-2011, НОМИНАЦИЯ «ПОЭЗИЯ В ФОТОГРАФИИ»



Алексей КУЗНЕЦОВ



ЧЛЕН ЖЮРИ-2011, НОМИНАЦИЯ «ПОЭЗИЯ В ФОТОГРАФИИ»

Александр ГЛЕБОВ

ЛАУРЕАТ 1-ОЙ СТЕПЕНИ, НОМИНАЦИЯ «ПОЭЗИЯ В ФОТОГРАФИИ»





ДАУРЕГАТ 2-ОЙ СТЕПЕНИ, НОМИНАЦИЯ «ПОЭЗИЯ В ФОТОГРАФИИ»

Виктор НОВОКРЕЩЕНОВ

ЛАУРЕАТ 3-ЕЙ СТЕПЕНИ, НОМИНАЦИЯ «ПОЭЗИЯ В ФОТОГРАФИИ»





ДИПЛОМАНТ, НОМИНАЦИЯ «ПОЭЗИЯ В ФОТОГРАФИИ»

Антон СОУЛЕВ

ДИПЛОМАНТ, НОМИНАЦИЯ «ПОЭЗИЯ В ФОТОГРАФИИ»



Наталья КОШКИНА



ДИПЛОМАНТЫ, НОМИНАЦИЯ «ПОЭЗИЯ В ФОТОГРАФИИ»

Татьяна КАСКЕВИЧ



Номинация «Поэзия в фотографии» — полуфинал

Александр Глебов — г. Челябинск

Арсений Семенов — г. Псков

Виктор Новокрещенов — с. Миасское

Эрлан Акматов — г. Бишкек

Антон Соулев — г. Москва

Татьяна Каскевич — г. Красноярск

Шерзод Юлдашев — г. Ташкент

Приз зрительских симпатий

Наталья Кошкина — Курганская область

*Молодые
дарования*





Юлия МОРОЗОВА

Лауреат 1-ой степени литературного конкурса «Русский Stil-2011», лауреат литературно-музыкального фестиваля «Елагин Остров 2010».

БЕК-ВОЛКОДАВ

О. Мандельштаму

В комнатушке центрального Питера,
где окно заменяет шершаво-шипящий шкаф,
кутается в ошметки свитера
человек, словно шапка, запихнутая в рукав.

Затыкая свой рот папиросою,
а ушные раковины — радиоволной,
он сгибается знаком вопроса и
тянется к батарее щетинистой щекой.

Дверь завесив зеленою шторою,
он не может согреться, ворочаясь допоздна.
По ночам ему снится история
о ребенке, погибшем в блокадные времена.

Будто через замочную скважину
видит прошлое, женщину лет тридцати пяти
с дочкой, что замурованы заживо.

Эта девочка, маму обняв, говорит: «Прости

тех людей, что нас голодом мучают,
мамочка, сохнут пальчики веточками берез,
знаешь, я стала маленьким лучиком.

Посмотри, мы сияем на солнышке радугой слез.

Слышишь — бьется последняя бабочка?

Ведь написано в книжке, что Боженька нас спасет.

Потолок раздвигается, мамочка!

Опустился снежинкою ангел, зовя в полет!»

И они улетают с рассветами.

Человек остается один и глотает крик,

пораженный виденьями этими,

пьет настойку и смотрит комический боевик.





Елена КОСТЮЧЕНКО

Лауреат 2-ой степени литературного конкурса «Русский Stil-2011». Студентка переводческого отделения Алтайской государственной педагогической академии г. Барнаула.

* * *

Нет никакого моря. Море придумали люди,
Чтобы мечтать о лучшем долгими вечерами.
Лучше уже не станет, хуже уже не будет.
Странно, какие виды между и перед нами.
Я не болею, что ты. Какие быть могут боли
Здесь в пустоте без тела и без души, возможно?
Только фантомным стуком сердце колотит в горле,
Только опять кармином кровь потечёт по коже.
Нет никакого моря. Если бы море было,
Я б родилась так близко, чтоб не учиться плавать.
Я бы кормила чаек, рылась бы в грудах ила.
Жизнь бы была, как в книгах, разделена на главы.
Я не болею, слышишь? Я не зову это болью.
Только теряю веру, вера уже застыла.
Даже глаза привыкли к каплям воды и соли,
Но я бы была счастливей, если бы море было.

* * *

Если ты спросишь, какой ценою
Здесь выживают годами, не скрою,
Сложно ответить, хоть дело в малом.
Кроить свою жизнь по чужим лекалам
Стоит, лишь если своих не нажил.
Стуком по дереву, если даже
Верить в приметы и не научили,
Обозначать свою общность или
Схожест с другими и род двуногих
Превозносить, что, по мнению многих,
Станет отдушиной для любого,
Кто не найдет для себя иного
Повода, чтобы собой гордиться.
Если же что-то должно случиться,
Проще забиться в скорлупку комнат,
Скрыться за стенами, под потолком над
Чьей-то квартирой с гремящим роком.
Лучше иметь иногда под боком
Что-то живое: цветок ли, кошку,
Мужа или того, кто подножку
Не сможет поставить, поскольку честен.
Хоть приступ доверия и неуместен
В таком антураже и в этом веке,
Радостно все же, что в человеке
Можно найти утешенье, можно
Что-то и больше найти, но тоже
Призрачно так, что резон креститься.
Реальное стало все чаще сниться.



Борис КУТЕНКОВ

Лауреат 3-ей степени литературного конкурса «Русский Stil-2011». Работает корреспондентом муниципальной газеты, учится в Литературном институте им. А. М. Горького (семинар поэзии).

* * *

Ты себя исчерпал к январю. Меркнут крылья и разум.
 Все, что молча осталось, — метельная эта игра:
 наблюдать, как другие летают, кружиться над газом,
 не желая упасть, но опять ощущая — пора.
 А вокруг — Рождество! Наряжаясь кто ведьмой, кто феей,
 молодежь на Колядки несется веселой гурьбой.
 В темном доме цыганка гадает на гуще кофейной:
 усмешается рот. Оплавляется карлик свечной.
 «Взлет карьеры — но множество пятен по части здоровья...
 Перевернуто сердце — и, видно, с любовью беда...»
 О, проклятая карма, о, дар, щедро сбагранный кровью,
 и монета, зарытая в детстве поодаль пруда!..
 (Ты забыл откопать — а тайник безвозвратно потерян...)
 Видишь — бабочка ползает, пусть с перебитым крылом?...
 Значит — слишком заманчиво кончить красивым паденьем,
 ставя точку в маршруте — запутанном, ложном, кривом.
 Так нелепа тоска — что иголкой теряется в стоге;
 так отчетлива цель — что сама освещает следы...
 Ты еще доживешь до весны!.. Надо вытянуть столько —
 тоже сбившихся с толку. Бесцельных. Нелепых. Слепых.

* * *

забыть бы что-нибудь нарочно
и под предлогом плыть туда
где ночь подряд в окне барочном
светилась дурочка-звезда
она светилась и светила
и грела словом на губах
которое свободно было
нам говорить шутя впотьмах
а нынче нынче как ни целься
не хватит пуль произнести
в краю родном зашкалил цельсий
и ни предлога ни звезды
молись и лбом о стену бейся
зверину-боль корми с руки
алеет парус-компанейский
у берега Москвы-реки
на нем вечерняя пивная
что хочешь пей гуляй играй
а он блаженный просит рая
как будто есть на свете рай
и можно снова все спокойно
начать с нуля одной строкой
как будто в чем-то или в ком-то
хотя бы в чем-то есть покой



Яна ГАЛИЦКАЯ

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2011». Лауреат магнитогорского конкурса молодых талантов «Дебют-2004»; лауреат поэтического интернет-конкурса «Сказочное новогодье-2010».

БРЕД ИМЕНИ МЕНЯ

Скоро дождь или снег
Я не знаю сама,
Кто я здесь: человек
Или просто луна...

Заколоченный мир
Стал чужим в один миг,
Жизнь затерта до дыр,
В воплощении книг...

И две жизни всего
Остается мне здесь...

Ну и что?.. Ничего!..
Просто боль, просто месть...

Семь пророческих дней
Сочинила сама...
Мир безликих теней,
Тихо сводит с ума...

РАССТАВАНИЕ

«Теперь все к лучшему!» — сказала
Она ему, а он молчал
У края жизни, у вокзала,
Стремясь найти в душе причал.

Хмельное небо цветом серым
Дождем пыталось прокричать
Ему о чем-то важном первым,
О том, что ей пришлось молчать.

И даже ангелы крылами,
Касались плеч и звали ввысь,
Она добавила: «Я знаю,
Что это жизнь, такая жизнь»...

И ветер нежно и нескромно
Охапку листьев бросил вслед,
И потерялись разговоры
В ветрах, в ошибках прошлых лет.

И солнце скрылось, вмиг застыло,
Не в силах что-то поменять,
А сердце билось, сердце ныло,
Прося у осени огня.

Прося у неба солнца, света,
Шумел тот маленький вокзал,
А он уехал вдаль, к рассвету,
Так ничего и не сказал...



Даниил ЛЕБЕДЕВ

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2011». Учится на филологическом факультете Новосибирского государственного университета. В поэзии ключевой считает звуковую составляющую.

* * *

В моем доме живут одинокие люди, я уверен.
Потому что я слышу лай их собак ночью.
Потому что я слышу то, как они закрывают двери.

Ниже стоит человек, стоит человек и бросает
мысли — в окно, окурки — в стеклянную банку.
Я слышу, как он открывает двери, звеня ключами,
слышу его шаги, а иногда — дыхание.

Каждый раз я прошу, я прошу, чтобы он подольше
постоял, чтоб он стоял до конца моей жизни.
Потому что когда он уходит, все, что я слышу — тихий,
рвущийся плач канатов, рыдающих в шахте лифта.

Ниже стоит человек, стоит человек и курит.
Я не видел его, не видел, не знаю имени.
Только теперь я знаю, что кроме меня на свете
есть еще одно существо — как минимум.

* * *

Однотонный гул и молчание великана,
необратимость и бесполезность битвы.
Всюду течет розоватая кровь, и то не порез от бритвы,
а колоссальный камень, который он поднимает,
чтобы войти в пещеру.
Пещера на горном склоне — бровь или запятая,
и, камнем заткнув дыру, великан обретает веру
дом обретая.

У слова «логово» необработанны стены и пол неровный,
великан вспоминает детство в пещере
(«вспомнить» — глагол безмолвный),
когда положил на блестящую арфу большие пальцы
и великанша-мать, смеясь, говорила что-то,
жили тогда у берега
не то речки, не то болота.

В гулкой пещере птичьи крылья скрепят, как ставни,
он смотрит вокруг на камни, он смотрит на камни. Камни
похожи на лица людей, луну и фасад собора,
и сам он похож на камень
или большую гору.



Татьяна ДРУЖИНИНА

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2011». Бакалавр по направлению «Информатика и вычислительная техника». Работает преподавателем и техническим писателем.

ВАРЕЖКА

Где-то последний сверчок допеваает соло,
Дома кровати бессонны, а сны узки.
Шумно сражаясь с молью на антресолях,
Ищут друг друга варежки и носки.
Полночь — незрелая слива, тугая завязь
Ночи. В прихожей шепот шарфов и шуб
Слышен, и чертыхается в темном зале
Злой полтергейст, запнувшийся о фэн-шуй.
В елочку или малинового цвета,
Связанные из кошек, и коз, и лам —
Если резинки белой меж ними нету,
Варежки расползаются по углам.
Страх одиночества ночью ужасно вреден,
Злой полтергейст задумался и завис,
Все мы немного спим и немного бредим.
Скоро светает. Варежка, отзовись!

ХУРМА И АЛЫЧА

Какого вкуса слова «алыча»?
зимой ее никто не продает.
(я позволяю музыке звучать,
не признавая бремени ее.)
хурма скатилась в хаос овощей,
поежился заснеженный урюк.
(я вижу красоту простых вещей,
но никому о ней не говорю.)
к стеклу прилип оттаявший лаваш,
авоська рвется, полная добра.
(я чувствую шершавые слова,
но не могу другие подобрать.
и подберу ли что-нибудь ценней,
чем менее замерзшую хурму?)
по снегу шли полосы от саней,
простые, параллельные всему.



Номинация «Молодые дарования» — полуфинал

Юлия Морозова — г. Санкт-Петербург

Елена Костюченко — г. Славгород

Борис Кутенков — г. Москва

Яна Галицкая — г. Магнитогорск

Данил Лебедев — г. Новосибирск

Татьяна Дружинина — г. Новосибирск

Сергей Кисеслев — г. Самара

Платон Ллив — г. Хельсинки

Евгений Лумпов — г. Павлодар

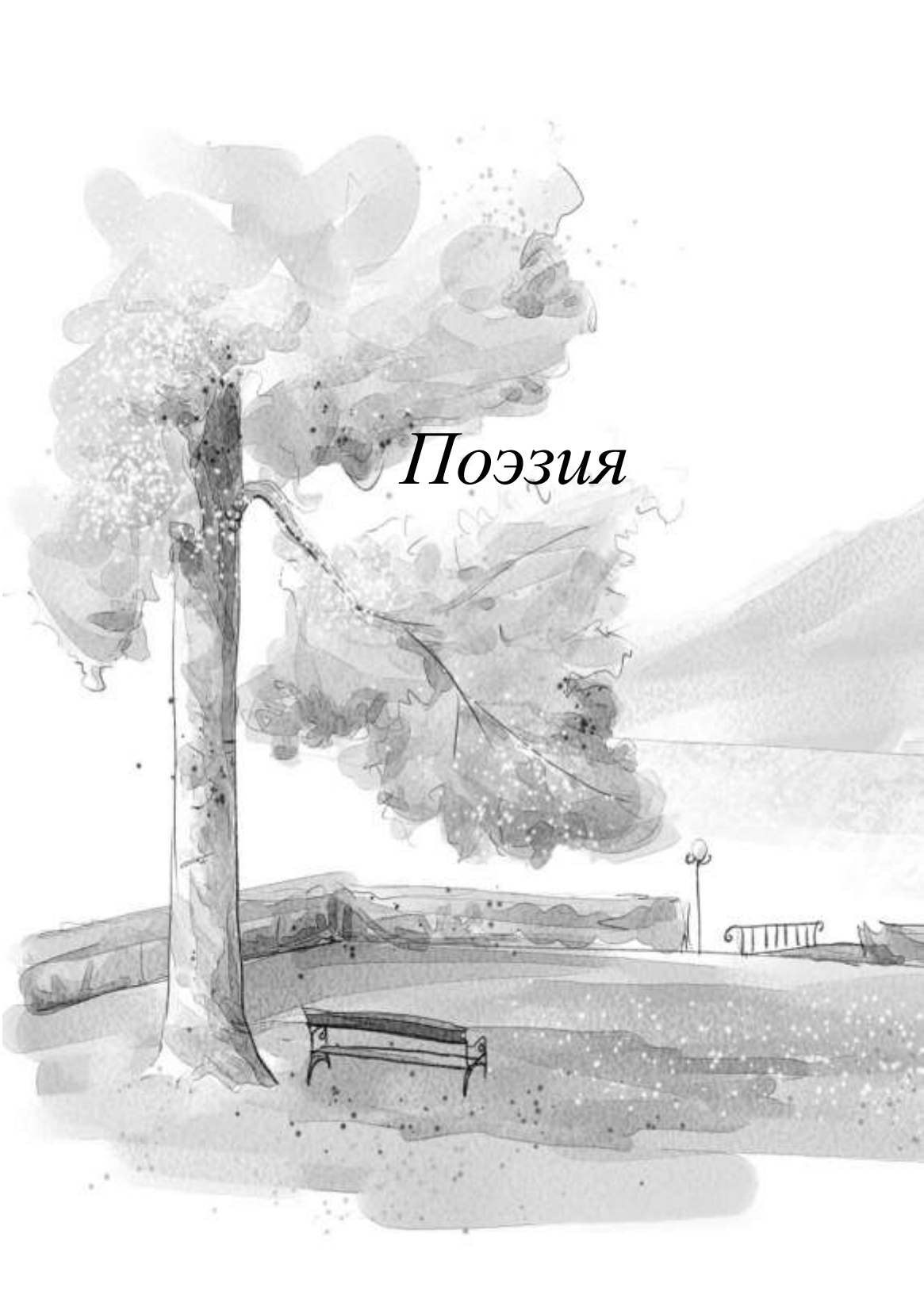
Зоя Кашафутдинова — г. Пермь

Дмитрий Зайцев — г. Москва

Никита Гладунюк — г. Иваново

Приз читательских симпатий

Татьяна Дружинина — г. Новосибирск



Поэзия



Виктор КИРЮШИН

Лауреат 1-ой степени литературного конкурса «Русский Stil-2011», лауреат Международной премии имени Андрея Платонова. Поэт, публицист, редактор, издатель. Член Союза писателей России. Автор трех поэтических книг.

* * *

Задыхаюсь от косноязычья,
Но уже не зайти за черту —
Слово рыбе, звериное, птичье,
Словно кость, застревает во рту.
Снова древнюю книгу листаю,
Чей волнующий запах знаком.
Вы, от века живущие в стае,
Не считайте меня чужаком.
Беззащитен и разумом смутен
Смуглый пасынок ночи и дня,
Я такой же по крови и сути —
Муравью и пичуге родня.
Но природа, закрывшая двери,
Немотой продолжает корить.
О, свободные птицы и звери,
Научите меня говорить!

* * *

На исходе сентября,
На краю, на переломе
Жизнь иная и не зря
Тишина такая в доме.
За окошком все грустней,
Все труднее ладить с бытом,
Но минувшее ясней
В этом воздухе промытом.
Дождик лекарем за мной
Ходит в сереньком халате...
Все ошибки,
До одной,
Вдруг припомнятся некстати.
От рожденья до креста
Что ж носить вериги эти?
Надо с белого листа
Попытаться жить на свете.
Только где вести межу,
Ведь душа всего касалась,
Если тем и дорожу,
Что несостоящим казалось?
Паутины тонкой нить
Прочит скорую дорогу...
Ничего не изменить
В том, что было,
Слава Богу!



Ирина АКС

Лауреат 2-ой степени литературного конкурса «Русский Stil-2011», лауреат литературного конкурса «Золотое перо Руси-2010». Один из организаторов клуба русских поэтов Северо-Запада США «Поэтфест».

МОРОЗКО

Январский воздух — звонкий, как стекло.
 Сулит Морозко щедрые награды...
 — Тепло ли тебе, девица? — Тепло!
 — Помочь ли? — Благодарствуйте, не надо!

В озябшем теле холодеет кровь...
 — Тепло тебе? — Да, гражданин начальник!
 Морозкин гнев, Морозкина любовь —
 свят-свят! — минуй нас пуще всех печалей!

То гой еси, а то другой еси —
 нам всем тепло! от кабаков до спален!
 Закон «не верь, не бойся, не проси» —
 он даже в детских сказках актуален.

Гляжу, прищурясь, в ледяную тьму,
 холодная луна вдали белеет...
 В карманах крепче кулаки сожму,
 а лучше — кукиш: так руке теплее.

Мороз лютует... Вот еще чуть-чуть —
 и наградит! (да не было бы поздно...)
 — Тепло ли тебе, девица? — Молчу.
 Пусть думает, что я уже замерзла.

ИЗ СТАРЫХ ШОТЛАНДСКИХ ПЕСЕН

У смешливой Мэри был острый язык,
у лукавой Мэри был дерзкий взгляд,
и когда мы с ней оставались одни,
я смущался, краснел и шутил невпопад.
Пролетели года, но я буду всегда
вспоминать, как Мэри была горяча!
...и была другая, чье имя забыл,
та, с которой было легко молчать...

Златокудрая Энни бывала нежна,
кареглазая Энни бывала добра,
и когда мы с ней оставались одни,
то бывали счастливы до утра.
Пролетели года, но я буду всегда
вспоминать, как вместе сердца стучат!
...только жаль, что не помню имени той,
с которой было легко молчать...

Стала добрая Дженни мне верной женой,
она родила мне троих сыновей,
и счастливую жизнь прожила со мной,
ну и я был счастлив, конечно же, с ней.
Но когда придет мой последний день,
да, когда пробьет мой последний час —
я, наверное, вспомню имя ее —
той, с которой было легко молчать...





Елена ЛАПШИНА

Лауреат 3-ей степени литературного конкурса «Русский Stil-2011», стипендиат Форума молодых писателей в Липках.

* * *

Поскрипи, поворочайся, ляг на живот.

Чуть сморило и вот:

чу! — мышиный обход,
комариное соло над ухом плывет,
кто-то певчий из сада зовет.

И скрипичным концертом тревожат сверчки.

Со смычками в ладу
покачнутся в саду
георгинов испанские воротнички
и стреляют люпинов стручки.

Отдохни от забот, позабудь урожай.

И на лунном полу —
полуночном балу —
стань на цыпочки, девочка, воображай —
закружи, завораживай — не возражай! —
продолжай, продолжай, продолжай...

* * *

На даче — лепота: пионы и люпин
толкуются у стола, заглядывая в чашки.
Теплынь, а ты с утра ворчишь, и ты — любим
до каждой клеточки на клетчатой рубашке.

Смородиновый чай, кузнечики у ног,
сомлел соседский кот на плиточной дорожке.
Ты отгоняешь прочь цветочный табунок,
встаешь из-за стола, отряхивая крошки.

И все еще — оса над чашкой голубой;
и все уже — как есть, и не в чем сомневаться.
И фотку бы в альбом: «Вот это — мы с тобой...»
Но это — я и ты — в свои невосемнадцать.

И надобно опять — в прозябшее жильё —
отважиться на жизнь с повадкой постояльца —
в болезни и нужду, в безлюбие твое, —
чтоб не пускать корней и смерти не бояться.





Юрий БЕРДАН

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2011», призер и лауреат нескольких национальных и международных литературных конкурсов.

ПОСЛЕДНИЙ МОСТ

Остался за спиной последний мост,
Еще чуть-чуть — и будет, как вначале:
Безмерна жизнь и мир прозрачно прост —
Ни многих знаний, ни больших печалей.

В снегу утонет Харьков или Тверь,
Иль то, чего на карте нет в помине.
И женщина на стук откроет дверь,
И улыбнется: «Добрый вечер, милый...»

На кухню проведет и скажет: «Сядь!»
Где был, что делал — спрашивать не станет,
Нарежет черный хлеб, поправит прядь
И в синей миске борщ на стол поставит.

А утром солнце в шторах заискрит,
И губ тепло — «тебе пора!» — разбудит...
Когда за мной последний мост сгорит,
Возможно, с кем-то так оно и будет.

ПАМЯТЬ

Над бездорожьем лет полузабытых
Сирены визг и вспыхнувший дисплей!
Люблю!.. люблю!.. люблю! — рассветный выдох
У памяти разбуженной моей.

У памяти чуть хрипкое сопрано
И серые, как сумерки, зрачки...
О как июле ночи пахли пряно,
И ветер с гор рассветы рвал в клочки...

У памяти дыханье речки спящей,
Случайный блик, неправильный аккорд,
И черный чайник над костром кипящий,
И «фирменный» бисквитный мамин торт.

Смертельной смерть в сегодняшнем заряде
И боль больней, и зло стократно злей...
И рыжие, как лес осенний, пряди
У памяти встревоженной моей.





Александр АМУСИН

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2011», обладатель Национальной литературной премии и звания «Лучший автор нового тысячелетия», лауреат литературной премии Чехова. Награжден орденами «Державин», «Маяковский», «Профессионал России».

Из цикла «МЫ»

*Жить по лжи, что плугом небо
До седых волос пахать...
Жаль при этом, что придется,
Дождь посеяв, воду жать!*

МОНОЛОГ ПО ТЕЛЕФОНУ

— Я спешу!
Удивилась? Не рада?
Ничего не случилось со мной!
Просто вечер такой нарядный,
Как швейцар над осенней листвой.
Не смеюсь.
 Это ветер шепчет.
Приглядишься, как вальсирует он
Среди тысяч прекрасных женщин...
Пред тобой. Верно, тоже влюблен...
Что? Я? Пьян?
 Утопаю в звездах!

Фонари зажигаю луной!
Кто сказал — в нашем возрасте поздно?
Всех к барьеру! Дуэль! На покой...
Не шучу!
Мне осталось две тучки,
Разгоню и открою дверь
Без ключа!
Мне поможет лучик
От улыбки прекрасной твоей.
Не сошел я с ума!
Не надо...
Если сможешь, чуть-чуть дотерпи.
Всех забот-то — четыре взгляда,
И два вздоха, на вскрик обойти...
Кто забыл?
Ах, безжалостно время!?
Я укрою цветами часы,
Кинусь в ноги к Весне на коленях,
Окунусь в тайну вечной росы...
Кто глупец?
Ну, зачем так строго?!
Вдруг поверю и стану таким...
Я лечу!
Я уже над порогом...
Как?
Ты адрес сменила?
Вот клин...

Номинация «Поэзия» — полуфинал

Виктор Кирюшин — г. Брянск

Ирина Акс — г. Нью-Йорк

Елена Лапшина — г. Москва

Юрий Бердан — г. Нью-Йорк

Александр Амусин — Саратовская область

Нина Юшкова — г. Санкт-Петербург

Жанна Пестова — Нижегородская область

Светлана Дон — г. Славгород

Татьяна Каскевич — г. Красноярск

Нашим детям





Виктор ЧЕПЕНКО

Лауреат 1-ой степени литературного конкурса «Русский Stil-2011», детский автор.

УЛИТКА

У крошки-зверушки
На спинке ракушка.
Она не простая,
Она завитая.
В ней крошка ночует
И с нею кочует.
Ракушка ей дом,
Живет она в нем.
Зверушка не прытка,
Зовется ... (*улитка*).
Улитка смешная
Рога подымает.
Ой, будет бодаться!
Куда нам деваться?!



КОНЬ

Бьет копытом, громко ржет,
Из ведра водицу пьет,
Сено ест и ест овес,
По деревне возит воз,
Резвый, быстрый, как огонь,
С длинной гривой славный ... (конь).
Каждый конь имеет масть
Чтобы в массе не пропасть,
Чтобы знали кто такой,
Конь каурый иль гнедой,
Рыжий, белый, вороной...
А тебе милей, какой?

ГЕПАРД

Легкий, резвый и пятнистый
Он бежит за ланью быстро.
Он всегда быстрее всех,
У него красивый бег.
Он почти как леопард,
Но зовут его ... (гепард).
Зверя можно приручить,
На охоту с ним ходить.
Он смысленный, словно пес,
У него курносый нос.



Анастасия БАБИЧЕВА

Лауреат 2-ой степени литературного конкурса «Русский Stil-2011», дипломант конкурса на соискание Премии им. О. Бешенковской. Литературный критик, переводчик, писатель, член Международной гильдии писателей.

ДЛЯ ЧЕГО НУЖНЫ ГЛАЗА

Для чего нужны глаза?
Я отвечу точно!
Вот вдали гремит гроза
Теплой летней ночью —
В сине-черной темноте
Ярко-желтый всполох.
Ты об этой красоте
Не расскажешь словом.
На раскрывшийся цветок
Вдруг присела стрекоза —
Лета-мастера мазок
Оживает на глазах!
Все оттенки красоты
В мире видишь ты!

ДЛЯ ЧЕГО НУЖНЫ НАМ РУКИ

Для чего нужны нам руки?
Чтоб не маяться от скуки,
Чтоб цветным карандашом
Рисовать в альбоме дом.
Чтоб зимой носить перчатки,
Чтоб сорняк полоть на грядке.
В поле чтоб нарвать букет,
Чтобы ложкой есть обед.
И чтоб маме в день рожденья
Приготовить поздравленье!

ДЛЯ ЧЕГО НАМ НУЖЕН НОС

Для чего нам нужен нос?
Это не простой вопрос...
Например, зима, мороз,
Только вышел — нос замерз.
Но зато приятно, знаю,
Греть свой нос за чашкой чая,
Наслаждаясь ароматом
Чая с листиками мяты.



Марина ЮРИНА

Лауреат 3-ей степени литературного конкурса «Русский Stil-2011», лауреат 2-ой степени литературного конкурса «Русский Stil-2009».

ВЕРТОЛЕТНЫЙ ДЕСАНТ

Вертолетный десант!
Вертолетный десант!
Я сегодня его
Видел сам!
Видел сам!
Вертолеты кружат
Среди белого дня,
Опускаясь в траву,
На асфальт,
На меня.
Кто отправил тебя,
Вертолетный десант?
Это клен —
Рыжий клен —
Я его видел сам!

ПОПРОШУ Я У ЛЕБЕДЯ...

Кто живет по ту сторону облака?
Может быть, чародей-великан?
И в глазах у него отражаются
Все сказанья заоблачных стран?

Может, Лис там живет неприкаянный,
Или вежливый Маленький Принц?
Или добрый Грифон, что отчаянно
Перед звездами падает ниц?

Попрошу я у лебедя строгого
Крылья, цвета белее снегов.
Ведь хочу я, поверьте, немного —
Заглянуть за туман облаков...





Маргарита БЕНДРЫШЕВА

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2011», лауреат областных литературных премий им. М. Цветаевой и Л. Леонова. Член литературного объединения «Вега» при калужском отделении СП России.

КОСМОКОТ

Мне вчера соседский Саша
Рассказал о тайне... Вот:
Будто ходит в небе нашем
Преогромный КосмоКот.

Выше всех подъемных кранов,
Выше туч и выше птиц,
Выше грома барабанов,
Выше ветра и зарниц,
Самолетов и ракет...
Это правда или нет?

На окне отдерну штору:
Неужели впрямь живет
Самый мягкий,
Самый черный,
Самый скрытный КосмоКот?

Что-то верится не очень...
Ну а Саша мне в ответ:

— Ты во двор-ка выйди ночью,
Посмотри наверх — молочный
До сих пор не высох след!
Кто же там свалил бидон?
КосмоКот, конечно он!

Ой, дурачит, не иначе!
Сашка, хитрый, словно лис,
Предложил: — Реши задачу,
Кто луну гонял, как мячик,
А потом еще погрыз?
Вон, куска не достает...
Кто же это? КосмоКот!

Я опять засомневалась,
Сашка тут же говорит:
— Что, ни разу не случилось
Видеть, как по небу мчалась
КосмоМышь-метеорит?
Изо всех мышинных сил...
Это Кот ее ловил!

В общем, я теперь в догадках
Изучаю небосвод:
Где же бродит
Самый мягкий,
Самый черный
КосмоКот?



Татьяна КАСКЕВИЧ

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2011». Имеет публикации в журнале «День и ночь», альманахе «Новый Енисейский литератор», альманахе «Антология одного рассказа».

КОТ

У соседей — черный кот,
Толстый и вальяжный.
Хвост упругий он несет,
Словно знамя, важно.
Он совсем не ловит крыс,
Да и мышек — тоже.
Он мне тапочки погрыз
И у стула ножки.
Я поймал его на спор,
Почесал за ушком.
Заурчала, как мотор,
Мягкая игрушка.

РИСУНОК

На столе сидит сова —
Я ее нарисовал:
Разноцветная такая,
Жалко только — не живая.

КОРАБЛИК

Плывет кораблик хлебный
По скатерти льняной.
В нем паруса из сыра,
Петрушка — рулевой.
Он айсберги тарелок
Встречает на пути,
Отчаянный и смелый,
Такой же, как и ты.
Он бурю преодолеет
И мели обойдет.
А в том ему поможет
Костюшка-мореход.

НАВОДНЕНИЕ

Я в окошко выглянул —
Мамочка, держи!
В мутной жиже плавают
Дом и гаражи,
Даже наша школа,
Даже тополя...
Ничего не вижу:
Где теперь земля?



Татьяна ДЕСЯТНИЧЕНКО

Лауреат 1-ой степени литературного конкурса «Русский Stil-2011», детский автор.

АНДРЕЙ, ВДОВИЙ СЫН

Давным-давно, в деревне на берегу речки Миусинки жила вдова и был у нее сынок Андрюшенька. Всем хорош паренек — и высок, и собой хорош, и в плечах широк. Правда, ни к какому делу не приучен, ни к какой работе тяги не имел. Вдова души в нем не чаяла — холила и лелеяла, работы тяжелой деревенской не давала, до седьмого пота работать не заставляла.

Пришло время, стали девчата на него заглядываться. Вечерами летними соберется молодежь у реки, песни поют, хороводы водят. Андрей среди них — первый певец и плясун. Где он — там шутки, смех. Да не это — главное. Мог он каждой девушке слово красное сказать — похвалить глаза ее, али походку плавную, или восхититься платком-полушалком на ее голове. Глядь, а дивчина уже зарделась от тех слов, глаза засияли ярче. И не только говорил он так, а и относился Андрей к людям по-доброму. Чувствовали люди это и тянулись к нему.

Многим девчатам по душе был вдовый сын. Немало девиц сохло по нему. Ему же приглянулась Олена — пригожая дочка сельского старосты. Выделил он ее среди остальных девчат. Частенько видели их вместе. А чаще втроем — была у Олены сестра-малолетка Любушка — глазастое создание с оттопыренными ушами и носом пуговкой. Куда бы ни пошли Андрей с Оленой, и она за ними увяжется. Олена сердится, ругает, гонит

ее, а Андрей хохочет — смешная девчужка, нескладная, все на него смотрит, глаз не отводит.

«Что, Любава-забава, подарки любишь? А вот возьми — и протягивает ей глиняную свистульку. Обидит кто тебя — свистни мне — явлюсь перед тобой!» — и опять хохочет.

Вот прошло лето красное, пролетела осень золотая. Наступила зима, сначала слякотная, а затем морозная да белоснежная. На святках пошла молодежь колядовать. Колядки поют, Звезду носят, а люди добрые им за это выносят — кто пряники медовые, кто — пирожки масляные, кто — денежку звонкую. Шум, смех, веселье. Раззадорились колядовальщики, расхрабрились.

— Пошли к мельнице, на плотину, на воду поглядим. Она там никогда не замерзает, — зовет Андрей шумную ватагу.

Притихли девчата — боязно. Кто ж не знает, что на старой мельнице всякая нечисть водится!

А хлопцам понравились слова Андрея.

— Айда к старой мельнице!

Наконец и девчата согласились — веселой гурьбой ничего не страшно.

Спустились по проулку к реке, на плотину взобрались. Девчата за парней держатся — боязно. Парни себя громким смехом, шутками подбадривают. Первый Андрей идет, путь прокладывает, за ним — остальные. Вокруг тишина ночная, сказочная. На небе месяц золотой да звезды мигают яркие. Свет небесный до самой земли простирается — снег от него кажется голубым, а морозный воздух будто звенит от тишины святочной. И лишь вода темная журчит спокойно у плотины, да колесо мельничное поскрипывает, только подчеркивая этим тишину вокруг. Все тише веселые голоса — как будто заколдовывает удивительная ночь веселящихся, как ни старается Андрей подбодрить веселым смехом да шуткой друзей. И вдруг замолчал

балагур, замер, глаз от воды отвести не может. Еле оттащили его от того места хлопцы.

Да только с тех пор как подменили вдовьего сына — задумчивым и молчаливым стал, из дома редко выходит, да все норovit к реке сходить, на воду поглядеть. Шептаться в деревне стали, что страшное что-то в воде увидел парубок, вот и повредился рассудком. Мать Андрея плачет — горюет, все допытывает, что же случилось с ним той ночью святочной.

А как объяснит он ей, что увидел в темной ночной воде светлый образ девицы-красавицы и полюбил ее пуще жизни своей. И стоит она у него перед глазами как живая — очи ласково глядят прямо в душу его, губы алые улыбаются чуть насмешливо. Щеки у девицы от мороза пунцовые, а на ресницах снежинки белые, голова покрыта красным полушалком. А на полушалке том розы алые с васильками лазоревыми вытканы.

Не может Андрей забыть девицу-красавицу, взяла она в полон его сердце.

Солнце на весну повернулось, вот и говорит Андрей матери:

— Матушка дорогая, отпусти ты меня по свету походить, долю свою поискать. Коль судьба выпадет — найду свою суженую, вернусь домой с молодой женой, а коли не судьба...

Заплакала мать, да делать нечего — уж лучше пусть попытает счастья на стороне, чем изведет себя, сидя в тереме.

Напекла она ему в дорогу хлеба, набрала воды ключевой, и, благословив, выпроводила.

Идет Андрей день, идет другой, много дней идет. Через села и станицы, городки и хутора, и везде ищет свою красавицу, да нигде найти не может. Закончился материнский хлеб, а голод не тетка. Все сильнее есть хочется Андрею. Видит — в поле пахарь работает.

— Добрый человек, — говорит Андрей, — дозвожь помочь тебе. Мне много не надо — накормишь меня — я и пойду дальше.

Взялся он за плуг — борозда кривая, не глубокая. Стал семена в землю бросать — где густо, а где — пусто.

Покачал головой пахарь:

— Хороший ты парень, да не быть тебе хлебопашцем — не лежат у тебя руки к этому труду. Ищи себе другое дело. А накормить я тебя и так накормлю. Как можно путника не накормить.

Поел Андрей и дальше пошел. Через села и станицы, городки и хутора, и везде ищет свою красавицу, да нигде найти не может. Долго ли, коротко, видит впереди деревня большая. Идет по улице, слышит, из кузницы веселый звон наковальни раздается. Подходит.

— Разреши, добрый человек, поработать у тебя. Мне много не надо — кров над головой, да краюху хлеба.

Взял его кузнец себе в подмастерья. День, два, месяц работает у него Андрей. Вот уже год на исходе. Работать-то Андрей работает, а про главное, свое сокровенное, не забывает. Ищет-смотрит, найти хочет девицу-красавицу, ту, образ которой увидел в роковую для себя ночь. А чуть стоит ему ее подзабыть, на других девиц посмотреть, является она ему ночью в тревожных снах. Стоит перед глазами как живая — смотрит на него ласково-насмешливо. Щеки у девицы от мороза пунцовые, на ресницах снежинки белые, а на красном полushалке розы алые горят да васильки лазоревые пестреют. Протягивает она к нему руку с зажатой ладонью, и тут сон его обрывается. И все кажется ему — разомкни красавица ладонь, и откроется ему что-то очень важное, и тогда кончатся его мытарства, и будет он счастлив.

А как проработал он год, говорит ему кузнец:

— Отработал ты у меня год, Андрей. Научил я тебя своему мастерству. Теперь ты сможешь заработать этим делом себе на жизнь. Но не твое это дело. Не звенит, не поет у тебя металл под молотом. А за работу твою я тебе заплачу, как и положено.

И заплатил ему за год работы.

Ушел из деревни Андрей. Опять идет, судьбу свою ищет, через деревни и станицы, городки и хутора.

Пришел в большой город. Город у моря стоит. Думает Андрей: «Может моя суженая за морями-океанами живет?» Заплатил он капитану большого корабля деньги, что заработал за кузнечный труд, и тот взял его на свой корабль в чужеземные страны.

А на корабле и для него работа сыскалась, без дела не сидел. И, уж к какой чужой земле ни причалит корабль, везде искал свою ненаглядную, ненаглядную-невиданную. Да все напрасно.

Три года в море пробыл Андрей. Узнал и освоил матросское дело. Да только, когда вернулись через три года в приморский город, сказал ему капитан:

— Хороший ты парень, Андрей, да только душа у тебя не морская. Живи на суше и тут ищи свое дело и свою судьбу.

Сошел Андрей с корабля и пошел в город. А день воскресный, базарный. Гудит город как улей — торг идет и на площадях и на улицах. Чего только тут нет — и шелка китайские, и пряности индийские, и фрукты-овощи невиданные.

И вдруг, сквозь аромат яств заморских, учуял он запах глины обожженной. Пошел на тот запах. Видит — горшечных дел мастер горшки из печи достает — пузатые глэчики, да крутобедрые крынки. Встал Андрей — глаз отвести не может. Увидел его мастер, усмехнулся в усы.

— Нравится? Помощник мне нужен. Хочешь — оставайся. Научу тебя своему делу.

И остался Андрей. Проработал у гончара несколько лет. И стал настоящим мастером. Весь город, а затем и вся округа знали — лучше Андреевых кувшинов не сыскать. Молоко в них никогда не скисало, а вода никогда не застаивалась. А еще красивые они были необыкновенно. И не только формой. Андрей расписывал их перед обжигом красками самодельными. А узор

на них всегда был один: алые розы да васильки лазоревые.

У гончара была дочь. Красавица редкая. Захотел отец поженить их с Андреем. А что? Парень он хоть куда, мастерство гончарное знает не хуже его самого. И дочь любимая будет рядом и дело жизни в надежных руках — гончар Андрей от Бога, уж это мастер сразу понял.

И Андрей почти смирился, уж готов был согласиться. А ночью опять сон давнишний ему приснился. Опять красавица ему лукаво улыбается, щеки от мороза алеют, а в ресницах снежинки запутались... И опять она к нему руку с зажатой ладонью тянет.

Наутро собрал Андрей пожитки свои нехитрые, поклонился мастеру гончарному и ушел из города.

Идет — куда ноги несут. А ноги несут его обратно, к родимому дому, где столько лет не был. Только сейчас и понял, как за домом родительским, за матушкой любимой соскучился. Что ж, не нашел он своей красавицы, видно не судьба. Знать, на роду ему написано жизнь самому прожить.

Вот и речка Миусинка и старая мельница все так же скрипит старым колесом. Защемило сердце — так и не нашел он своей суженой, в каких только краях не был, так и останется она в его сердце мечтой недосягаемой.

Увидела его матушка, плачет от счастья, обняла, да и рук разнять не может.

— Ничего, матушка, не плач, — гладит он ее поседевшие волосы, — я вернулся, заживем мы с тобой вдвоем горя не зная. Я мастерству научился, работать буду. Будем с тобой жить припеваючи, и никто нам не нужен, правда? Нам и вдвоем хорошо будет.

А матушка при этих его словах еще горше зарыдала, и у него горько на душе от них стало.

Соорудил Андрей гончарню и стал делать то, что всего луч-

ше умел — горшки. Да еще лучше стали они получаться у него, чем в том далеком городе, где научился он этому ремеслу. Может, глина была лучше, может, вода, на которой замешивал глину, лучше была, только глэчики да крынки его тонкостенными были, легкими и изящными. Щелкнешь перстами по такому, звон-песня да и только. А узор на них все тот же — розы алые да васильки лазоревые. Стали со всех окрестных деревень, а затем и городов ехать к Андрею покупатели. Стал он уважаемым человеком. Народ всегда уважает в человеке Мастера. Гордится мать сыном. Все хорошо, вот только все один Андрей, даже не смотрит на девчат деревенских — смирился, что не найти ему свою мечту, что быть ему самому до конца дней своих.

Но вот прошло лето, осень пролетела. Настали холода, зима завьюжила.

Под Рождество принимали колядовальщиков, щедро их одаривали, на Новый год — щедровальщиков, а крещенскими морозами в проруби купались. Наконец и Масленицы время пришло. Блинов, казалось, наелись на целый год.

А, встав из-за стола, вся деревня, и стар и млад, высыпала на улицу — зиму провожать, весну встречать. Да только зима отступать не хочет — все сыпет мелким снежком на людские головы, морозцем щеки щиплет. Во всех направлениях проносятся по деревне разукрашенные тройки, из-под копыт снежная пыль, весело звенят колокольчики, слышатся смех, визг, свист седоков. По всей деревне несутся переливы гармошек, льются задорные песни да частушки веселые. Не усидел и Андрей дома, пошел на улицу. А там хлопцы и девчата уже спускаются на санях с крутых речных бережков на замерзшую речку. Шум, смех, визг, толкотня. Стоит Андрей в толпе и, вдруг, видит впереди себя, среди людских голов полушалок красный, алыми розами да лазоревыми васильками вытканый. Все исчезло из глаз Андреевых, только видит он платок этот, да хозяйку его спиной к нему повернутую. Хочет он кликнуть, чтоб обернулась она, а

голоса своего не слышит — от волнения голос пропал.

Тогда поднял он руку, до плеча девичьего дотронулся и обернулась она... Точь-в-точь, как в темной воде рождественской видел, как во сне приходила она к нему. Глаза девицы лукаво улыбаются, щеки от мороза что твоя заря горят, на голове платок, так много раз им виденный в мыслях своих, а в ресницах девицы-красавицы снежинки узорные запутались.

Стоит зачарованный Андрей. А девица улыбается лукаво, протягивает к нему руку с зажатой ладонью, открывает ладонь, и видит Андрей в руке ее свистульку детскую, что подарил он девчонке малолетке, которая бегала за ним. Любава-Забава!

— Долго же я тебя ждала! — только и сказала девица.

Протянул он к ней руки, она к нему свои.

Да так всю жизнь и прожили — рука в руку, душа в душу. А от любви их большой всем вокруг теплой было.





Татьяна ПШЕНИЧНОВА

Лауреат 2-ой степени литературного конкурса «Русский Stil-2011». Педагог, руководитель студии «Юный журналист».

СКАЗКА О ТОМ, КАК СМЕЛЫЙ БОГАТЫРЬ ДОХСУН ЗЛОГО КОЛДУНА ПОБЕДИЛ

В далекие времена в морозной, заснеженной и волшебной красивой Якутии жил славный богатырь Дохсун. На охоте ему не было равных: так меток и отважен он был. А силы в нем было столько, что медведя убивал ударом кулака, один мог побороть сорок сильных мужей, криком срывал листья с деревьев так, что от дерева оставался только голый ствол. Была у богатыря жена Сандара. Красотой своей с нею могло сравниться только Северное сияние: ее глаза пленяли, как алмаз пленяет ценителей драгоценных камней, ее кожа была прекрасна, словно бархатный песок, а в длинную черную косу будто вплетена была еле заметная поблескивающая золотая нить. Лад и любовь царили в их жилище, нежность и доброта взяли под опеку их союз.

Но вот однажды тучи темные сгустились над этой землей, стужа, по обыкновению крепкая, стала настолько суровой, что не каждый мог ее вынести, солнце, ненадолго заходившее в гости, вовсе перестало заглядывать, а привычно короткое лето люди и совсем перестали ждать. Ни жители, ни шаманы — никто не знал, что за проклятие объяло их родную землю.

И еще долго бы в неведении жили они, если бы однажды к Дохсуну ночью в полнолуние не явился дух его покойной пра-

бабки шаманки Айяны, который поведал богатырю о том, что на его родной земле поселился злой колдун Холодун. «Злодей этот бессмертен, потому что он забирает жизнь у всех живых: деревьев, растений, животных, людей. Стоит ему взглянуть на свою жертву — тут же сила и душа покидают тело, а Холодун становится от этого моложе и сильнее. Глаза — вот его оружие, — шептал дух шаманки. — Только ты сможешь спасти землю нашу от смертоносного колдуна, в этом твое предназначение». Тут дух протянул Дохсуну мешочек: «Здесь алмазы — окаменевшие слезы народа нашего, только они способны сделать каменными глаза его, только они смогут умертвить колдуна, надо только бросить их в глаза Холодуну». После этих слов дух прабабки словно рассыпался в воздухе, оставив как напоминание о себе лишь мешочек с алмазами в руках богатыря. Проснулся богатырь только через три дня и начал собираться в поход против злого колдуна: снарядил он коня своего верного, взял с собой мешочек с алмазами да оберег, который мать перед смертью дала ему: пояс, расшитый бисером и украшенный кусочками волчьего меха.

Отправился в дорогу Дохсун. Путь его лежал через дремучий лес. Тяжело идет конь его: сугробы на пути, ноги проваливаются в глубокий снег, ледящий ветер дует так крепко, что, кажется, будто вот-вот оцепенеет тело, на полшага впереди ничего не видно, белым-бело вокруг. Ночь медленно спускалась на землю. Изнурительна дорога! Выбился из сил конь богатырский, Дохсун продрог до самых костей. Смерть, большая белая птица, перелетая с одного дерева на другое, шла по пятам, выжидая свой час. Стаи волков, чуя смерть путников, тихо преследовали их, и только изредка их близкое присутствие выдавали вой и сверканье глаз во тьме. Вдруг — камнем бросилась птица вниз: остановились сердца богатыря и его верного коня. Потом взвилась птица высоко в небо. Две звезды держала она в когтях

своих, две души, унося их в Царство Мертвых. Но внезапно богиня леса, шаманка Синильга, вдохнула жизнь в души путников, и тогда две звезды стремительно упали на землю, вернувшись в свои тела. Заржал конь так громко, что земля под ногами затряслась. Богатырь сел верхом. Тут шаманка ударила в большой белый бубен, закричала заклинания, быстро кружась на месте — волшебная сила подняла коня над землей, и на крыльях помчал он своего хозяина через дремучий лес. Не успел оглянуться Дохсун — владения шаманки уже позади. Но за пределами леса колдовство Синильги не действовало, поэтому крылья коня тут же исчезли, словно их и не было. «Спасибо тебе за помощь, шаманка леса!» — крикнул богатырь.

А впереди путников ждало другое испытание: река с кипящей мертвой водой. Она бурлила, шипела и подзывала к себе: «Подойди, не бойся». Водяные руки реки выбрасывались на берег, щупая пальцами добычу, но не найдя ничего, скатывались назад, потом снова и снова шарили по берегу. Несмотря на то, что река сгубила много жизней, все равно она по-прежнему была голодна и ненасытна.

«Что же делать? Как перейти эту реку? — подумал Дохсун. Тут же пояс-оберег на нем зашевелился, растянулся, самостоятельно полетел к реке и огромным мостом раскинулся над нею. Голос его матери ласково сказал: «Сын мой, проезжай по этому мосту, мертвая река не сможет захватить тебя». Так богатырь преодолел второе препятствие по дороге к злому колдуну.

Долгий путь прошел Дохсун со своим конем. Сон стал его одолевать, веки отяжелели, тело ныло от усталости. «Надо строить временное пристанище, чтобы отдохнуть, ведь вокруг только сопки да еловые заросли, покрытые снежным одеялом, — сказал богатырь коню, — если ничего не смастерим, силы совсем нас покинут, а впереди еще долгая дорога». Отправился Дохсун туда, где увидел растущие ели, чтобы заготовить несколько кольев для балагана. А приближаясь, увидел

там человеческое жилище-балаган. «Кто же здесь живет? — удивился Дохсун. — Место вроде безлюдное». Тут позади него, словно из-под земли, появилась девушка красоты неписаной:

— Здравствуй, добрый молодец! Меня зовут Харчана. А тебя как называть?

— Дохсун.

— Зачем ты идешь сюда?

— Надо заготовить колья для балагана, хочу отдохнуть в дороге.

— Не нужно ничего строить, славный богатырь, заходи в мое жилище, отдыхай на здоровье, а как сил наберешься, продолжишь путь. И коню твоему есть место для отдыха — моя заброшенная конюшня.

С радостью согласился Дохсун. Поставил он коня в конюшню, покормил его, напоил, а потом и сам отправился в балаган радушной хозяйки.

Когда вошел в жилище, подивился необычности убранства: пол был устлан шкурами медведей, на одной стене висел бубен, обрамленный волчьими клыками, медвежьи головы висели на остальных трех стенах, на коже оленя, укрывавшей постель хозяйки, была изображена луна. «Неужели Харчана шаманка? А иначе для чего здесь бубен?» — подумал богатырь. Эта мысль молнией пронеслась в его голове, но расспрашивать об этом девушку он не стал.

— Испей, дорогой гость, — Харчана протянула Дохсуну кумыс.

— Спасибо, хозяйка.

Только Дохсун сделал несколько глотков — в глазах его потемнело, показалось, что где-то совсем рядом протяжно завыл волк, руки и ноги стали тяжелыми — богатырь уснул. А когда проснулся, то не смог вспомнить прошлое. Теперь Харчана стала для него милее белого света, краше солнца яркого. Виной

всему был колдовской кумыс шаманки. Она приворожила Дохсуна и не хотела отпускать его от себя.

В это время Сандара каждую ночь стала просыпаться от странного шума в своем жилище: приглушенное шипение, за которым почти сразу же едва слышался волчий вой. И только на одиннадцатую ночь она увидела ту, которая так долго ее пугала. Это была змея о шести головах. Когда она шипела, то из открытой ее пасти были видны волчьи клыки, а шипение переходило в едва улавливаемый вой. Чтобы узнать значение этого знамения, Сандара отправилась к местному шаману. Большой силой обладал он, сакральные знания были ему ведомы. Выслушав молодую жену, шаман взял в руки бубен, ударил раз, другой, третий, потом удары становились все быстрее. Шаман закружился на месте, чем чаще были удары в бубен, тем скорее он двигался. Слова его были непонятны и все чаще напоминали крик. Так продолжалось долго, потом он выбился из сил и упал.

— Змея — это знак того, что есть у тебя соперница, она не только в доме твоём, но она и в сердце его. Околдован твой муж женщиной-волчицей, чары ее сильны, и мне с ними не справиться. Ты сама должна помочь Дохсуну разоблачить ее колдовство.

— Но как?

— Дух хозяина ночи тебе поможет. Выйдешь в тайгу в полночь, найдешь там могучую ель, ту, от которой синее сияние исходит. Обойдешь ты ее трижды. Предстанет пред тобой хозяин ночи и обратит тебя в Птицу сна. Полетишь ты сквозь все сновидения прямо к возлюбленному. Войдешь в его сон и напомнишь о себе.

К полуночи надела Сандара на себя самый красивый свой наряд, расшитый бисером и украшенный кусочками беличьего меха, и отправилась в тайгу искать волшебную ель. Когда нашла, обошла ее трижды — из темноты соткалась фигура духа — хозяина ночи. Лицо его было бело полностью, словно на

нем была надета белая маска. Синий плащ искрился миллионами маленьких светящихся звездочек, а золотой колпак, усеянный дорогими камнями, то исчезал с головы, то снова появлялся.

— Помоги мне, хозяин..., — начала девушка.

— Тс-с-с, тихо, не говори ничего, не отгоняй мои сны. Я все знаю.

После этих слов дух снял с себя колпак и надел его на голову Сандары. В эту же секунду она обернулась Птицей сна, вспарила высоко в небо, пролетая сквозь человеческие сны. Одна картина молниеносно сменялась другой. Сандара побывала на полянке, усыпанной спелой ягодой, потом моментально окунулась в прозрачную воду, косяки рыб проплывали сквозь нее. Не успев вынырнуть, увидела как какая-то женщина, потерявшись в тайге и испытывая невероятный страх, убегала от медведя, — все это были сны людей, которых Сандара не знала, она случайно посетила их сновидения. Вдруг... какая-то потусторонняя сила заставила ее остановиться, она почувствовала щемящую тоску и боль. «Ну конечно, это его сон! Сомнений нет, — подумала девушка, — мое любящее сердце не обмануть». Сновидение будто источало печаль и грусть, непонятную для спящего. В этом сне Дохсун сидел у костра и о чем-то думал. Не замечал он ни поющих птиц рядом, ни белок, которые шныряли туда-сюда по каким-то своим делам, ни ярких красок природы, окружающих его.

— О чем ты печалишься, любимый? — спросила Сандара, подойдя к нему. Он посмотрел на нее.

— Кто ты? — поинтересовался Дохсун.

— Неужели ты меня не помнишь? Я Сандара, твоя жена. Ты уехал из дома сразиться с Холодуном, злым колдуном, который вот-вот заморозит нашу землю. Но в дороге шаманка околдовала тебя своим зельем, ты выпил его и забыл обо мне, о родной земле, людях, которые ждут твоей помощи. Дохсун,

холод и смерть ведет за собой злодей, он скоро погубит все живое вокруг.

Богатырь встал. В этот миг тень черным плащом сползала с него и расплавилась, оказавшись на земле. Печаль на лице богатыря сменилась улыбкой. Он вспомнил все.

— Сандара! — воскликнул он и бросился к ней. Но по велению духа Хозяина ночи девушка тот час исчезла из сна возлюбленного, вскоре оказавшись у волшебной ели, где с нее был снят волшебный колпак.

Дохсун проснулся. Выглянул из балагана Харчаны. На небе светила луна и игриво подмигивали звезды. После этого сна он отчетливо вспомнил все, что было у него раньше: и Сандару, и обещание освободить родную землю от Холодуна, и свой путь через непроходимую тайгу, кипящую реку. «Надо собираться в дорогу, я потерял много времени», — решил Дохсун. Тут же он снарядил коня своего, вскочил на него и отправился в путь.

Харчана проснулась от топота копыт. Оглядевшись, не нашла возлюбленного. Мгновенно она поняла, что чары перестали действовать на Дохсуна, поэтому он уехал. Шаманка взяла бубен и стала неистово бить в него, кружась и крича заклинания. Вдруг бубен упал на снег, а вместо Харчаны под луной стояла волчица. Шаманка-волчица бросилась в погоню по следу коня. Она мчалась, готовая разорвать все на своем пути. Богатырский конь почуял хищницу и во весь дух помчал своего хозяина. Вот волчица уже настигает их, когтями, зубами она пытается ухватить ногу коня. Кажется, что от нее уже не уйти... но встает солнце, прогоняя прочь луну, его слабые лучи освещают природу. И чудо — волчица ослабевает, начинает отставать от своей жертвы, а потом и вовсе падает на снег от бессилия. Тут медленно когти превращаются в руки, волчья морда становится прекрасным лицом Харчаны, а уже через минуту волчицы и вовсе как не бывало. Харчана, утомленная по-

гоней, медленно поднялась со снега и отправилась назад, в свой балаган. Луна, ее помощница, вместе с ночью уступила место солнцу, а вместе с ней исчезла и способность к оборотничеству.

А Дохсун, продолжая свой путь, приближался к владениям Холодуна. Страшная тишина стояла в этих местах. Злой колдун отнял жизнь у всего живого в округе. И только тушки птиц да мертвые тела животных лежали повсюду. Стал искать Дохсун путь-дорогу, ведущую в замок злодея. Колдун не жил долго на одном месте, потому что ему нужна была сила, а ее давало злодею все живое вокруг — из них он высасывал жизнь одним только взглядом. А когда смерть загребала все жизни в свои руки, то Холодун захватывал все новые и новые территории. Такие жертвы не пугали колдуна, так он обеспечивал себе бессмертие.

Долго искали путники замок его, блуждая по местам, где жила только смерть. Но вот среди заснеженных сопок показался замок изо льда, большой и красивый. Сомнений не было — это замок Холодуна. Богатырь подъехал поближе, спешился. Достал мешочек с алмазами. Но, обойдя ледяное царство со всех сторон, так и не нашел вход. «Как же быть? — задумался Дохсун. — Если я не могу войти сюда, значит, надо выманить колдуна из замка». Тогда богатырь отпустил коня в тайгу, чтобы выйдя злодей не взглянул на него и не смог отнять жизнь. Сам же спрятался за сугроб и прокричал:

— Эй, Холодун, выходи. Я пришел победить тебя!

Услышав это, колдун только ухмыльнулся, ведь много смельчаков хотело сразиться с ним, но они даже не успевали приблизиться к Холодуну, как тот, посмотрев, мгновенно забирал жизнь их. Он был уверен в своей нечестной победе. Без опасений вышел из замка, но к своему удивлению не увидел никого. А Дохсун, улучив момент, когда колдун повернулся спиной к сугробу, за которым он сидел, выскочил и ловко

бросил в глаза злодею алмазы. Холодун закрыл лицо руками, замычал от боли, но ничего для своего спасения он уже не мог сделать. Колдун упал замертво, а его холодное сердце рассыпалось и миллионами ледяных крупинок ушло под землю. Вместе с тем все жизни, которые он забрал, вырвались из груди и разлетелись. Люди, звери, птицы, животные, деревья и растения ожили. Природа преобразилась. Наступила долгожданная весна: снег начал таять, запели птицы, выглянуло солнце, и жизнь закипела как раньше.

Дохсун свистнул своего коня, верный друг его рысцой прибежал к хозяину, и отправились они домой. Долог был их путь, но уже не опасен, как прежде. Балаган шаманки Харчаны был заброшен, а сама она, как поведали Дохсуну травы, ушла в далекие-далекие края. Там, где раньше была мертвая река, теперь росли молодые елочки и лиственницы. Проезжали победители и через лес, когда-то мрачный и смертельно холодный. Но теперь его было не узнать: мороз отступил, в теплом воздухе пахло молодой хвоей, свежей травой, оживленно пели птицы.

Сандара, увидев, что ее родная северная земля стала прежней, сразу же поняла — ее возлюбленный победил Холодуна и скоро вернется домой. Она была счастлива и горда за него.

Спустя тридцать три дня Дохсун вернулся, зажили они по-прежнему счастливо!

Из уст в уста передают жители этой земли подвиг Дохсуна и восхищаются его смелостью и отвагой. А о злом Холодуне теперь напоминает только вечная мерзлота, которая появилась из-за того, что кусочки его холодного сердца рассыпались и просочились глубоко под землю.





Наталья НИКОЛАЕВА

Лауреат 3-ей степени литературного конкурса «Русский Stil-2011». Лауреат и финалист НДЛП «Заветная мечта», сезоны 2008-2009.

МАРИКА ЖДЕТ МАМУ

Марика встречает водовоза

Марика быстро бежит. Потому что начинает разбег с прыжка. Она прыгает с верхней ступени веранды и бежит. За ней наблюдает пес Арни. Он сидит на цепи, и ему скучно. Поэтому он любит бегать наперегонки с Марикой. Но цепь не дает убежать ему далеко. Он возвращается в будку и ждет, когда Марика вернется.

А Марика бежит. У нее это получается быстро. Иногда ей кажется, что она может бежать всю жизнь. Но ей всегда что-нибудь мешает.

На этот раз ей повстречался водовоз. Марике очень захотелось прокатиться на водовозе. Просто нестерпимо захотелось. И водовоз об этом догадался. Он ничего не сказал, а просто поднял Марику и посадил рядом с собой. Он вез ее по дороге и напевал какой-то мотив. Марика пыталась подобрать слова под этот мотив. Но те песни, которые она знала, не подходили. Марика не стала спрашивать, что это за песня. Она робела и была счастлива. А когда тебя везет водовоз, так ли уж важно, какие слова подходят к мотиву?

Водовоз доставил Марику до поворота, так же молча высадил и уехал. А Марика стояла и смотрела ему вслед, а потом

развернулась и побежала обратно. Она бежала и думала о том, как прекрасно живет водовозам, не то, что ей, Марике.

Марика живет с бабушкой. А ее мама живет далеко и приезжает редко. Когда мама приезжает, Марика уговаривает ее остаться навсегда и даже нарочно врет, что бабушка без нее плачет по ночам и не может заснуть.

У мамы серые с зелеными крапинками глаза и нежные руки. Она говорит Марике, что не может остаться надолго, потому что у нее ответственная работа, которую она не любит. И никто, ни Марика, ни бабушка, не могут освободить ее от этой нелюбимой работы, ради которой ей приходится надолго уезжать.

Сегодня Марика придумала, как помочь маме. Она уговорит ее стать водовозом. Тогда мама станет жить с ними и будет катать Марику каждый день. Ведь если у тебя мама водовоз, то ничего лучше и представить нельзя!

Марика наказывает бабушку

У Марики непослушные вьющиеся волосы. Они всегда торчат, как им вздумается. Марика такая же непослушная как ее волосы. Так говорит бабушка, когда причесывает ее по утрам.

Марика никогда не делает в точности, как ей говорят. Поэтому притворяется, что не слышит. Бабушка даже водила ее к врачу. Он оказался сильным улыбчивым дядей. Он взял Марику на руки и показал из окна качели. Он сказал, что они скрипучие. Но когда он слышит их скрип, ему кажется, что он снова маленький мальчик. Врач велел Марике погулять, а сам долго беседовал с бабушкой. А Марика нарочно скрипела качелями погромче.

Марика любит издавать звуки. Она умеет тарыхтеть как трактор, рычать как Арни, и передразнивать птиц. Бабушка думает, что Марика с ними разговаривает. Бабушка хочет, чтобы люди

научились понимать язык птиц. Она сыплет им просо в кормушку и отдает крошки, оставшиеся после обеда.

А Марики нравится, что она одна может пересвистеть и перекурлыкать всех птиц в округе. Бабушка должна Марики гордиться, но она почему-то сердится, что от Марики много шума.

Марика мечтает убежать из дома в дикий лес. Там она научится звукам лесных зверей. Потом она вернется домой и будет пугать ими пса Арни, но не для того, чтобы напугать. Она хочет, чтобы Арни привык к звукам диких зверей, и в случае, если какой-нибудь дикий зверь нападет на их дом, Арни сможет их защитить. Но пока Арни скучает на цепи и гоняет соседского котенка, если тот забывается и подходит совсем близко к собачьей будке.

Сегодня Марика вообще не издает никаких звуков. Это ее наказание для бабушки. Утром Марика собралась в город, чтобы разыскать маму и уговорить ее стать водовозом. Во-первых, она станет ей помогать. А во-вторых, у водовозов самая веселая жизнь. Но бабушка Марику не отпустила. Она спрятала ее дорожные башмаки и панаму. Тогда Марика решила молчать до тех пор, пока во всем мире не настанет справедливость. А если справедливость никогда не настанет, то из Марики никто не вытянет ни единого звука.

Марика замолчала на веки вечные и ушла в сад. Она даже бабушке не стала ничего объяснять, и без слов все было понятно.

Во дворе Марика увидела довольного Арни. Арни редко бывал доволен: только когда его кормили до отвала, или когда ему удавалось потрепать одну из соседских кошек.

Марика знала, что бабушка еще не кормила Арни, значит, причина его радости где-то зализывает свои раны.

Марика жалела кошек, но не очень их любила. Она любила Арни, но не жалела его и дразнила. А сегодня она замолчала на веки вечные, и ей совсем не хотелось думать о кошках и Арни.

Марика пошла делать то, что ей было строго-настрого запрещено: есть вишни с веток. Самые вкусные вишни те, которые свешиваются прямо в рот. Бабушка этого не понимает и ругает Марика за вишни, но сегодня Марике все равно.

В зарослях под вишнями Марика обнаружила соседского котенка. Шерсть у него торчала клочьями. Видно, Арни хорошо его отделал. Котенок от пережитого страха забился в траву и оттуда таранился. Он боялся сдвинуться с места, ему повсюду мерещился огромный зубастый Арни.

Марика услышала во дворе перед домом голоса. Это соседка, хозяйка котенка, пришла спросить у бабушки, не видела ли она ее питомца. Марика видела, но не могла сказать, потому что решила молчать. Бабушка болтала с соседкой, но тоже ничего не могла сказать про котенка, потому что не видела его. А котенок молчал, потому что боялся Арни и его острых зубов. Наверное, он, как и Марика, решил не издавать никаких звуков, пока не подрастет и не станет сильным клыкастым котом с острыми когтями.

Тогда Марика пошла на хитрость. Ведь она дала себе слово не издавать ни одного человеческого звука, но про кошачьи звуки уговора не было. Она забралась в кусты и жалобно запищала, как потерявшийся котенок. Соседка прислушалась и пошла на звук. А Марика ползла под кустами и иногда мяукала. А соседка шла за звуками, как на поводке, пока не оказалась перед зарослями, в которых сидел ее любимец.

Вечером Марика попросила у бабушки прощения. Она подумала, что если котенок нашелся, а Арни наказан и оставлен без обеда, значит, справедливость все-таки наступила, и ей снова можно разговаривать.

Они сидели с бабушкой на веранде, и Марика громко свистела, курлыкала и трещала вместе с птицами. И на этот раз бабушка почему-то ее не прерывала.

Марика путешествует в будке

Сегодня Марике положено веселиться. Сегодня у нее День Рождения. Это единственный день в году, когда у Марики не получается веселиться. Потому что к ним в гости приезжают тетушки.

У тетушек много сумок, коробок и тюков. Но в них не подарки для Марики. В них вещи тетушек. Наверное, они возят с собой все свои вещи, чтобы в их отсутствие ничего не растащили.

А дарят они Марике всегда одно и то же. Они дают бабушке деньги и велят ей купить для Марики что-нибудь очень полезное. Марика считает, что полезнее леденцов быть ничего не может. Но говорить об этом с тетушками без толку.

Бабушка хочет, чтобы Марика вела себя учтиво с тетушками, слушалась и отвечала на их расспросы. А Марика хочет, чтобы приехала мама, но сегодня она не придет. У нее важная ответственная работа, с которой не отпускают даже на день рождения дочери.

Тетушки задают много вопросов, но еще больше говорят сами. В такие минуты Марика готова поменяться местами с Арни. Пусть Арни ведет себя учтиво с тетушками, а она, Марика, будет сидеть на цепи, пока они не уедут. Но они долго не уезжают и учат бабушку, что надо делать, чтобы девочка росла послушной и воспитанной. Они хотят, чтобы Марика стала такой же, как они.

Марика согласна есть сырую землю и никогда в жизни не рвать вишен с веток, только бы не превратиться в одну из тетушек. Поэтому она старается запомнить то, что они говорят бабушке, чтобы потом сделать с точностью наоборот.

Марике скучно, поэтому она представляет, как одна тетушка превращается в вешалку, и Марика напяливает на нее свое старое пальто с заплатками. Вторая тетушка — это комод со скрипучей дверцей. А третья тетушка... Но Марика не успевает

придумать про третью тетушку. Она слышит, как они говорят бабушке: «Брошенный ребенок... Плохая мать... Бросила ребенка...». И Марика забывает все манеры, которым учила ее бабушка. Она вскакивает и кричит: «Врут! Врут! Врут!», а потом убегает в сад.

Хорошо, что день рождения раз в году, думает Марика. Она попросит бабушку никогда больше не отмечать день ее рождения. Ей будет вполне достаточно, если в этот день бабушка будет покупать ей много разноцветных леденцов.

Марика лезет к Арни в будку и обнимает его. А третья тетушка превратится в телегу, и на ней будут возить дрова, думает Марика. Арни превратится в человека и станет военным. Возможно, он станет генералом, только не самым главным, потому что Арни ленивый. У бабушки появится новая белая шаль, и она не будет болеть. У их дома вырастут колеса, и на нем можно будет путешествовать, куда глаза глядят, даже в тот далекий город, где работает мама. Марика засыпает в обнимку с Арни, и ей снится, что они путешествуют.

А вечером приехала мама и вытащила Марику из будки. Марика спросонья решила, что это она приехала к маме в будке на колесах.

У мамы было много сумок, тюков и коробок. И в них были подарки для Марики. Она привезла ей много разноцветных леденцов и других чудесных вещей, которые так необходимы в день рождения.

Но самое главное выяснилось, когда все подарки были распакованы. Под ними оказались мамины вещи. Мама приехала к Марике насовсем! Она найдет работу здесь и будет жить с Марикой, бабушкой и Арни. И хотя мама еще не согласилась стать водовозом, это ничего. Теперь у Марики много времени, и она обязательно ее уговорит.



Виктория СОЛОПОВА

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2011». Учится в 6-м классе средней школы. Занимается в студии «Юный журналист».

ШУМ

Как обычно, после летних каникул, пятиклассники Сережа, Костя и Коля собрались вместе, чтобы поделиться друг с другом самыми яркими впечатлениями лета. Первый начал Коля:

— Хотите, я расскажу вам стра-а-ашную историю, которая произошла со мной в деревне у бабушки?

— Страшную? — удивились мальчишки. — Давай!

Друзья расположились поудобнее на скамейке в парке.

— Так вот, — сказал Коля, — этим летом, как вы знаете, я был у бабушки с дедушкой в деревне. Отдыхал здорово: на заре ходили с дедом на рыбалку, играл с ребятами, ездили на мотоцикле с дедушкой и бабушкой в лес по грибы. Словом, лето проходило не зря. Но вот однажды случилась со мной такая история. Бр-р-р, до сих пор мороз по коже!

Ребята в предвкушении заерзали на месте.

— В доме дедушки и бабушки, — продолжал Коля, — есть чердак. И вот однажды я проснулся ночью оттого, что с чердака слышался какой-то шум. Кто-то там ходил, бросал что-то. Жутко! Я побоялся даже вылезти из-под одеяла, хотя и темноты не боюсь. На следующую ночь я снова услышал шум сверху. В голове уже нарисовался образ страшного привидения, которое живет на крыше и хозяйничает там после полуночи. Деревенские

мальчишки рассказывали мне о них. Там у многих на чердаках живут привидения. Ромка даже видел свое.

— Да ты что?! Как оно выглядит? — поинтересовался Сережа.

— Ну такое белое, почти прозрачное. Как из дымки сотканное. Ромка как только забрался на чердак, оно через секунду растворилось.

— Давай дальше про свое привидение рассказывай, — попросил Костя.

Коля лукаво улыбнулся.

— Ну так вот, об этом я бабушке говорить не стал, деду тоже, а утром забрался на чердак. Думал, увижу объяснение этого шума. Но ничего особенного не обнаружил. Вдоль стены стояли мешки с ненужными вещами, сверху висели пучки каких-то полезных трав, которые бабушка сушила на зиму, тут же на чердаке рыба вялилась.

— Конечно, днем-то его и не увидишь! Надо было тебе ночью на чердак залезть.

— Слушайте дальше... На следующую ночь я опять услышал шум на чердаке. Решил проверить. Встал с постели и отправился на чердак, хоть и страшно было до ужаса. С собой взял фонарик, с ним не так жутко. Иду, ступеньки громко скрипят, а шум наверху не прекращается. Руки трясутся. Тут резко открываю дверь на чердак, а там...

— Что там? — от страха почти закричал Сережа.

— А там ма-а-аленький котенок! Такой пушистый, рыженький. Сидит и рыбку кушает.

Ребята рассмеялись.

— Здорово ты нас разыграл. А почему шумно-то было?

— Так с веревки рыбу надо было снять, вот он и прыгал вверх, потом с этой рыбой падал на пол. Я и имя ему дал под-

ходящее — Шум. Теперь Шум живет у бабушки и дедушки. А до этого был брошенный. По крайней мере, мы у всех соседей спрашивали, не их ли это котенок, но хозяина так и не нашли. Бабушка теперь его кормит, и Шуму больше нет нужды прыгать по чужим чердакам и добывать себе еду. Теперь мы с Шумом увидимся следующим летом, на каникулах.

Этот рассказ Коли настроил ребят на шуточный лад, они стали рассказывать друг другу смешные истории. После чего побежали играть в футбол.





Оксана ХМЕЛЕВА

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2011». Работает в учреждении дополнительного образования детей.

СКАЗКА

о том, как богатая фантазия помогает
делать великие открытия

Глава первая,

в которой говорится о том, кто живет в стране Фантазии

Давным-давно в сказочной стране Фантазии жили-дружили синяя Фиалка, Бабочка и старое доброе Бревно. Жизнь была их мирной и безоблачной. Они никогда не ссорились, любили солнышко, и оно платило им тем же: всегда делилось с ними теплом и светом.

Ученое Бревно любило часами наблюдать за всем, что творится вокруг: как трудятся терпеливые муравьи, как спуют в воздухе легкомысленные мошки, как солнечные зайчики разбегаются по поверхности прудика. Все свои наблюдения Бревно записывало в мудрую книжку, на страницах которой было выведено уже много законов, разработано бесчисленное количество гипотез и доказано множество теорем.

Бревно часто заглядывало в свою книжечку, чтобы смастерить для добрых соседок Бабочки и Фиалки незамысловатые приспособления, которые помогали им вести хозяйство.

*Глава вторая,
в которой рассказывается, как мудрое Бревно
использовало солнечную энергию*

У Фиалки был огромный садик, где тайнами друг с другом делились маргаритки, над чем-то смеялись синие колокольчики, щекотали всех своими пушинками седые одуванчики. Все было бы весело и хорошо, да только уж больно мерзли ночью цветочки и страдали без солнечного света.

Пожаловалась как-то за чаем Фиалка Бревнышку, что зябнут ее друзья темной холодной ночью без солнышка. Мудрое Бревнышко пять минут подумало, заглянуло в свою книжечку, созвало сотню паучков, чтобы они сплели для его опыта сеточку-гамачок. В каждую ячейку этой сеточки капнуло Бревнышко меда, натянули любопытные цветочки гамак на паутинках под солнцем и ждут: что же дальше будет. Недолго ждали. Вмиг высыпали у солнца на носу веснушки-солнечные зайчики, прыгнули в гамак и давай резвиться да медом лакомиться. Мед съедают — в дырочки проваливаются, по паутинкам на землю скатываются. А на земле их уже Светлячок поджидает, на брюшке собирает — рассыпаться по поляне не дает. И так трудятся все с утра до вечера. А как только солнышко за горизонт от усталости свалится, Светлячок начинает по одному солнечных зайчиков выпускать да приговаривать: «Бегите, зайчики, светите, лучики, грейте цветочки лучше!» Светло, тепло в садике. Всем цветочкам радостно, и Фиалке приятно.

*Глава третья,
в которой рассказывается о том,
как Бревнышко использовало энергию воды*

А Бабочке как мудрое Бревно помогло! С детства наша Бабочка не могла летать — крылышки у нее были слабенькие. И

в то время как другие бабочки собирали пыльцу, порхая над цветами, она, бедняжка, должна была взбираться на каждый цветочек, а потом спускаться с него с ведерком, наполненным пыльцой. К вечеру наша Бабочка так уставала, что валилась с ног, в то время как другие бабочки и мотыльки кружились в саду у Фиалки под пение цикад и дружного хора сверчков.

Так вот что придумало Бревно, чтобы облегчить труд Бабочки. Плантация цветочков, с которых собирала пыльцу наша бабочка, росла на берегу быстрого ручейка, не пересыхавшего даже в самое жаркое лето. Попросило Бревнышко знакомого Бобра перегородить ручеек в одном месте плотиной. Вода сначала скапливалась, а потом с ревом переливалась через край плотины и падала на вертушечку, вертушка крутилась, недовольно фыркая и разбрасывая капельки воды. Водяные капли, смешанные с ветром, устремлялись по камышовым трубочкам, протянутым к стебелькам цветов. К каждому стебельку была паутинкой прикреплена маленькая коробочка, на этой коробочке была маленькая кнопочка-паучок.

И вот что происходило, когда Бабочка, забравшись в коробочку, нажимала на кнопочку. Паучок с головой погружался в воду, а вы же знаете, что пауки страшно не любят воду. Так вот, как только лапки паучка прикасались к воде, он начинал изо всех сил бежать вверх или вниз по паутинке, чтобы не намочить окончательно, и таскал за собой коробочку: вверх-вниз, вверх-вниз. Бабочка с удовольствием поднималась в своем лифте вверх, собирала цветочную пыльцу, опускалась вниз, чтобы перейти к другим цветочкам, и так легко и непринужденно она работала весь день, а потом надевала вечерний наряд и бежала на танцы. Ну а паучок за свой тяжелый и вредный труд был вознагражден цветочной пыльцой, которой он лакомился вечером, сидя в своем гнездышке.

*Глава четвертая,
в которой рассказывается о необыкновенном происшествии,
случившимся с Бревнышком на прогулке*

Однажды, прогуливаясь в поисках новых открытий, наше Бревнышко скатилось в глубокую расщелину. Поскольку оно забрело далеко в лес, на чью-то помощь рассчитывать не приходилось. Долго пыталось Бревно карабкаться по склону глубокого оврага, выбилось из сил, проголодалось — с утра во рту ни росинки, ни травинки не было. Село Бревно на дно оврага и задумалось, как ему можно выбраться. Ночевать в темном сыром месте совсем не хотелось.

И, когда уже солнце стало клониться к горизонту, у Бревна появилась идея. Вспомнило оно, что в кармане лежит орешек. Проглотило за секунду Бревно орешек, подождало немного, пока силы прибавилось. И тогда мгновенно поднялось наше Бревнышко по крутому склону вверх.

Как только был совершен подвиг, сразу же появилась запись в мудрой книжке о том, что здоровая пища, богатая витаминами, дает энергию. А эта энергия позволяет двигаться и жить, и совершать добрые дела.

Поспешило Бревнышко к своим друзьям, пока солнышко за горизонт не спряталось, чтобы поделиться с ними радостью нового открытия.





Михаил СМИРНОВ

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2011». Награжден медалью им. Ф. М. Достоевского «За красоту, гуманизм, справедливость», медалью им. Л. Н. Толстого «За воспитание, обучение, просвещение».

ГУНЬКА

— Вот так холодина! — выскочив из школы, Андрей поднял воротник и прикрыл лицо от жгучего мороза. — Скоро февраль закончится, а до сих пор холодно. Правда, Санька?

— Угу, — сказал тот и кивнул на деревья в школьном саду, — глянь, белые стоят, как снегом засыпало. Mamka говорила, что эти морозы называют Встретенс... нет, кажется Встреченскими. Не помню...

— Какие-какие? — спросил Андрей, придерживая локтем портфель.

— Ну, когда зима с весной встречаются, — сказал Саша, направляясь к дому. — Mamka говорила, что это последние морозы.

— Ага, — недоверчиво сказал Андрей и, не удержавшись, подбежал к дереву и стукнул по нему, глядя, как в воздухе закружились легкие искристые пушинки инея. — Скорее бы весна наступила. Надоело в пальто ходить. Тяжело...

— Ничего себе! — Саша замолчал, глядя в сторону подъезда и махнув рукой, сказал. — Андрейка, гляди, что с голубем?

Рядом с их подъездом, на снегу, где баба Варя всегда прикармливала птиц, несколько голубей быстро склевывали хлеб с наста, и лишь один голубь сидел в стороне, растопырив крылья,

покачивался и искоса поглядывал на корм.

— Не знаю, — пожал плечами Андрей. — Может, больной или раненый...

— Давай его поймаем, — сказал Саша, бросил портфель на скамейку и направился к стайке. — Жалко голубя. Замерзнет или кошки поймают. Гони их ко мне.

Андрей начал медленно к ним подходить. Голуби заматались и дружно взмыли в воздух, громко хлопая крыльями. Лишь тот неуклюже закрутился на снегу, упал и ребята увидели, что его лапы были сильно запутаны крепкой ниткой.

Саша бросился к нему, прижал к твердому снежному насту, осторожно поправил крылья и поднялся, держа его в руках.

За голубем потянулась длинная оборванная нить...

— Ух, опять эти Вишкины, — хмуро сказал Саша, кивнув на соседний дом. — Их работа. Лишь бы произдеваться над птицами и животными. Андрейка, захвати мой портфель, в подъезде посмотрим, что у голубя с лапами.

Поднявшись на площадку между этажами, ребята посадили голубя на подоконник и стали разглядывать, стараясь распутать нитки.

— Нет, Санька, здесь не получится с него снять, — вздохнул с сожалением Андрей. — Гляди, как глубоко нитки врезались, аж лапки распухли. Что будем делать?

— Надо ножницами, — сказал Саша и приподнял голубя. — Худющий! Придется домой нести.

— Я не могу взять, — сразу отказался Андрей, — наш кот, Базилио, его съест. Может, ты заберешь, Санька?

— Не знаю, — засомневался Саша, держа в руках голубя. — Вдруг, мамка не разрешит. Тем более что у нас собака.

— Возьми, Сашка, — стал уговаривать Андрей. — У вас собака дрессированная и мамка хорошая. Я же видел, как она вас ругала, а сама тихонько улыбалась, чтобы вы не заметили.

Возьми...

Саша задумался, глядя на притихшего в руках голубя, посмотрел на заиндевшее окно и вздохнул.

— Ладно... Была — не была, — сказал он, подхватил портфель и стал подниматься по лестнице. — Славку попрошу. Вдвоем легче мамку уговорим.

— Я потом зайду, — сказал Андрей. — Проведаю нашего больного.

Саша открыл дверь. Разделся в прихожей и прошел с голубем в зал, где сидел брат и баловался с собакой.

— Славка, смотри, раненого голубя поймали, — сказал Саша, протягивая птицу. — Опять Вишкины ловили. Скажи им...

— Сколько с ними можно говорить? — проворчал Славик. — Зачем ты голубя домой принес?

— Жалко его, замерзнет, — сказал Саша, глядя, как их собака Астра сразу насторожилась, села и приподняла переднюю лапу — знак, что увидела добычу. — Фу, Астра, фу! На, понюхай. Свои. Нельзя трогать! Поняла? Накажу...

Собака заскулила, посмотрела на братьев умным взглядом и легла возле них, продолжая наблюдать за голубем.

— Что с ним? — спросил Славик, забирая птицу. — Ух, ты! Санька, носи ножницы и зеленку. Сейчас будем лечить.

Долго сидели братья, распутывая и обрезая по кусочкам длинную нить на распухших голубиных лапах.

Закончив, Славик потянулся за пузырьком.

— Славка, а зачем мазать его зеленкой? — спросил Саша. — Крови-то нет.

— Для профилактики, — пробурчал брат. — Так всегда делают, чтобы микробов не было. Ух, скоро мамка придет. Куда его спрячем?

— Положим в коробку из-под обуви и сунем под мою кровать, — сказал Саша и, порывшись в кладовке, достал коробку, положил в нее вату и прикрыл тряпкой. — Все, готово. Клади

сюда голубя.

Ребята направились в свою комнату.

Саша лег на пол и, скрывшись под кроватью, задвинул коробку в дальний угол и оттуда крикнул:

— Славка, принеси хлеб и блюдо с водой. Я голубя покормлю. Астра, не мешай! Сиди и карауль. Понятно? Умница! — похвалил он собаку.

Вечером пришла с работы мать и зашла в зал, где сидели мальчишки. Внимательно на них посмотрела, огляделась по сторонам, заглянула на кухню и, повернувшись, спросила:

— Сознавайтесь, что натворили? Двойки получили или опять кого-нибудь домой притащили? Что-то у вас вид загадочный.

— Все нормально, — сказал Славик и ткнул пальцем, — рано из школы вернулись. Даже успели полы помыть и уроки выучить.

— Ну-ка, ну-ка, — мать ухватила его за рукав, — почему руки измазаны зеленкой? Что делали? Астра, мальчишки баловались?

Собака заскулила, гавкнула и побежала в их комнату, оглядываясь, словно за собой звала.

— Предательница! — проворчал Саша, хмуро взглянув на собаку. — Мам, ты не ругайся, ладно? Мы голубя сегодня спасали. Посмотри, что с ним сделали, — и он побежал в комнату.

— Опять живность принесли! — воскликнула мать и всплеснула руками. — Все уже в доме побывало. Только еще змей не приносили.

— А разрешишь? — спросил Славик. — Летом на речке много ужей попадается. Одного можно завести...

— Ишь, размечтались! Не квартира, а зоопарк, — сказала мать и взяла голубя. — Зачем же вы лапы покрасили?

— Для профилактики, — серьезно сказал Саша, поддернув

трико, — чтобы бактерии не завелись.

— Эх вы, лекари! — засмеялась мать и осторожно стала ощупывать голубиные лапки. — Слава, принеси из холодильника мазь. Ту, в синей упаковке. Надо смазать, чтобы опухоли пропали.

— Мам, ты разрешаешь нам голубя дома держать? — спросил Саша.

— Куда от вас денешься? — усмехнулась мама, — но за ним сами ухаживайте. Голубю надо лапки массировать, чтобы опухоли сошли и пальцы разогнулись. Видите, как в кулак сжаты?

— Ура! — закричал Саша. — Сами вылечим, сами. И убирать за ним будем.

— Как назовешь питомца-то? — спросила мама, отдавая голубя.

— Не знаю, — пожал плечами Саша. — Гули-гули-гули... Гуля... Гунька... Пусть, Гунькой будет!

Так Гунька остался у них жить...

Первое время голубь забивался в угол коробки, косился на мальчишек и судорожно бил крыльями, когда они брали его на руки. Но спустя какое-то время, Гунька стал к ним привыкать, словно чувствовал, что ребята хотят ему помочь.

Два месяца мальчишки не отходили от голубя. Каждый день делали массаж поврежденных лапок. Даже кормили и поили с рук.

Однажды, когда все сели ужинать, услышали, как залаяла Астра, и до них донесся непонятный шум. Ребята и мать поднялись, вышли в зал и остановились, наблюдая, как из комнаты мальчишек, переваливаясь, появился Гунька в сопровождении собаки.

— Ура! — закричали ребята, обнимая маму. — Мам, смотри, как наш Гунька важно вышагивает.

Голубь словно понимая, что разговор идет о нем, покосился круглым глазом, резко замахал крыльями, стараясь взлететь, но

не удержался и упал.

— Ух, ты, бедненький! — Саша присел и взял его на руки. — Рано тебе летать. Ноги-то еще слабенькие.

Астра заюлила хвостом, хотела лизнуть Сашину руку, но взвизгнула и отскочила в сторону.

— Гунька, — расхохотался Саша, — клюнул Астру прямо в нос. Эх, охотница! Умора!

С этого дня Гунька стал постоянно прогуливаться по квартире. Махать крыльями, словно разминал их, тренируя, и не давал житья собаке. Растопырив крылья, скосив глаза на Астру, боком-боком начинал к ней приближаться, чтобы клюнуть.

Астра, припав на передние лапы, ждала, когда Гунька ближе подойдет, резко отскакивала в сторону и звонко лаяла, повиливая хвостом.

Но однажды ребята заметили, что голубь, выйдя в зал, начинал на одном месте кружиться и ворковать, словно кого-то звал к себе. И не дождавшись ответа, Гунька все чаще стал уходить в свой угол и просиживал в нем до вечера, отказываясь от корма и воды.

— Мам, — не выдержав, сказал Саша, когда она пришла с работы, — кажется, наш Гунька заболел.

— Что случилось? — спросила мама.

— Мы не хотели тебе говорить, — признался Славик, — думали, что у него пройдет, но ему с каждым днем все хуже становится, — и Славик рассказал маме, что с Гунькой происходило.

Мама засмеялась и обняла сыновей.

— Ребятишки, взгляните-ка на улицу, — она кивнула в сторону окна. — Там же весна! Вот наш Гунька и затосковал. На волю просится. Ему семью надо создавать.

— Семейю? — недоверчиво посмотрел Саша. — Гунька собрался жениться?

Мама еще громче рассмеялась, прижимая к себе сыновей.

— Собрался, — сказала она. — Сынки, время пришло отпу-

стить его на свободу.

— А как же мы? — жалобно спросили ребята. — Нам будет скучно без Гуньки. Вон, как они с Астрой балуются! Хоть в цирке с ними выступай.

— Нельзя его больше дома держать — погибнет от тоски, — сказала мама. — Станете взрослыми — поймете. Его настоящий дом там — на улице, среди таких же голубей, а не здесь, где он чувствует себя, как в клетке. Знаю, что вам жалко Гуньку отпускать — привыкли. Вон, каким холеным стал! Перышки так и переливаются. Но от природы никуда не денешься. Его дом — там, — она снова кивнула на окно.

Мальчишки стояли, переглядывались и молчали.

Саша медленно провел пальцами по Гунькиному крылу, тяжело вздохнул, взглянул на брата и махнул рукой.

— Мы все поняли, мам, — сказал он. — Главное, что нам удалось спасти голубя. Пусть наш Гунька к своим друзьям возвращается. Может, и к нам в гости когда-нибудь прилетит.

— Прилетит, Сашок, обязательно, — тихо произнесла мама и отдала голубя Саше. — Добро никогда не забывается.

Они вышли на балкон. Саша прижал голубя к себе, что-то тихонечко прошептал, вытянул руки и раскрыл ладошки:

— Лети, Гунька! Мы всегда будем тебя ждать, всегда... — и, отвернувшись, тяжело вздохнул...

Голубь встрепенулся, взмахнул крыльями, сделал в воздухе плавный круг и устремился ввысь — в яркую синеву весеннего неба.

С той поры часто к ним на балкон прилетала стайка голубей, где на полу постоянно был рассыпан корм. Может, среди них был и Гунька. Все может быть...

Номинация «Нашим детям» — полуфинал

Виктор Чепенко — г. Москва
Анастасия Бабичева — г. Самара
Марина Юрина — г. Челябинск
Маргарита Бендрышева — г. Калуга
Татьяна Каскевич — г. Красноярск
Елена Игнатовская — г. Павлодар
Надежда Сергеева — г. Нижний Тагил
Татьяна Десятниченко — г. Таганрог
Татьяна Пшеничнова — Саха (Якутия)
Наталья Николаева — г. Рязань
Виктория Солопова — Саха (Якутия)
Оксана Хмелева — Краснодарский край
Михаил Смирнов — г. Салават
Александр Миронов — г. Санкт-Петербург

Приз читательских симпатий

Михаил Смирнов — г. Салават

НОМИНАЦИЯ «ЛИДЕР ПАРТНЕРСТВА»



Союз журналистов России

Самая массовая творческая организация страны. В него входят 84 региональных организаций, а также более 40 творческих ассоциаций, гильдий и объединений.

Цели и задачи Союза журналистов России:

- Защита прав и свобод журналистов, их экономических, профессиональных и творческих интересов, чести и достоинства;
- Содействие утверждению и реализации свободы массовой информации, укреплению правовой базы деятельности всех сторон информационного процесса;
- Формирование культуры честной и свободной журналистики, поддержка плюрализма и независимости средств массовой информации;
- Развитие системы журналистского образования и повышение профессионального уровня российской журналистики.

Проза





Вадим БОРИСОВ

Лауреат 1-ой степени литературного конкурса «Русский Stil-2011». Член Союза журналистов.

СЧИТАЛОЧКА

«...раз-два-три-четыре-пять, я иду тебя искать». Мне было тогда семь лет, и «...кто не спрятался, я не виноват»... дни напролет я пропадал на улице, всегда находя, чем заняться. «Шесть-семь-восемь-девять-десять, царь велел меня повесить», — мы орали считалочки, играли в прятки. Наши крики неслись над рабочим поселком, перекрывая квохтание несущек и вопли котов, решавших территориальные вопросы. Что он чувствовал, слыша нашу невинно бесчеловечную чушь о разыскиваемых и повешенных?.. И чувствовал ли вообще что-нибудь, глядя перед собой слезящимися глазами.

Дед сухощавый, жилистый сидел на скамейке возле ворот и отдыхал. Голова его мелко тряслась. Сколько себя помню, он был такой. Контузия и плен не прошли просто так. Я помню дедовы руки и их нервные пляски. Они тряслись, когда он нес ко рту ложку с супом, всегда наполненную наполовину. Иначе расплещешь. Тряслись, когда он скоблил свою щетину станком с советским лезвием «Нева». Это зрелище не для слабонервных. Тряслись, когда после бани он застегивал брюки, никак не мог попасть пуговицей и вполголоса матюгался. Они дрожали, когда он раскладывал перед нами свои медали, полученные уже потом, когда сняли все обвинения с попавших в плен. Когда

начался новый отсчет времени. Когда-когда-когда... У него была своя считалочка. На войне другой счет и другой расчет. И когда весь артиллерийский расчет накрыло танковым снарядом, дед оказался одним из тех, кого фрицы подобрали контуженым. Значит, живой.

И началась игра. Из тридцати шести, попавших в плен, через полгода осталось трое. Их заставляли работать в нечеловеческих условиях, без еды и теплой одежды. Их заставляли днем рыть окопы и могилы, а ночью босиком выводили на снег и играли в считалочку. «Айн-цвай-драй — выбирай. Айн-цвай-драй — умирай». Каждого третьего ждала пуля и им же выкопанная могила. «Ты сегодня второй. Тебе повезло. Иди спать, Иван. Доброй ночи». Трясло до утра. А потом — короткое забытье и работа, работа, работа. Что-то таскать, строить и... снова рыть могилы. Кто я сегодня? Первый? Второй? Третий? И постоянный, выжигающий душу страх. Изо дня в день. Изо дня в день. Изо дня в день...

Ему необычайно везло. Он был вторым, когда убивали третьих. Он оказывался первым, когда в расход пускали вторых. «Чет-нечет, все у нас наперечет». В ту зимнюю ночь их, как всегда, подняли и погнали за барак, на поле. Ночь, зима, ветер. Судорожно дрожащие люди в сером от времени белье. Ступни деревенели и примерзали к земле. Губы с трудом произносили слова. «Первый» и «второй» еще как-то произносились, а на «третий» — застывшие губы словно во что-то упирались и не желали складываться под нужные звуки. Вдруг вспомнилось детство, когда продрогший и мелко трясущийся никак не хотел выходить из речки, а отец, посмеиваясь, говорил: «Скажи, тпру!» А синие губы не слушались. Путаница. «Считать сначала», — немецкого офицера бесят трусость и косноязычие этого полуголого быдла. Воняют, словно скоты. «Проблемы с произ-

ношением цифры «драй». Третьи номера, шаг вперед. Иваны, вам сегодня не повезло».

Что он чувствовал? И чувствовал ли что-то вообще? Автоматчики стали выволакивать из строя каждого третьего. Все злые, их можно понять — хочется поскорее под одеяло в теплую казарму... Кто-то выходил сам. Кто-то падал на землю, упирался, извивался под сапогами и прикладами, обнимал негнушимися руками чужие сапоги. «Лишь бы не туда! Не к краю ямы. Не в страшную толпу обреченных». Он тоже был третьим. «Все! Все!» Они идут к нему. «Спаси, Христос!»

Неделимый поток времени остановился и замер. Тихо снаружи, тихо внутри. Смертельная пустота. Будто кто-то перехватил дыхание. Навалилась отчаянная тоска, когда от безысходности хочется выть. Вселенская пустота. И только они приближаются с автоматами. Ведут свой страшный счет. «Айн-цвай — полицай. Драй-фир — бригадир». До него остались три человека. «Что делать?» Два... «Надо выходить?» И вдруг стоящий рядом тронул его рукой — остановил. Шепнул: «Ты еще молодой» и шагнул вперед, в руки подходящих автоматчиков...

Он не сразу понял, что произошло. Смерть прошла мимо и потом проходила еще много раз, видимо, не замечая или не желая падать в ту же воронку. Из тридцати шести, попавших в фашистский плен солдат его подразделения, в живых осталось трое. И мой дед, тогда еще молодой парень, оказался одним из них.

Прошло время, и все вернулись по домам. Нет, не все. Кто верил и молился. Кто не верил и молился. Кто чудом уцелел. Спасибо тебе, неизвестный солдат, за то, что я появился на свет. Я не знаю, кто мой крестный. Меня крестили в притихшие 60-е годы где-то полуподпольно, чуть ли не на дому. Бабушка сделала это втайне от родителей. За Веру тогда можно было пострадать. Хотя это никак не выделяет то время. Ведь за Веру

подвергаются гонениям во все времена. Только за Веру страдают единицы, а за безверие — все.

Тогда я этого не понимал. О том, что произошло с дедом, я узнал уже совсем взрослым. После того, как его не стало. И это — как удар током. Когда понимание накатывает ночью, сердце отчаянно стучит, и ты, задыхаясь от страха, просыпаешься... Я не представляю, что должно быть в душе, чтобы отодвинуть выбранного на смерть человека и шагнуть вместо него, шепнув: «Ты еще молодой!» Умереть за другого. Он сам решил, что кому-то рано, а ему пора. Он смухлевал в этой совсем недетской считалочке «Айн-цвай-драй — выбирай. Айн-цвай-драй — умирай».

И как после этого жить? За себя? За него? Какие сны снились моему деду? О чем он думал, когда мы, запыхавшиеся и вспотевшие мальчишки, громко кричали очередную считалочку: «...выходи поскорей, не задерживай добрых и честных людей»?

Вспоминал и в очередной раз прокручивал свое черно-белое кино о войне? А руки ходили ходуном. И снова ложка супа неполная. И рюмка — только наполовину, сколько ни наливавай ее до краев. Вроде бы, живи по максимуму, за себя и за того парня. Но не выходит. Как будто какая-то его половина умерла, и жизнь словно обрезали по пояс. И временами из прошлого приближаются они со своими черными автоматами. И накатывает Страх. Парализует волну... А потом вдруг раз — и отлегло. Это знакомый ангел-хранитель в самое последнее мгновение появился и прикрыл его своим крылом.





Тамара ЧЕРЕМНОВА

Лауреат 2-ой степени литературного конкурса «Русский Stil-2011». Член Союза писателей России.

МИЛАШИНО СЧАСТЬЕ

Милаша проснулась, когда за окном уже вовсю тренькала синица и невольно улыбнулась заоконной гостье. Отвернувшись от окна, она привычно наткнулась глазами на свое инвалидное кресло. Когда она была совсем маленькой, ей казалось, что если кто-нибудь помог бы ей сильно-сильно разбежаться, то она обязательно побежала бы, как все дети. Но кто? Бабушка? Та и сама тогда еле ходила. А мама после прогулок всегда приносила Милашу домой, молча глядя на нее глазами, в которых уже давно не осталось слез.

* * *

Недавно матери пришлось срочно ложиться на операцию. Милашу с сестрой Леськой развели по разным домам: Леську в интернат, а Милашу в инвалидный дом. И первое, что она услышала в свой адрес в шестиместной палате: «Ну вот, еще одну к нам затолкали». Но не обиделась. А с одной из соседок, которую все звали Былинкой, сразу подружилась. Былинка была больной, для которой еще не придумали коляску, в которой та могла бы сидеть и хоть как-то передвигаться. У нее совсем не было сил — ни в руках, ни в ногах. Она лежала в кровати —

светленький ясноглазый ангелочек. «Былинка-пылинка, ты еще не потерялась?» — спрашивали санитарки, когда подходили перестилать постель.

— Ты не обижаешься, когда тебя так дразнят? — спросила Милаша.

— А почему я должна обижаться? Если я похожа на былинку, это не так уж плохо. Былинка растет в чистом поле, тонкая, гибкая травинка. Во время урагана ветер с корнем вырывает могучие дубы, а былинка каждому ветерку поклонится, любой ураган выстоит, а потом опять радуется голубому небу и жаркому солнцу.

Благодаря встрече с Былинкой Милаша не только пережила те страшные дни, наполненные тревогой за маму, но и научилась радоваться законному миру, который каждое утро врывался к ним, будоражил маленькими событиями и, несмотря на горькое существование, призывал их продолжать жить.

— Знаешь, я по утрам стараюсь поймать в свое окно самое чистое облако и написать на нем свои добрые пожелания. И послать их.

— Кому послать? — спрашивала удивленная Милаша.

— Людям! — улыбалась Былинка.

— Глупости! Никто не сможет прочесть твои пожелания.

— Нет, не глупости, я точно знаю, что на земле живут люди, которые умеют читать облака-письма.

Милаша понимала, что рядом с ней живет большой художник, которому никогда не суждено взять в руки кисть, и никогда никто не услышит ни одной гениальной Былинкиной поэтической строки. Впервые в жизни Милаша видела такого человека, которого не могла оскорбить человеческая низость. Сначала Милаша не могла понять, почему Былинка никогда не жалуется, даже тогда, когда, казалось бы, дальше некуда. Раздают санитарки обед и всегда кладут Былинке лишь полпорции: «Она

квеляя, ей и этого хватит!». А Былинка молчит. И Милаша вдруг поняла, что гораздо унижительнее было бы для Былинки расплакаться и признать себя слабой.

Милаша представила себя на Былинкином месте: что было бы с ней в таком случае? Ведь дома все старались отдать ей самый лакомый кусочек, а здесь, где собрано столько человеческого горя и боли под одной крышей, происходило обратное. Милаша была уверена: если бы все здешние инвалиды жили среди здоровых, то тогда любой человек стал бы ценить каждый проживаемый день. А ведь здоровые не замечают, какое это счастье — просто встать и пройтись!

Наконец этот тягостный промежуток времени в Милашиной жизни завершился. В палату вбежала Леська, за ней вошла мама. Милаша настолько не сразу смогла поверить, что все обошлось, что мама выздоровела, что даже не выказала радости.

— Уж не заболела ли ты? — целуя Милашу, забеспокоилась мать.

— Да нет, не волнуйтесь, — выдохнула Милаша и с трудом выдавила улыбку. Потом сдержанно со всеми попрощалась и только Былинкину руку долго держала в своих ладошках. Будто заранее знала, что больше они не свидятся.

И только сидя в отъезжающей машине, наконец осознала, что то ужасное, чего она так боялась, их миновало, и все страхи уже позади. И душа, словно переполненная чаша, рыданиями выплеснула горечь, томившую ее все время пребывания в сером доме.

— Мила, не надо, мама же только что из больницы, ты убьешь ее своим плачем! — затормошила Леська сестру.

— Ты больше сюда не попадешь, моя милая, пока я жива, — прошептала мать, глядя Милашу по голове.

* * *

— Ты что это сегодня так припозднилась? — тревожно воскликнула, заглянув в комнату, мать. — Вставай, гости скоро придут.

— Mam, наша соня-именинница еще валяется! Наверное, опять улетела в свои мечтания, — громко крикнула Леська.

И впрямь надо вставать. Милаша тряхнула головой, отгоняя невеселые мысли. Сегодня ее праздник, День рождения.

И вот Милаша на коляске, принаряженная: плечи и грудь красиво облегает шелковая блуза в тон широкой юбке. Леська с ее неумной фантазией и ловкими пальцами сооружает на голове у Милаши затейливый узел. Милаша изумленно изучает себя в зеркале — неужели это она, такая взрослая и красивая? Но вволю полюбоваться не получается — раздается стук в дверь. И на пороге Наташка с Володкой:

— Ну-ка, Милашка, помоги сибирским белкам! — балагурит Володка и высыпает ей на колени кучу смолистых кедровых шишек.

— Ты что, с ума сошел! Ты же ей юбку новую испортишь! — охает Наташка и быстро стряхивает шишки.

А Милаша в это время пытается разглядеть за Володшкиным плечом третьего гостя.

— Не узнаешь? — поймав Милашин взгляд, удивляется Володка. — Это же Лешка! Помнишь, мы с ним твою коляску ремонтировали?

* * *

Милаша вспомнила трех неразлучных Леськиных друзей: Володка всегда был при Наташке как верный Санчо Пансо

при Доне Кихоте, и вместе с ними приходил этот скромный паренек — Лешка. Мать подшучивала над Леськой:

— Ты чего такого жениха не привечаешь? Вот подберет его какая-нибудь дивчина, будешь локти кусать.

— Это какого-такого жениха надо привечать? — дурашливо огрызнулась на материны замечания Леська. И твердо ответствовала: — Лешка мне просто друг!

Милаша даже помнит, как они с Володькой впервые пришли подремонтировать ее сломавшуюся коляску, два четырнадцатилетних подростка. Ловко перевернули коляску и начали снимать злополучное колесо, никак не желавшее крутиться. Пока мать была в комнате, Милаша не ощущала неловкости. Но как только мать вышла на кухню, неловкость будто повисла в воздухе. Лешка лишь мельком взглянул на Милашу — и все, так и прокрутился, опустив глаза и молча хлопоча вокруг коляски.

* * *

Да, это был тот самый Лешка, длинноногий парень с серыми шальными глазами, при виде которого замирали девчата. Но теперь Лешка неуверенно стоял на пороге, опираясь на костыли.

— Лешенька, сынок, когда вернулся? Где служил? — увидев неожиданного гостя, деликатно поинтересовалась вышедшая из кухни мать, стараясь делать вид, что не замечает костылей.

— В Чечне, тетя Тася, только недавно оттуда. — И, приветливо улыбнувшись, Лешка повернулся к Милаше: — А это тебе, сам сбил с крыши, — и протянул Милаше морозящий ледяной нарост в виде сказочного хрустального подсвечника.

Он уже не боялся в упор смотреть на девушку-калеку, не было в его глазах унижительной жалости, свойственной молодым мужчинам. Она протянула руки и, сама того не желая, сна-

чала погладила широкую Лешкину ладонь, а потом уже скользнула к сосульке. А Лешка чуть не задохнулся от нежного прикосновения мягких девичьих рук.

* * *

Лежа в госпитале после ранения, Лешка пытался осмыслить свой первый и непонятный бой, где его и ранило. При въезде в Назрань колонна федеральных машин была остановлена местными жителями, которыми руководили вооруженные ингушские милиционеры. Лешка услышал, как начальник штаба докладывает, что в районе Гази-Юрта по колонне открыли стрельбу из автоматического оружия. Потом в ход пошли гранаты. Появились убитые, раненые, и Лешка среди них. Его отбросило на обочину, и он почувствовал как из ран на обеих ногах, развороченных осколками гранаты, торопливыми струйками бежит кровь, и вместе с кровью тело покидает жизнь. Ах, как остро он тогда ощутил, что ему совсем не хочется умирать! Жить! Даже если лишится ног! И в эти страшные минуты ему вспомнилась та девочка-инвалид из подросткового детства, к которой они с другом Володькой приходили ремонтировать коляску. И, лежа на грязной, испещренной стрельбой и взрывами обочине и истекая кровью, он вдруг понял ту девочку.

А тогда, будучи подростком-несмышленищем, никак не мог понять: как эта девочка-калека живет? Неужели не чувствует обиды на то, что, в отличие от своих сверстников, не ходит ногами? И уже никогда не будет ходить? Эти вопросы безжалостно сверлили его мозг, и от этого он всегда робел, когда видел Милашу, и не смел открыто взглянуть на нее.

* * *

Но сейчас перед ним предстала уже не та робкая девчушка — перед ним восседала красавица на троне, пусть даже и не совсем обычном. И его неудержимо потянуло к этой красавице...

А Милаша боялась резко вздохнуть — чтобы не исчезло видение того, о ком она так давно и безнадежно мечтала. Ведь Милашино сердечко сразу же нервно и сладко забилося, как только она впервые увидела Лешу. А уж сколько девичьих грез и отчаянных слез было спрятано в молчаливую подушку!

* * *

— Ох, что же вы все встали на пороге, проходите в дом, праздничный стол уже накрыт, проходите, гости дорогие... — наперебой зазывали Леська с мамой.

И вот они за столом, стоит веселый гомон, который безуспешно пытается перекрыть Леська, кому-то что-то доказывая. Лишь Милаша сидит и чувствует странное тепло, а, подняв глаза от чашки, замечает Лешкин взгляд. И сразу же, из самого сердца, вздымается жаркая волна и заполняет каждую ее клеточку. Как взрыв вселенной!

Хлебнув беды, изведав унижения, всю жизнь прожив не такой как все, Милаша способна многое увидеть, понять и простить в других людях — как матери понимают свое дитя, как женщина должна по своей природе чувствовать своего мужчину. И она предвкушает, как скоро наступит вечер, и они с Лешкой будут сидеть рядышком вдвоем, и она разгладит морщинки на его усталом лице, изгонит грусть из серых глаз. А на столе — лишь для них двоих — будет гореть восковая свеча, оплывая на тающий ледяной подсвечник.



Татьяна КРАСИКОВА

Лауреат 3-ей степени литературного конкурса «Русский Stil-2011». Редактор и автор журналов «Мишутка» и «Мишуткины сказки».

БАБА НАСТЯ

Умерла баба Настя. Честно говоря, при жизни я ее не очень любила. Сидела она, огромная, толстая, посреди двора в беседке, остро выглядывая проходивших мимо:

— Куда идешь? — и приходилось останавливаться, а следом за первым теснились другие вопросы: — Что купила? Почему? И что варить будешь? Где мужик твой? Как дети?..

И неудобно было пройти мимо них, и отвечать через двор тоже не хотелось. Вот и нужно было тянуться к беседке... В конце концов, баба Настя собирала вокруг себя и старых, и молодых, и детей, и подростков... Одни норовили побыстрее ответить и убежать, другие так и оставались празднично сидеть возле нее.

Иногда баба Настя пела. Высоким молодым голосом, повизгивая, блестя глазами... Как ни пытаюсь я сейчас вспомнить слова ее песен — не могу. Помню только, что все они были быстрые, озорные и только где-то на самом доньшке, на каком-нибудь маленьком слове, нотке слышалась печаль. Возле бабы Насти всегда были банка с водой или компотом, миска с немудреной едой. Беседка стояла как раз напротив подъезда, и потому, выходя на улицу, первое, что я видела, — это огромная баба Настя с тугими щеками, с полно набитым ртом.

Огромна она была не в меру. Грудь, руки, живот, необычайной толщины ноги... И все вокруг нее казались маленькими, ненастоящими, как карлики перед исполином.

Жила баба Настя одна. Мужа схоронила уже давно. «Ой, милочек мой уж в могилочке, грустно-скучно мне на подстилочке...», — пела баба Настя. И старухи вокруг нее кивали головами... и кто-нибудь силился подпевать. Но баба Настя, вдруг оборвав пение: «А что, девки, давайте говорить про любовь». Шестидесяти-семидесятилетние «девки» смеются, а баба Настя, подзадоривая: «Ну... ну... давай-ка ты про свою первую ночь...». Сидящие неподалеку мамы с младенцами прыскают, а некоторые подхватывают детишек на руки и уходят подальше.

А «девки» взрываются хохотом. У бабы Насти довольно блестят глаза. Она оглядывает двор. Кидает молодухам: «Каб вы знали, как мы любили...». Ее огромному телу тесно в беседке. Плечи, грудь приходят в волнение... Баба Настя вскидывает голову, поводит плечами... Сейчас притопнет ногой... и плавно, важно поплывет по двору. Вот руки у нее уже приходят в движение, подергиваются дымкой глаза и... она остается на месте... И, мстя себе, мстя тому большому, что родилось в груди и не нашло выхода, баба Настя взрывается дикой, безудержной бранью... Слова, одно витиеватей другого, рассыпаются по двору. И матери уже не знают, куда упрятать своих дочек. Но никто не осмеливается остановить ее, только шипят: «Чтоб тебе пусто было...», а потом жалуются друг дружке, что никакой на нее нет управы. А баба Настя, облепившись, уже вновь закидывает проходящих вопросами.

Обычно я старалась прошмыгнуть побыстрее, и не раз догоняло меня осуждающее — «гордячка»... И еще я мечтала о том, чтобы когда-нибудь в один прекрасный день сгорела беседка... Потому что не могла распахнуться, как баба Настя, не могла кричать о себе на весь мир. Но не только мне была неприятна ее де-

ревенская простота. Она чувствовала это и, наверное, обижалась, так как при виде нас старалась быть еще громче, еще веселее.

А жизнь-то ее была совсем не веселой. Одинокая, старая и больная... С крохотной пенсией, одетая всегда в одну и ту же черную юбку, в накинутом на плечи штопано-перештопаном платке, валенках-развалюхах... С думами о сыне-пьянице, о невестке, которая не признает ее и не пускает к ней внука.

Только раз видела я его — красивого (в бабу Настю), стройного мальчика лет шестнадцати. Он стоял возле нее в беседке, стыдливо переминался, а она, счастливая, всем проходящим кричала: «Внук мой!». А внук тянул ее — «пойдем в дом», он так же, как и мы, не мог понять, что не может баба Настя держать дома взаперти свою радость.

В молодости баба Настя работала в колхозе, после войны, когда город разросся, и на месте ее деревеньки выстроились пятиэтажные городские дома, она стала работать на заводе, потом родились дети — сын, дочь, пришлось уйти в дворники, чтоб малые были под боком. Но вот уже много лет годы, болезни не дают ей никакого дела... Она сидит во дворе, величавая, как королева, зорко следит за всем, что здесь происходит, всегда в курсе всего, всех семейных и дворовых сплетен... Вот прошел по дорожке карапуз. Запнулся, упал. Переваливаясь, тяжело идет к нему баба Настя, утирает малышу нос, глаза, говорит: «Э-э-э... стыдно плакать, ишчэ хлопец, это ж девки ревут», — и мальчишка больше не плачет. А баба Настя качает уже чью-то коляску, хворостиной разгоняет драчунов, выслушивает жалобы женщин, стыдит проходящих мимо пьяных мужиков... А раз в месяц баба Настя выходит во двор тщательно причесанная, в выстиранной и наглаженной кофте. Она тяжело дышит, отдуваясь, добирается до беседки. Садится, по-хозяйски широко расставив толстые ноги, оглядывает двор, и уже несется высокое, властное: «Сярожка, сюда!»

Недоверчиво поглядывает на нее чумазый Сережка, а баба Настя запускает в прорезь кофты руку, достает конфету и кричит: «Штось-то дам!»

И вот уже тянутся к ней ручонки... Танюшки, Динки, Кольки, Наташки... Для всех для них припасена бабой Настей настоящая шоколадная, а не какая-нибудь конфета.

Дети съедают конфеты и через минуту забывают про бабы Настину щедрость, а она, достав из-за пазухи пустой кулек, расправляет бумагу и улыбается тихонечко, для себя.

И вот бабы Насти не стало. И не нужно теперь жечь беседку. Она молчаливо стоит посреди двора. Но отчего-то хочется, чтобы из нее долетел властный высокий голос: «А что, девка, идешь куда?!»





Виолетта МИНИНА

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2011». Шеф-редактор журнала «Личная жизнь».

ВОЛШЕБНЫЙ ХУДОЖНИК

Итальянская сказка

Эта история приключилась в одном маленьком итальянском городке, не помню точно его названия, а потому врать не буду.

Жил на чердаке старого дома бедный художник по имени Марио Беллотто. В его мастерской всегда было сыро и серо. А через крохотное оконце под крышей почти не проникал дневной свет.

Всего богатства у него было — старая палитра, поношенный мольберт и краски с кистями.

Картины его никто не покупал, хотя художником он был отменным, и полотна у него получались словно живые. Отчего же тогда их никто не ценил, спросите вы? Дело в том, что Марио рисовал дождь. Да-да. Дождь. Только дождь и ничего больше. А кому же захочется, чтобы в городе, где и так постоянно идут дожди, вешать на стены такие «мокрые» картины? Ведь в этом городе дождь шел постоянно — утром, днем, вечером, ночью. А на следующее утро все начиналось вновь. И так по кругу. Изю дня в день, из месяца в месяц, из года в год.

В этих местах давно никто не видел солнца. Белье здесь никогда не просыхало. Посевы вечно гнили. Дома съедали плесень и сырость. Люди под зонтами постоянно спешили куда-то мрачные, в вечно серых одеждах. Дождь. Кругом был дождь.

Честно говоря, Марио и сам не любил свои картины. Он рисовал город сквозь стену дождя. Шпили башен, мосты, старинные часы на городской ратуше — все на его полотнах укрывала серая пелена.

Но однажды на чердак к художнику залетела бабочка. Ее пурпурные крылышки цвета кардинальской сутаны сразу очаровали живописца. Два лазоревых пятнышка на нижних крыльях напоминали две светящиеся жемчужины. Пятнышки на верхних — как две черные жемчужины на желто-голубых «блюдечках». Ее тельце было мягким и пушистым. Крылышки нежно вздрагивали от ветра, но, не смотря на это, она казалась наивной и восторженной. Бабочка «смотрела» на Марио своими сияющими жемчужными «глазками» и удивлялась: отчего он такой грустный, когда этот мир такой прекрасный и удивительный.

Глядя на бабочку, Марио почувствовал, что в его душе что-то происходит. Внутри что-то заняло от волнения и странных предчувствий. Он понял, что просто обязан нарисовать свою неожиданную гостью. Художник схватился было за кисть, но оказалось, что у него нет подходящей краски. Такого чуда художник давно не видел и совсем забыл, что в мире существуют яркие цвета.

Были черные, белые и синие тона в его палитре. Сажа, графит, жженая кость... Белила цинковые, свинцовые, баритовые, титановые. Мел, известь и каолин. Но больше всего было серых оттенков. Это был его любимый цвет. У Марио имелись все варианты серого — от перламутрового до антра-

цита. В его полотнах царили серебристый, стальной, свинцовый, мышиный, сизый, уголь и даже цвет серого зеленого чая. Все они очень подходили для мокрого асфальта и вечно сырых стен домов. Другие цвета были ему не нужны. Марио рисовал только то, что видел и чувствовал. А видел он лишь серость дождливых буден, а чувствовал только грусть и уныние. На душе у него всегда было дождливо, и, казалось, никогда не будет просвета в его мрачной жизни.

Однако сейчас был особый случай. Его желание нарисовать бабочку было настолько сильным, что художник решил сделать это во что бы то ни стало. Марио Беллотто немного подумал, оглянулся по сторонам и решил сам изготовить нужную краску...

Он взял горстку глины, добавил в нее воды и плеснул итальянского томатного соуса. Вчера его вместе со спагетти принес сосед, добродушный и щедрый Лучано Бениньи, который работал шеф-поваром в ресторане своего тестя. Он всегда благоволил к «несчастному непризнанному таланту», как он его называл, и всячески пытался подкормить беднягу.

— Ешь, Марио, а то так и ноги протянуть недолго. И какой тогда прок от твоей мазни, коли она сведет тебя в могилу. Подкрепись, дружок! Кто знает, может, и настанет день, когда кто-нибудь купит твои картины, ты придешь в наш ресторан, и я накормлю тебя своей лучшей лазаньей за главным столом, как самого дорогого гостя.

...Краска получилась густой и очень яркой. Марио взял кисть, обмакнул ее в «псевдо-киноварь» и сделал несколько пробных мазков. На его картине впервые за долгие годы появилось яркое пятно. Холст сразу ожил. Ярко-красное пятно на сером фоне заиграло.

Марио с азартом принялся рисовать свою новую знакомую. Но не тут-то было. Бабочка посидела еще немного, взмахнула крыльями и вылетела в окошко.

— Куда ты? Я еще не закончил картину, — закричал ей вслед Марио. — Подожди, ты нужна мне!

Но бабочка не слушала. По-видимому, у нее были свои какие-то очень важные дела, а может быть, ей стало просто скучно в этой мрачной камерке.

Марио схватил кисти, холст, краску и кинулся за бабочкой вдогонку.

Сбегая вниз по лестнице, он очень боялся, что упустил свою капризную «модель». Но, когда он выскочил на улицу, бабочка еще порхала у крыльца дома, словно ждала его.

— Постой, не улетай, — попытался остановить ее художник.

Но бабочка, как нарочно, вновь пустилась в путь.

Марио бежал за ней сквозь дождь по улицам города, расталкивая прохожих. По брусчатке, по песку, по лужам, по тротуару и по проезжей части. По закоулкам, через центральную площадь, мимо городской ратуши, опять закоулками. Через заборы и палисадники, мосты и подворотни. Он спотыкался, запинаясь, даже два раза упал, но ни на секунду не остановился и не прекратил свое безумное преследование.

Вдруг бабочка влетела в открытое окно высокого красивого особняка и исчезла за цветными витражами. Марио, не раздумывая, бросился за ней. Он, конечно, был не из робкого десятка. Но поверьте, он никогда не решился бы на такое, если бы не великая сила искусства.

Художник вскарабкался вслед за бабочкой прямо по водосточной трубе и влез в заветное окно. Марио был настолько увлечен погоней, что даже не заметил, что во дворе дома дежурит охрана. К удивлению, охрана его тоже не заметила.

Марио оказался в большой светлой комнате, похожей на парадную залу. В самом центре стоял старинный клавесин. На его крышке уютно расположилась бабочка, а у клавесина

сидела девушка. Хрупкая, бледная, почти прозрачная. Ее серебристые волосы стекали по плечам, словно струи воды. Марио остановился, как вкопанный. Такой красоты он никогда прежде не видел.

— Кто здесь? — девушка настороженно приподняла голову. Марио молчал. У него перехватило дыхание, а сердце бешено застучало.

— Что с вами? Ваше сердце так громко стучит, что напоминает раскаты грома. Как вас зовут? — поинтересовалась девушка.

— Марио. Марио Беллотто.

— Красивое имя. А меня зовут Франческа, Франческа Пулити. Синьор, а что вы тут делаете?

Марио не сразу нашелся, что ответить, и как-то нелепо объяснил:

— Я художник. Я рисую.

Девушка, казалось, вовсе не удивилась. Она улыбнулась и немного печально произнесла:

— Жаль, что я не смогу увидеть ваших картин. Я слепая, я от рождения ничего не вижу. Но меня это не огорчает. Так я даже чуть слышу этот мир.

Марио подошел ближе и взглянул девушке в глаза. Ее глаза были такие же лазоревые, как жемчужины на крыльях бабочки. Они излучали какой-то неземной свет — чистый и глубокий.

— Знаете, синьора, вам все равно не понравились бы мои картины. В них нет ничего хорошего. Только дождь, — грустно признался художник.

— Дождь? — оживилась Франческа. — Я очень люблю дождь. Эти удивительные звуки складываются в музыку. Обожаю слушать, как капли барабанят по стеклу, и струи стекают по водосточным трубам. Как дождь шумит в листьях

деревьев и звенит по лужам. А вы слышали, как играет дождь? — девушка взмахнула руками, как птица крыльями. — Это удивительная музыка! — ее голос был таким нежным и на-певным, что сам звучал, как волшебная мелодия.

— Синьора, вы очень изящно рассуждаете, но поверьте, речь идет совсем о другом дожде, о настоящем. Я рисую только правду. То, что вижу и чувствую на самом деле, а не какие-то фантазии. Дождь — это самое ужасное, что только может случиться в жизни человека.

— Какая странная у вас правда, синьор, — пожала плечами Франческа. — Дождь такой разный. И, поверьте, во всем есть своя прелесть, своя красота. Дождь — это так красиво. Знаете, я немного сочиняю. Конечно, я не композитор, но тоже играю только то, что чувствую. Моя музыка навеяна дождем. Хотите послушать?

Марио кивнул. Франческа, будто услышав его безмолвный ответ, коснулась пальцами клавиш, и из-под них полилась удивительная мелодия. Звук клавесина был ярким, но отрывистым. Он сам чем-то напоминал звук дождя.

Когда Франческа заиграла, ее волосы превратились в потоки воды. Они сияли, переливались, искрились. Ее локоны разливались каскадами, словно вода в фонтане, но касаясь земли, струи тут же высыхали.

Пока Марио слушал эту музыку, и его сердце наполнила радость. А в его душе появилось столько тепла и света, что захотелось летать. Показалось, что если он сейчас не выплеснет свои чувства наружу, они просто разорвут его на части. И ему неужели захотелось рисовать.

Франческа прекратила играть и повернулась в сторону окна, за которым, как и прежде, шел дождь.

— Вы только прислушайтесь, Марио, — обратилась она к художнику. — Слышите эту чудесную серенаду? Это же нас-

тоящая живая партитура для симфонического оркестра. Все звуки разложены по нотам. Струйки, журчащие из водостоков под балконом, — легато... Капельки, что стекают с козырька парадной: «Кап-кап» — дробные нотки, стаккато. Те, что летят с карниза верхнего этажа «Тяц-тяц-тяц», более легкие и частые... А те, что стучат о нижний карниз «Тук-тук-тук», реже и тяжелее. Особая партия у капель, что разбиваются об асфальт. Это основная мелодия. Ну, и, конечно же, соло для водосточной трубы.

Марио был потрясен. Никогда раньше дождь не казался ему таким загадочным и многоликим. Он услышал за шумом воды множество голосов. Они были живыми. В них ощущалась свежесть и начало чего-то нового, неизведанного.

— Чувствуете, сколько в этих звуках света, солнца, радости и надежды? — продолжала Франческа. — Как может быть ужасным то, что сотворено в такой красоте? Я люблю свою музыку. Полюбите и вы свои картины.

Эта встреча изменила Марио. Теперь он был совсем другим человеком. Он будто родился заново.

Первое, что он сделал, выбравшись на улицу из дома Франчески, — побежал в ресторан тестя Лучано Бениньи и попросил у приятеля денег взаймы. Затем он помчался в лавку и купил холстов и ярких красок.

Целую неделю он не мог придти в себя: все рисовал, рисовал и рисовал. В народе это называют вдохновением.

Его картины оживали, как цветы на лугах. Пестрые полотна, похожие на бабочек в летний день. Теперь их заливало солнце, наполняли радость и счастье. Там был и дождь. Но он был прекрасен.

Марио так был занят работой, что не заметил, что в мире тоже все переменилось. Как только на его полотнах появились солнечные пятна, солнце выглянуло и на улицах города.

Марио Беллотто не знал пророчества о волшебном художнике, который спасет город, и о девушке, которая спасет самого художника. Но о нем знали многие горожане. И вот старинное пророчество сбылось. В городе наступило настоящее ликование.

Весть о волшебном художнике быстро облетела город. Все теперь срочно хотели купить его картины. И не только те, где сияло солнце, но и старые полотна тоже. Они были особенно ценны, так как напоминали об уходящей эпохе. А как вы знаете, люди очень ценят то, что связано с прошлым. Одни называют это историей, другие — антиквариатом.

Марио в одночасье стал богат и популярен. Но это не испортило его душу, ибо ее наполняли красота и любовь. Хотя, его новое положение отчасти даже пошло ему на пользу. Франческа оказалась дочерью мэра города. А вряд ли бы столь высокопоставленный отец легко согласился отдать свою дочь за бедняка.

Марио и Франческа поженились. В городе по этому поводу был великий праздник. Все улицы были украшены цветами, кругом играла музыка — весело перебивая друг друга, отовсюду звучали гитары, тамбурины и кастаньеты. Счастливые жители города безудержно отплясывали зажигательную тарантеллу. А вечером планировался небывалый салют из городской пушки. Добряк Лучано Бениньи преподнес молодым свою самую лучшую лазанью, приправив ее самым отменным томатным соусом. Словом, все были счастливы, но больше всех — сами молодожены.

Когда новобрачные выходили из городской ратуши, часы пробили полдень. В этот миг сквозь солнечные лучи полился легкий веселый дождик, и на небе появились сразу две радуги.

Говорят, что все это время над головами влюбленных порхала бабочка с жемчужинками на пурпурных крыльях.



Алексей РЯСКИН

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2011». Студент Воронежского государственного университета, факультет журналистики.

ВЫШНИ

День в самом разгаре. Я лежу в саду, на старой койке, и смотрю в нависающие надо мной ветки яблони. Солнечные лучи мелькают в листве, словно цветные стеклышки в калейдоскопе. Где-то сонно скрипит сверчок. Изредка до меня долетает собачий лай или крик какого-нибудь одуревшего от жары петуха. Весь мир тонет в звенящей тишине, какая бывает лишь в жаркий летний полдень. Кажется, что она сочится из каждой травинки на лугу, из каждой нависающей надо мной ветки, из каждого клочка неба.

Я лежу не шевелясь уже больше часа. По всему телу разливается какая-то раскаленная летним солнцем сонливость. Мысли, как расплавленный мед, медленно перетекают в моей голове, не задерживаясь ни на чем. Вот уже несколько минут я наблюдаю за тем, как оса ползает по цветку одуванчика. Помню, что так же любил наблюдать за осаами в детстве. Странно, но с тех пор ни оса ни цветок ничуть не изменились. И совсем не важно, что это уже совсем другая оса и другой одуванчик.

«Фтю-ю-ю!»

Тишину нарушает пронзительный то ли свист, то ли крик. За ним слышится череда звонких ударов: кажется, что кто-то уронил гряду тарелок на железный пол. А следом — шум

птичьих крыльев. Это вспорхнула стая скворцов, распуганная шумом.

Я недовольно морщусь и поворачиваюсь на бок. За две недели, что я провел здесь, эти звуки мне порядочно поднадоели. Шумит наша соседка, Дарья Михайловна Бачева, которую в деревне зовут просто Мишина.

Мишиной, наверное, лет восемьдесят. А может, и больше, я точно не знаю. В прошлом эта женщина была героем труда, передовой колхозницей, которую ставили в пример и взрослым, и детям. Работала она со школы, чуть ли не с первых классов, помогая отцу пасти деревенское стадо. Потом, став постарше, стала полоть с матерью свеклу на колхозных полях. К школьному выпускному вечеру у Бачевой были руки, начисто отравленные работой: они, эти руки, уже не представляли себя без какого-то дела, в праздности. Так начиналась ее рабочая биография. Когда Мишиной присваивали звание героя труда, председатель лично поздравлял ее и благодарил за работу. Даже в районный центр вызывали — и там поздравляли. До сих пор, где-то в недрах ее старого, засиженного молью шкафа хранится пожелтевшая газетка с фотографией молодой Дарьи Михайловны на первой странице и подписью: «Работники, которыми гордится наша Родина». Она действительно была героем труда. Еще бабка мне рассказывала, как они вместе ездили от колхоза на добычу торфа, и как Мишина загружала машины наравне с мужиками: стоя по колено в болотной жиже, она лихо орудовала совковой лапатой, изредка останавливаясь лишь для того, чтобы отогнать комаров. Своей семьи у Мишиной не было. Не сложилось. Был, правда, Васька Комов, которого она, как говорили, ждала из армии. Но не дождалась. Васька в деревню так и не вернулся: обосновался по месту службы, устроился на работу, женился, детей завел. Может быть, эта обида на Ваську и превратилась у Мишиной в какое-то органическое недоверие ко всем мужчинам. А может быть, все эти истории — сплетни, и ей просто не повезло в жизни.

Как бы там ни было, все это было в далеком прошлом. Теперь Мишина старая ослепшая старуха без семьи, без денег и без здоровья.

«Фтю-ю-ю!» — снова раздается ее клич.

И опять клацанье железа, и шум грачиной стаи. Я закрываю глаза и представляю, как она сидит на стуле, под вишнями и стучит ложкой по пустой кастрюле. Грачи улетают, но через несколько минут возвращаются назад. Мишина к тому моменту задремывает, и кастрюля едва не выпадает у нее из рук. Но вот она просыпается, слышит шум птиц над головой, и вновь тишину пронизывает ее голос:

«Фтю-ю-ю!»

И так каждый день, целую неделю, все лето, пока вишни совсем не сойдут. С тех пор, как шесть лет назад она окончательно ослепла, это стало ее единственным занятием — разгонять налетавших на вишни грачей. Утром Мишину выводит в сад дочь ее двоюродной сестры, Клавдия Ивановна Олимова. Ей самой уже за шестьдесят, но она до сих пор работает дояркой в колхозе. Муж ее давно умер, дети из деревни уехали — по сути она была такой же одинокой старухой, как и Мишина. Рано, на рассвете, идя на утреннюю дойку, Клавдия Ивановна заходит к Мишиной, умывает ее, кормит и выводит в сад. Там, на стуле, который всегда стоит на одном и том же месте, она оставляет старуху с алюминиевой ложкой и пустой кастрюлей в руках. Затем Клавдия Ивановна приходит в обед, чтобы покормить Мишину. Вечером, возвращаясь домой после вечерней дойки, она заводит Мишину назад в дом. Кормит ее, переодевает и укладывает спать. Во всей деревне это единственный человек, которому есть дело до слепой, отживающей свой век старухи. Быть может, это чувство долга. Или неизрасходованная за жизнь потребность приглядывать за кем-то. А может, просто доброты.

«Фтю-ю-ю!»

Стая грачей снова громко хлопает крыльями, покидая ветки вишен.

Я смотрю на одуванчик и замечаю, что оса уже улетела. Интересно, осталось ли после нее хоть немного нектара в цветке? Или она забрала все до капли? А быть может, оса лишь пригубила нектара и тут же отправилась дальше? Не потому, что этот цветок плох. И не потому, что следующий будет слаще. А просто потому, что так и должно быть. Вкусить аромат одного цветка, и, не стремясь заполучить его весь, без остатка, лететь дальше, к другим цветам, оставив этот в прошлом. Лететь в незнакомые луга, к незнакомым цветам, чтобы рано или поздно на одном из них встретить осень. Без грусти и сожалений. Не так ли стоит поступать и нам с каждым прожитым днем?

«Фтю-ю-ю!»

Звон кастрюли уже в который раз сотрясает сад. Я ложусь навзничь и снова думаю о Мишиной.

Я помню ее сухой подвижной старухой, которая днями напролет полола огород и громко ругалась с соседями, когда их куры заходили в ее сад. Ни разу мне не довелось увидеть ее, сидящей на лавке перед домом. Все время она что-то делала: косила, полола, поливала, готовила, стирала. Снова и снова. Казалось, в ее теле была спрятана пружина, которая постоянно требовала чего-то, к чему она могла бы приложить таящуюся в ней силу. Ей было под семьдесят, когда она, наконец-то, решила, что больше не в силах держать корову. А свиней вывела лишь, когда один глаз у нее уже совсем перестал видеть, и потихоньку начал слепнуть второй. От кур ей помогла избавиться Клавдия Ивановна, когда Мишина была уже абсолютно слепа. Двор ее опустел, умолк, обезголосел. Не могу сказать наверняка, но думаю, что эта тишина пугала слепую

старуху. Эта была не та тишина, которой наслаждался я, лежа на кровати под яблоней, глядя на игру света в зеленой листве. Тишина ее опустевшего двора была тишиной ее жизни, тоже опустевшей, потерявшей всякий смысл. И не смотря на годы, на слепоту и полную беспомощность в этом дряхлом тщедушном тельце все еще сжималась и разжималась та самая, требующая деятельности пружина. Поэтому она так ждала лета и чувствовала себя такой потерянной, когда оно заканчивалось. На короткое время лето придавало смысл ее существованию. В эти месяцы Мишина снова могла работать, быть полезной, хотя бы и в таком пустяковом деле, как отпугивание грачиных стай от вишен.

Сад у Мишиной был небольшой — каких-то восемь-десять деревьев. В детстве я часто лазал в него за вишнями и просто так, поозорничать. Уже в то время он потихоньку дичал: деревья росли как попало, мешая друг другу, отчего все ветки с ягодами оказывались наверху. Сами вишни были мелкими и кислыми. Молодняк, растущий тут и там, Мишина изредка подрубала. Но с тех пор, как она ослепла, сад стал зарастать, все больше превращаясь в дикие заросли.

«Фтю-ю-ю!»

И грачи взмыли вверх.

Однажды я слышал, как Клавдия Ивановна обманывала Мишину, говоря ей, что продала ведро вишен приезжим дачникам. Мишина улыбалась, обнажая беззубые десны и начинала учить Клавдию Ивановну, как правильно торговаться и ни в коем случае не уступать в цене.

— Вышни-то — мед, — доказывала она своим писклявым голосом. — Предложи Беженцевым — у них сроду вышни не росли.

Это ее «вышни» напомнили мне моих покойных бабушек, тоже коверковавших это слово. Вспомнилось многое, о чем я

не хотел бы вспоминать. Память стала безжалостно ворошить прошлое. Нахлынула грусть и тоска по ушедшему детству. Видимо, мне не дано беззаботно перелетать с цветка на цветок, как той осе, что сидела на одуванчике. Я всегда буду помнить каждый оставленный позади. И по каждому тосковать.

В тот день, будучи во власти нахлынувших воспоминаний, я решил сделать слепой старухе приятное: купить у нее вишен. Взяв ведро я пошел в сад к Мишиной. Старуха сидела на невысоком стуле, облокотившись о вишню. В руках у нее были неизменные ложка и кастрюля. Услышав мои шаги, она повернула голову в мою сторону.

— Здравствуйте, — громко сказал я.

Мишина молчала. Мой голос был ей не знаком.

— Я слышал, что вы вишни продаете. Вот, хотел купить ведерко.

Лицо ее некоторое время хранило настороженное выражение. А затем, когда смысл, сказанного мной, дошел до нее, Мишина улыбнулась. Странно выглядела эта улыбка — все лицо ее превратилось в сморщенный комок морщин. На меня смотрела воплощенная старость.

— Бери сынок, — запричитала она. — Вышни — мед. Собирай.

Я стал собирать вишни. В уме пронеслось: как же она узнает сколько именно я собрал? Ведь старуха слепа. А вдруг я набрал два ведра? Что это: доверчивость, глупость или старческое слабоумие?

Мишина молчала. Казалось, что она задремала. Мне хотелось поговорить с ней, что-то сказать, о чем-то расспросить. Но я не знал, как и что сказать, и молча собирал ягоды. Время от времени я поглядывал на сморщенный сухой силуэт на

стуле. Старуха мне казалась такой жалкой, такой беспомощной, что даже захотелось просто отдать деньги и уйти, лишь бы ее не видеть. В чем был смысл ее существования? Что дала миру эта жизнь? Тысячи прополотых грядок? Несколько тонн скошенного сена? Два десятка загруженных торфом машин? Все это казалось мне глупым, бессмысленным, напрасным. С чем она пришла к старости? Когда этой старухи не станет, что напомнит о ее существовании? Пожелтевшие похвальные грамоты? Или та статейка в газете? Всю свою жизнь она посвятила труду, работе. Но разве достаточно одного труда, чтобы заполнить чашу жизни полностью? Мне хотелось спросить, не горько ли ей теперь оттого, что так сложилась ее судьба?

Я положил в рот несколько ягод. Вишни были кислыми. Морщась, я проглотил их и продолжил собирать. В саду было тихо и прохладно. Набрав половину ведра, я присел передохнуть. Мишина молчала и не шевелилась. Лишь пальцы ее время от времени начинали перебирать складки на старом платье. Я посмотрел под ноги, и мой взгляд отыскал среди травы маленького муравья, тащившего крохотную соломинку. Разве он думал о том, что такое его жизнь? Разве его ждала слава и вечная память после смерти? Он — всего лишь песчинка в мировой круговерти, о существовании которой никто никогда не узнает. Но я вижу, как упрямо он тащит соломинку, которая в два раза больше него, и во мне невольно пробуждается гордость к этому маленькому трудяге. Пусть он всего лишь капля в океане жизни, неотличимая от миллионов других, похожих на него. Пусть его короткая жизнь останется не замеченной и быстро забудется. Он упрямо тащит соломинку к муравейнику, потому что это его дело, которое, не

будь его на этом свете, так и осталось бы не сделанным, потому что он живой...

Мысль оборвалась также внезапно, как и появилась. Посидев немного, я пошел к старухе, решив, что мне хватит и половины ведра.

— Набрал уже? — спросила она, услышав мои шаги.

— Да, — ответил я.

— Ведро?

— Да.

Мишина назвала цену. Я отдал, не торгуясь. Никакой особой радости не отразилось на лице старухи, когда она брала деньги. Да и я не чувствовал, что сделал что-то хорошее. Напротив, чувствовал себя лжецом. Те полведра, что я набрал, пришлось выбросить: вишни были кислыми и для еды не годились. А варить из них варенье было некому.

«Фтю-ю-ю!»

Удары ложки о тарелку снова возвращают меня в настоящее. Я встаю с кровати в некотором раздражении. Отдых испорчен ни к месту появившимися воспоминаниями и мыслями. Отлежанная нога плохо слушается, и я хромя идущий к дому. После завтра мой отпуск заканчивается, и я чувствую, как сильно соскучился по городу.



Номинация «Проза» — полуфинал

Вадим Борисов — г. Красногорск

Тамара Черемнова — г. Новокузнецк

Татьяна Красикова — г. Минск

Виолетта Минина — г. Санкт-Петербург

Алексей Ряскин — г. Воронеж

Георгий Каюров — г. Кишинев

Татьяна Окоменюк — г. Франкфурт на Майне

Борис Косенков — г. Калининград

Роман Михеенков — г. Москва

Наташа Северная — г. Днепропетровск

Елена Литинская — г. Нью-Йорк

Рафаел Агаджанян — Молдова

Наталья Николаева — г. Рязань

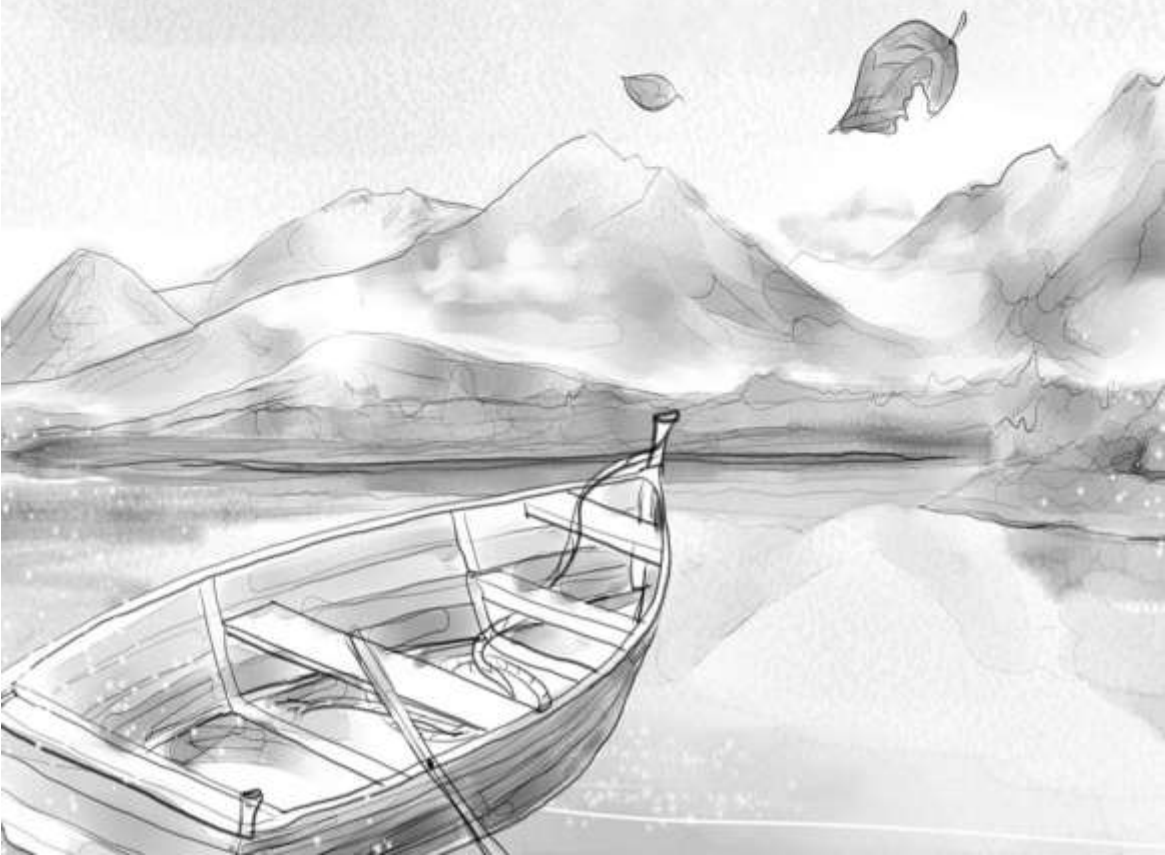


НОМИНАЦИЯ «ЛИДЕР ПАРТНЕРСТВА»



Отраслевой портал, посвященный книжному бизнесу и российскому книжному рынку, который предоставляет участникам рынка всю необходимую информацию и обеспечивает их эффективное взаимодействие. Сайт предоставляет широкий выбор инструментов, включая информационные и рекламные возможности, новостные и коммуникационные сервисы.

Публицистика





Валерий ГАНСКИЙ

Лауреат 1-ой степени литературного конкурса «Русский Stil-2011». Член Союза журналистов России. Корреспондент ряда саратовских областных газет.

ЛЕРМОНТОВ ПОД ФРАНЦУЗСКИМ СОУСОМ

«Соус «Винегрет» (Vinegret) приготавливается путем смешения растительного масла, уксуса, соли и перца» (*Из французской кухни*).

Из пламени света

Передо мной красочно оформленный 400-страничный фолиант избранной поэзии М. Ю. Лермонтова в суперобложке «Из пламя и света рожденное слово...», автора проекта Е. Ю. Гениевой. Центр книги ВГБИЛ им. М. И. Рудомино. 2010 год. Ответственный редактор Ю. Г. Фридштейн. Составитель Г. Г. Деренковская. Тираж 1000 экземпляров. Стоимость 250 рублей.

Не знаю, чем привлекли редакторов именно эти строки поэта для названия, только известно, что когда Лермонтов принес эти стихи редактору «Отечественных записок» А. А. Краевскому, тот, прочтя их, сказал: «Дивная вещь, но тут есть в одном стихе маленький грамматический промах, неправильность... по настоящему, по грамматике надо сказать из пламени и света... Лермонтов пробовал исправить, но потом бросил с досадой: «Нет, ничего нейдет в голову. Печатайте так, как есть. Сойдет с рук» (из воспоминаний Панаева, издателя «Современника»).

А можно было так: «Из пламени света...». Хотя некоторые исследователи считают, что Лермонтов использовал древнерусское слово «пламя».

Это литературно-художественное издание на русском языке с параллельным переводом на французский язык. Это очень важно для дальнейшего анализа текстов. Хотя представленные в приложении переводы М. Цветаевой печатаются без параллельного русского текста. Вступительная статья Е. Г. Эткинда «Поэзия М. Ю. Лермонтова во французских переводах» повествует об истории лермонтовских переводов и их авторах. Доктор филологических наук, профессор Ленинградского Педагогического института, Эткинд в 70-х годах прошлого века эмигрировал во Францию, был профессором Парижского университета, Кавалером Золотой пальмовой ветви Франции за заслуги в области французского просвещения. Из выходных данных вы не узнаете о кончине автора вступительной статьи. Его имя не в траурной рамке, как принято в академических изданиях. А умер он в 1999 году и похоронен в селении Ивиньяк (Бретань, Франция). Основу издания составили переводы современных французских поэтов-переводчиков, участников парижского семинара Е. Г. Эткинда, следовавшие принципу «воспроизведения местного колорита — исторического и национального, — присущего оригиналу». Рассмотрим, как воплотился этот принцип в переводе самого патриотического произведения Лермонтова «Бородино».

Каков же параллельный перевод «Бородино» в издании центра книги ВГБИЛ им. М. Н. Рудомино в исполнении Анри Грегуара? Бельгийский переводчик, не будучи поэтом, как пишет о нем во вступительной статье Е. Г. Эткинд, считал стилистическую точность намного важнее точности смысла или идеи. И это мы видим в «Бородино», размещенное в самом центре тома на 210-й странице. Прочитав знакомые с детства строчки:

«Скажи-ка, дядя, ведь недаром/ Москва, спаленная пожаром,/ француз у отдана?...» Читаю параллельный французский текст. Вместо Москвы «город в огне». А ведь Лермонтов так любил Москву, в которой родился! Слово «отдана» автор перевода определил французским словом «tendue», имеющим несколько значений: «отдавать», «возвращать», «сдавать» (крепость, город), в отличие от «abandonner» (оставлять), как в переводе другой лермонтовской строчки: «Не отдали б Москвы!». А вот окончание первого стиха: «Недаром помнит вся Россия про день Бородина!» переводится так: «...Россия еще помнит тех из Бородино?» Есть разница между лермонтовским восклицанием и вопросом Грегуара, не вдаваясь в тонкости и сложности стихотворного перевода и французской грамматики. Где верность следования принципам «исторического и национального, присутствующего оригиналу»? Может быть, такой перевод, как лермонтовское: «Чужие изорвать мундиры о русские штыки» в грегуаровское: «нашими штыками разорвать мундиры французов...». Патриотичные «русские штыки», перекликаясь с пушкинской «Полтавой», заменяются на местоимение «наши», а прилагательное, обозначающее чужеродность «чужие» на простое существительное «французов». Возможно, во Франции эти переводы воспринимаются нормально, но зачем они российскому читателю, которого с детства учили идейному смыслу и лермонтовскому духу? Неужели авторы проекта нашли во Франции только одного переводчика «Бородина»?

Вернемся к изданию на русском языке. (Так напечатано в выходных данных) избранной поэзии М. Ю. Лермонтова в переводе на французский язык. В хронологической последовательности, предложенной составителем, стихотворение «Бородино» стоит первым, отмеченное 1837 годом, хотя оно опубликовано в пушкинском «Современнике» в мае 1837-го к 25-летней годовщине этой битвы. (Цензурное разрешение дано 2 мая 1837 года).

*Ты пушкинскую смерть воспел, Мишель,
Себя подставив пулям как мишень*

А первым лермонтовским шедевром 1837 года стало стихотворение «Смерть поэта», посвященное гибели А. С. Пушкина, распространенное среди читателей в списках. 56 строк этого огнедышащего стихотворения были написаны Лермонтовым 28 января, а 7 февраля он добавил еще 16 строк. Списки ходили в нескольких вариантах и с разными названиями: «На смерть поэта», «На смерть Пушкина», с эпитафией и без, с добавлением 16 строк и без. Эпитафия: «Отмщенья, государь, отмщенья!» взят из трагедии французского писателя Жана де Ротру (1609—1650) «Венцеслав» в переводе А. А. Жандра, русского драматурга-переводчика приятеля А. Грибоедова. Впервые стихотворение под названием «На смерть Пушкина» было опубликовано после смерти Лермонтова в 1856 году в Лондоне в альманахе, издаваемом А. Герценым «Полярная звезда». В «деле о непозволительных стихах», написанных корнетом лейб-гвардии Гусарского полка Лермонтовым (Пушкинский дом, Лермонтовский музей) стихотворение носит название «На смерть поэта» и есть эпитафия. Существует черновик лермонтовского автографа, некоторые строчки которого расходятся с редакцией русского текста издания проекта Е. Ю. Гениевой. Например, в автографе: «похвал и слез», в тексте редакции — «пустых похвал», в автографе: «свободный чудный дар», в редакции — «свободный смелый дар», в автографе: «для потехи возбуждали», в редакции — «раздували» и т. д. Если бы составители привели ссылку на источник или издание, откуда взят лермонтовский текст, тогда не было бы разночтения. А то русский текст по одному изданию, французский — по другому. Кроме Лермонтова на трагическую смерть А. С. Пушкина откликнулся и другой поэт-саратовец Эдуард Губер, написавший «На смерть Пушкина»: «Я видел гроб его печальный...» Это стихотворение также

ходило по рукам. И в майском номере «Современника» 1837 года Лермонтов и Губер оказались рядом. Другой саратовец, детский друг Лермонтова и крестник его бабушки Святослав Афанасьевич Раевский оказался активным переписчиком и распространителем лермонтовской «Смерти поэта», за что и был сослан, как и Лермонтов. Только не на Кавказ, а на Север. Лермонтов писал Раевскому: «...Прощай, мой друг. Я буду тебе писать про страну чудес — восток. Меня утешают словами Наполеона: «Великие имена делаются на востоке»». Отец Святослава Афанасий Гаврилович переехал в Сердобский уезд Саратовской губернии в 1834 году. Был избран в Саратовское депутатское собрание и награжден орденом св. Владимира 4-й степени, дающим право его детям на пожизненное дворянство. А сам Святослав Раевский, отбыв ссылку, вышел в отставку и в 1844 году поселился в родном саратовском имении. Женившись в 1847 году на А. А. Сумороковой, он переехал в имение жены Надеждино, названное Раевкой или село Успенское с 117 ревизскими душами крестьян, 500 десятинами пашни, 50 десятинами сенокоса.

Судьба Пушкина повторилась в судьбе Лермонтова. Спустя три года там же на Черной речке состоялась дуэль Лермонтова с «заброшенным по воле рока» сыном французского посла в Петербурге Эрнестом де Барантом «Смеясь, он дерзко презирал/ Земли чужой язык и нравы...» Хотя сам посол барон де Барант был членом французской академии, писателем-историком. Известна его 13-томная «История герцогов бургундских из дома Валуа» — исследование истории Франции XIV—XV веков. В это время между Россией и Францией были натянутые отношения, и русский посол в Париже граф Пален находился в Петербурге. О дуэли Лермонтова и Баранта В. Жуковский писал в Париж: «Это совершенная противоположность истории Дантеса. Здесь действует патриотизм. Из Лермонтова

делают героя и радуются, что он проучил француза». Дуэль состоялась 18 февраля в воскресенье в 12 часов утра. Противники дрались на саблях. Лермонтов был легко ранен, и, когда у него сломался конец шпаги, дуэль продолжалась на пистолетах. Секундантом Лермонтова был его друг и родственник А. Столыпин (Монго), который впервые в 1843 году перевел «Героя нашего времени» на французский язык. Сидя на гауптвахте, и преданный «военному суду за произведенную им с французским подданным Барантом дуэль и необъявление о том в свое время начальству», Лермонтов читал французские романы и писал стихи «Журналист, Читатель и Писатель», — так называлось это произведение. В переводе Андре Марковича слово «Русь» исчезает во французском тексте, а появляется «родной край». Почему-то во французской избранной поэзии Лермонтова в авторском проекте Гениевой исчезает все русское «Русь, русские...», не потому ли, что во французском языке русский (lu Russe), русские (les Russes) пишется с большой буквы. А в том же «Бородино» «русский бой» (a'la russe) в переводе Анри Грегуара — с маленькой. (Подстрочные переводы с французского на русский язык сделаны учителем французского языка саратовской средней школы № 1 Калинкиной Тамарой Николаевной). По делу Лермонтова рукой самодержца написано: «Поручика Лермонтова перевести в Тенгенский пехотный полк тем же чином... Быть посему. Николай. С. Петербург. 13 апреля 1840 года». И вновь Кавказ, и «мрачные гор зубчатые хребты...» Встреча с поэтессой Адель Оммер де Гелль — супругой французского консула в Одессе. Она много путешествовала по России, знала русскую историю и литературу. Пушкина называла «ревнивым русским мавром, а Лермонтова «Прометеем, прикованным к скалам Кавказа». Она писала о нем подруге: «Это новое светило, которое возвысится и далеко пойдет на поэтическом горизонте России». Адель посвятила Лермонтову

стихотворение «Соловей» (Бюльбюдь) на французском и Лермонтов ответил тем же: «Я слышу рядом голос милый,/ Прикосновенье милых ног». (Месхиор. 28 октября 1840 года). В начале 1841 года в Петербурге прокатилась волна разговоров о переносе праха Наполеона с острова Св. Елены в Париж. Лермонтов откликнулся стихотворением «Последнее новоселье», где он, негодуя, назвал французский народ «жалким и пустым», вновь перекликаясь с пушкинской статьей «Последний из свойственников Иоанны д'Арк»: «Жалкий век, жалкий народ!» Редактор «Отечественных записок» Краевский, первый издатель произведений Лермонтова писал: «Мы должны жить своею самостоятельной жизнью и внести свое самобытное в общечеловеческое. Зачем нам все тянуться за Европою и за французами». (Как злободневно!) Лермонтов проявлял большой интерес к великому полководцу Наполеону, даже собирался написать о нем поэму. Как же перевели лермонтовское негодование в этом стихотворении в центре книги ВГБИЛ им. М. И. Рудомино, (когда-то В. Г. Белинский возмущался: «Какую дрянь написал Лермонтов о Наполеоне и французах»). Переводчик с русской фамилией Игорь Астров. Во вступительной статье о нем ни слова. Ироничное название, данное Лермонтовым, «Последнее новоселье» переводится как «Возвращение императора». А восклицание русского поэта «Ты жалкий и пустой народ!» смягчается так: «Я тебя считаю непостоянным и напрасным». А тезис Лермонтова об одиночестве вождя: «Один, — он был везде...» интерпретируется Астровым как «принесении милости пощады деспоту в Москве...» Вот так: «Не в снегах пылающей Москвы» он был холодный, неизменный, а пощадил деспота в Москве. (Александра I, что ли? Или москвичей?)

В Саратовском государственном художественном музее имени А. Н. Радищева хранится альбом семьи Боголюбовых, завешенный еще отцом основателя музея Петром Гавриловичем,

участником войны 1812 года, полковником, награжденным медалью. В этом альбоме есть такая запись: «Любовь к Отечеству, есть чувство благороднейшее и великодушнейшее. Оно заставляет нас любить свое Отечество больше, чем себя самих...» Хочется напомнить авторам, редакторам и составителям издания избранной поэзии Лермонтова «в переводах на французский язык с параллельными оригинальными текстами» эти слова, передававшиеся из поколения в поколение в русских интеллигентных семьях. Особенно теперь, в преддверии 170-летия гибели русского поэта Лермонтова.

P.S. «Опись имения, оставшегося после убитого на дуэли, поручика Лермонтова. Учинена июля 17 дня 1841 года: № 27.

Ложка соусная серебряная».

«За Пушкина, Отечество и Веру убийц поэзии — к барьеру!»





Андрей ПЕСТЕРЕВ

Лауреат 2-ой степени литературного конкурса «Русский Stil-2011». Ученик 10 класса гимназии № 1 города Североморска. Победитель конкурса журнала «Север» «Северная звезда» (г. Петрозаводск) в номинации «Публицистика».

ОБАЯНИЕ УЛИКИ,
ИЛИ ИСТОРИЯ ОДНОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЯ»

По рассказу А. П. Чехова «Шведская спичка»

Дорогие мои читатели! Давайте хотя бы на минуту представим, что мы с вами — великие сыщики. Хотя, нет, еще пока не великие, наверное, все-таки, начинающие. А не провести ли нам небольшое расследование вместе с героями рассказа Антона Павловича Чехова «Шведская спичка»? Попробовать свои силы, так сказать? Итак, приступаем к разгадке одного загадочного преступления.

«Утром 6 октября 1885 г. в канцелярию станового пристава 2-го участка С-го уезда явился прилично одетый молодой человек и заявил, что его хозяин, отставной гвардии корнет Марк Иванович Кляузов, убит. Заявляя об этом, молодой человек был бледен и крайне взволнован. Руки его дрожали и глаза были полны ужаса...». Сообщает о преступлении управляющий Кляузова Псеков, агроном и механик, как он сам себя называет.

Что же из себя представляла личность убитого? Автор так описывает покойного помещика: «...умный малый, образованный, добрый такой... В компании, можно сказать, первый

человек. Дворянин, богатый человек... любимец богов, как выразился Пушкин...», «но распутник, царствие ему небесное!.. Пьянствовал, распутничал и... вот-с!.. убили».

По закону детективного жанра должно быть осмотрено место преступления. В Кляузовку выезжают следователь Николай Ермолаевич Чубиков и «его неперменный спутник, помощник и письмоводитель Дюковский». На месте установлено: «Дверь в спальню Кляузова найдена была запертой... Изнутри торчал ключ. Окно глядело мрачно, зловеще... Подушка в ситцевой наволочке, тоже сильно помятая, валялась на полу... под столиком валялся один сапог, покрытый пылью... Следы на подоконнике... Ни кровяных, ни каких-либо других пятен... На подушке следы зубов... Одеяло облито жидкостью, имеющею запах пива и вкус его же... Общий вид постели дает право думать, что на ней происходила борьба».

Вдруг Дюковский замечает на полу обгоревшую шведскую спичку: «...Насколько я помню, Марк Иваныч не курил; в общежитии же он употреблял серные спички, отнюдь же не шведские. Эта спичка может служить уликой...». Но следователь только отмахивается от помощника. Сыщики еще не догадываются, что именно эта улика вскоре сыграет решающую роль в раскрытии столь необычного дела.

А теперь необходимо поближе познакомиться с представителями следствия. Здесь автор также не отступает от принципов классического детектива, которые в свое время сформулировал основатель этого жанра Эдгар По. Обычно следствие ведет опытный сыщик, обладающий блестящим аналитическим умом, способный справиться с любым преступником и разгадать самую запутанную и зловещую тайну. Как правило, компаньон сыщика — человек, постоянно находящийся рядом с сыщиком, участвующий в расследовании, но не обладающий способностями и знаниями сыщика.

Итак, следователь Николай Ермолаевич Чубиков, «высокий, плотный старик лет шестидесяти, подвизается на своем поприще уже четверть столетия. Известен всему уезду как человек честный, умный, энергичный и любящий свое дело». Но вот «выслеживает и расследует», собирает улики его «непременный спутник, помощник и письмоводитель Дюковский, высокий молодой человек лет двадцати шести», бывший семинарист и поклонник писателя Габорио. Прыткого «мальчишку» Чубиков считает «горячей головой», но прислушивается к его рассуждениям.

Чубикову и Дюковскому необходимо выяснить, куда же исчез Кляузov? Где его труп? Кто его убил?

«По осмотре и снятии плана местности следствие отправилось к управляющему писать протокол и завтракать». За завтраком Дюковский еще раз обращает внимание на найденную шведскую спичку: «К моим услугам шведская спичка, употребления которой еще не знают здешние крестьяне. Употребляют эти спички только помещики, и то не все...» и выдвигает версию, что в убийстве Кляузова участвовали трое человек. Первыми под подозрение попадают управляющий Псеков, камердинер Николашка и... даже родная сестра убитого Марья Ивановна. «Голубчик, Николай Ермолаич! Родной мой! Отдайте мне это дело! Дайте мне лично довести его до конца! Милый мой! Я начал, я и до конца доведу!» — умоляет следователя Дюковский. Чубиков же рекомендует ему не лезть, куда не следует. Но про себя отмечает: «Умница, шельма! Бо-ольшая умница! Горяч только некстати. Нужно будет ему на ярмарке портсигар в презент купить...».

Неожиданно серьезно осложняет положение Псекова и Николашки появление пастуха Данилки, якобы видевшего двух человек, которые шли по плотине и несли что-то черное.

Подозреваемых в убийстве арестовывают и отправляют под конвоем в уездный город. Остается доказать только причастность Марьи Ивановны к преступлению, а основания у Дюковского имеются: «Она, староверка, убила его из фанатизма! Мало того, что она убила плевел, развратника, она освободила мир от антихриста — и в этом, мнит она, ее заслуга, ее религиозный подвиг! О, вы не знаете этих старых дев, староверок!». Однако сестра убитого отказывается что-либо сообщать следствию по поводу происшедшего.

...Проходит двенадцать дней. Расследование идет полным ходом. А трупа нет! Энергия Дюковского ищет выхода, он мечется в кабинете следователя, как волк в клетке. Чубиков обращает его внимание на то, что настоящих улик не имеется. И тут вновь письмоводитель указывает на шведскую спичку, как на главную улику: «Про шведскую спичку-с... Забыли? А я не забыл! Я узнаю, кто зажигал ее в комнате убитого! Зажигал не Николашка, не Псеков, у которых при обыске спичек не оказалось, а третий, то есть Марья Ивановна. И я докажу!.. Дайте только поехать по уезду, поразузнать...».

И ведь разузнал! Оказывается коробку со шведскими спичками купила молоденькая жена станового Евграфа Кузьмича, Ольга Петровна. Дюковский требует немедленно отправляться в путь. Следователь в ужасе, он не верит, что молодая женщина — убийца. Но Дюковский не сдаётся: «Николай Ермолаич! Ну, будьте так добры! Назовите меня подлецом, негодяем, если я заблуждаюсь относительно этой женщины! Дело ведь какое! Дело-то! Роман, а не дело! На всю Россию слава пойдет! Следователем по особо важным делам вас сделают! Поймите вы, неразумный старик!».

Уже к вечеру следователь с помощником подъехали к дому станового. Их встретила сама Ольга Петровна. Порочность и «аппетитность» жены станового подчеркивается ее описанием:

«...высокая полная женщина, лет двадцати трех, с черными, как смоль, бровями и жирными, красными губами».

Тайна преступления раскрыта! Оказывается, именно Ольга Петровна похитила Кляузова и спрятала в бане на полочке! «Дюковский взял в руки огарок и полез на верхнюю полку. Там он увидел длинное человеческое тело, лежавшее неподвижно на большой пуховой перине. Тело издавало легкий храп...». В «живом болване», «в багровом носе, взъерошенных, нечесанных волосах, в черных, как смоль, усах, из которых один был ухарски закручен и с нахальством глядел вверх на потолок, он узнал корнета Кляузова».

Развязка рассказа неожиданна и остра. Помещик жив, здоров и ему ничто не угрожает. Чубиков и Дюковский разочарованы: прогнать на всю Россию не удалось. Читатель же не в обиде на автора за то, что он на протяжении всего рассказа слегка его дурачил. Нехитрый сюжет придуман изобретательно, смешно и, что немаловажно, в духе настоящего детектива.

А что же шведская спичка? Эта обаятельная улика помогла раскрыть преступление, которого не было.





Владимир КРАСНОВ

Лауреат 3-ей степени литературного конкурса «Русский Stil-2011». Член Союза журналистов и Союза писателей России, главный редактор газеты «Красная искра» (г. Боровичи).

ДАЛЕЧЕ ОТ РИМА

ДОМ Епанчиных зябко краснеет на берегу старой кирпичной кладкой. А перед домом, на манер цыганских времянок, вразнобой громоздятся деревянные сараи, покрытые выцветшим рубероидом и заплатами из ржавого листового железа, которые придают им вид давно махнувших на себя уличных бродяг. Наверное, этим потрепанным временем халупам самонадеянно кажется, что они всегда «красовались» тут, заслоняя собой вид на синеющую под мостом Мсту с облаками цветущей сирени на том берегу.

Берег тот кажется отсюда недосягаемым, и если бы не мост, стальным коромыслом переброшенный с берега на берег, можно было подумать, что там течет какая-то иная, уже отшумевшая однажды жизнь, о которой на этой стороне не ведают никто.

Наверное, так же люди вглядываются в вековую даль, пытаются разглядеть в той зыбкой, неясственной дали очертания собственных судеб, перемолотых бездушной машиной истории. Но ничего, кроме отцветающей сирени, запах которой туманит голову, смутно напоминая детство, узреть никому не дано.

«Все проходит, все уходит, все пропадает, тает, тает, тает...» — чугунной скороговоркой частят колеса, и поезд, уходящий в прошлое, перебивая себя на стыках, мчит в ночи,

мелькая освещенными окнами и оставляя позади спящие леса, безмолвные станции и полустанки, бесконечную тьму прожитых дней и ночей. И в этой слепой, безликой мгле тускло, как зарево гаснущего заката, как свет забытых керосиново-капельных фонарей, вспыхнут и засияют в памяти живые картины из того непостижимо далекого детства, которое навсегда осталось за пылающей гранью войн и революций.

ТОГДА никто не величал барона Эдуарда фон Фальц-Фейна его звонким титулом (да он и не был тогда бароном), а звали его по-домашнему Олегом. Имя это нравилось его матери Вере Николаевне, урожденной Епанчиной. Им и нарекли его при крещении в православную веру, оставив в метриках прежнее имя Эдуард.

Однажды, когда ему было около года, она усадила их с сестрой Таисией в плетеное кресло, и они, тесно прижавшись друг к другу, улыбались, щурясь от яркого крымского солнца, не подозревая, что этот миг застынет на любительском снимке навсегда. Снимок этот с размашистой надписью от руки «Май 1913» хранится теперь в семейном альбоме Эдуарда Александровича на его благополучной вилле «Аскания-Нова» в столице княжества Лихтенштейн городе Вадуце вместе с другим снимком, где он, уже четырехлетний, гордо восседает на спине покладистой ручной антилопы.

Родился барон в херсонской деревне Гавриловка, по соседству с всемирно известным теперь заповедником Аскания-Нова, созданным его знаменитым дядей Фридрихом Эдуардовичем Фальц-Фейном. Пять детских лет провел он в ковыльных степях среди сказочных животных и птиц, собранных здесь со всего света. Едва выучившись ходить, он уже катался с отцом или дядей на зебрах и антилопах, не видя в том ничего особенного.

Накануне первой мировой войны, в апреле четырнадцатого года, заповедник посетил государь-император. К его приезду

Фридрих Эдуардович распорядился составить точный систематический каталог всех млекопитающих и птиц, которые постоянно обитали здесь или, как перелетные птицы, бывали тут в качестве гостей. В этом списке значится более четырехсот представителей фауны: от верблюда и большого рыжего кенгуру до полевого воробья и пефили острохвостой. Благородный олень, псевдакис кинжалоподобный, косуля, беломордый бубал, черная антилопа, джейран, сайгак татарский, аравийская скальная газель, азиатский буйвол, американский бизон, трансваальская зебра, лошадь Пржевальского, патагонский заяц, степной сурок, австралийский страус... Простое перечисление этих удивительных животных звучит как стихотворение в прозе. А какие там были птицы! Серебристо-розовая чайка, крачка черная, клуша, гарельда ледяная, хохлатая чернеть, шилохвость, мускусная утка, канадский гусь, морской зук, поручейник, большой кроншнеп, орел-могильник, ястреб-перепелятник, болотный лунь, пустельга, черный стриж, козодой...

Пораженный этим необыкновенным для безводной степи разнообразием, царь, прибывший со свитой на трех сверкающих никелем автомобилях, писал потом матери, императрице Марии Федоровне: «Удивительное впечатление, точно картина из Библии, как будто звери вышли из Ноева ковчега! Оттуда мы отправились в его прелестный парк, который Фальц-Фейн посадил в 1888 году, когда он нашел у себя воду. Здесь растут все наши северные кусты и деревья, что тоже странно в степи. Потом на моторе я объехал его огромное стадо овец, коров с зубрами и бизонами, у которых идет отличная порода, лошадей, зебров и верблюдов. Эти стада и табуны пасут полгода в степи, далеко от его дома, и он нарочно для меня приказал подогнать их поближе».

Маленькому Олегу-Эдуарду было тогда всего два года, но он запомнил и несколько нервную атмосферу напряженного ожидания и ту праздничную, высокотожественную суету, которая сопровождала приезд государя. Гораздо позже он узнал,

что после этого визита семье Фальц-Фейнов за заслуги перед Отечеством было пожаловано потомственное дворянство. Это был семейный триумф, счастливый итог многолетних неустанных трудов. И ничто не предвещало впереди той погибельной череды событий, которые последовали за разразившейся вскоре войной и революцией.

ВСЕ это большое, хорошо налаженное хозяйство, включающее в себя, помимо всего прочего, стада особой, выведенной Фридрихом Фальц-Фейном породы овец, табуны лошадей, пахотные земли, засеянные пшеницей, рожью, ячменем, овсом, льном и просом, — все это в восемнадцатом году было разграблено, растащено и разорено сперва революционным отрядом «конных матросов», отличившихся лихой рубкой гусиных голов и стрельбой из полевого орудия по табуну породистых лошадей, потом другими революционными отрядами, каждый из которых вносил свою лепту в разрушение заповедника. Когда на Украине вспыхнуло и разгорелось пламя гражданской войны, Аскания-Нова несколько раз переходила из рук в руки. Были здесь и немцы, и белые, и красные... В девятнадцатом отступавшие красноармейцы ни за что ни про что расстреляли восьмидесятилетнюю хозяйку имения Софью Богдановну Фальц-Фейн, бабушку Эдуарда Александровича...

ТАК Фальц-Фейны стали изгнанниками, «самогнанцами в даль, в чужбу»...

Путь скитаний, полный мытарств и лишений, начался для них с болгарского судна «Рой Фердинанд», плававшего под французским флагом. Когда до Константинополя было рукой подать, перегруженный беженцами пароход наткнулся на мины и едва не затонул в виду Босфорского залива.

Константинополь, Рим, Берлин, Ницца... Менялись страны, менялись города, не менялось только чувство неизбывной тоски по утраченной Родине, которое в конце концов и свело до срока в могилу и Фридриха Эдуардовича (дядю Федю) и его

брата Александра, отца Эдуарда Александровича, и многих их родственников из Фальц-Фейнов и Епанчиных. Сам он ощутил всю тяжесть эмигрантской доли малолетним ребенком и, как бы благополучно ни складывалась потом его необыкновенная судьба, ни единого дня не чувствовал себя свободным от той неизбежной, знакомой любому изгнаннику печали, которая с годами становится еще болезненней и острее. Расхожий диагноз «ностальгия» ничего не объясняет и ничем не облегчает жизнь страдающих этим странным недугом людей. Он возник не вчера, и много раз Эдуард Александрович мог воскликнуть вслед за безвестным римским воином, описанным Плутархом: «Ночью, в пустынных полях, далече от Рима, я раскинул шатер, и мой шатер был мне Римом».

Таким римом стал для него столичный город княжества Лихтенштейн, пятитысячный Вадуц, где он отстроил из белого камня свою «Асканию-Нову», напоминающую прежние владения Фальц-Фейнов тем гостеприимством и хлебосольством, с которым хозяин принимает своих гостей. Особенно, если это гости из России. Кто только не перебивал за последние десятилетия на вилле русского барона, единственного русского, кстати сказать, во всем княжестве Лихтенштейн! Не раз останавливался здесь известный советский писатель Юлиан Семенов, из книг которого я и узнал о существовании барона, никак не предполагая тогда, что судьба готовит мне неожиданную встречу с ним — и где? — в провинциальных Боровичах! О том, сколь горек оказался для него визит на земли своих предков по материнской линии Епанчиных, не скрывая горечи и печали, он говорил по телефону:

— Я приехал из Боровичей больной, я был никуда не годный... Ведь я ехал на Родину с любовью и радостью, я думал увидеть дом моих предков в Самарино, я хотел увидеть там хоть что-то, хотя бы камень... Но ничего, ничего нет... Только дом родственников моего деда в Боровичах...

И вспомнился мне тот давний апрельский день...

ГОСТЬ появился внезапно. Коротко звякнул в передней звонок, хлопнули одна за другой двери, прошуршали по мраморному полу шаги, и легкой стремительной походкой в сумрачный кабинет вошел высокий статный старик, сопровождаемый прибывшими с ним людьми. Пока все знакомились, так и не разобравшись толком кто есть кто, пока рассаживались по стульям, креслам и диванам, барон раскрыл серую папку и высоким взыскующим голосом спросил:

— Вы не хотите показать мне дом Епанчиных в Сан-Марино? Нет? Не в Сан-Марино, а в Самарино? Я неправильно говорю? Вы меня поправьте, я могу ошибаться. Я старый человек... А сейчас я подпишу вам книгу моего деда, генерала Епанчина, он был директором Пажеского корпуса в Санкт-Петербурге. Называется она «На службе трех императоров». Я издал ее, как он и просил, когда власть большевиков кончилась, и Россия снова стала Россией. И еще я передам вам книгу о Владимире Набокове (он мой кузен, здесь много о нашей семье), и книгу о заповеднике Аскания-Нова. Заповедник основал мой дядя, Фридрих Фальц-Фейн. Я успел там родиться, и меня там, совсем маленьким, крестили... Это было так давно! А теперь я хотел бы посмотреть все, что осталось от Епанчиных. Вы говорите, есть дом в Боровичах? Это далеко? Мы туда пойдем?

Дом на Троицкой, куда сто с лишним лет назад приезжал погостить молодой выпускник Павловского училища Николай Епанчин, был все еще добротен и неколебим. Но, основательно переделанный, разгороженный, как придорожный трактир, на комнаты и клетушки, он уже мало напоминал тот просторный барский особняк с балконами и парадными лестницами, которым был когда-то в незапамятные времена.

Скрипнув калиткой, мы вошли во двор, мощный камнем. Тесно заставленный сараями, он был узок и мал, как чулан. От поленниц, редутами выставленных по периметру двора, нано-

сило винным запахом колотой ольхи, ветер меланхолично шевелил белье, развешенное на веревках, у раскрытых ворот дощатого гаража хозяин и хозяйский сын возились с мопедом... Наверное меньше всего ожидали они встретить в этот полуденный час, в этом пропахшем щепой и опилками дворе барона из Лихтештейна, оказавшегося к тому же потомком прежних хозяев. Они оторвались от своего занятия, с недоумением наблюдая, как он, в своем сером, отменно сшитом костюме с белым шелковым галстуком под белым воротником, нервно ходит взад и вперед вдоль стен неузнаваемо перекроенного дома.

Он смотрел на окна, местами сохранившие оттенки прежних архитектурных изысков, переводил взгляд на балконы, один из которых, с прекрасным видом на Мсту, еще был цел, а другой уже был разобран, напоминая о себе лишь торчащими из стены стальными балками да белым пятном некрашеной обшивки, он искал и не находил следы той промелькнувшей здесь жизни, о которой столько слышал, столько читал и встречу с которой так живо себе представлял... Все было не так. И даже для него, часто бывавшего в России человека, многое оставалось неясным, запутанным, непонятным.

И чем дальше мы ездили мимо развалин сенных сараев и ферм, мимо нищих, отживающих деревень, чем дальше бродили меж разбитых гранитных надгробий и плит, пытаясь разобрать выбитые на них эпитафии, фамилии и имена, тем меньше оставалось у Эдуарда Александровича вопросов, тем резче залегали горькие складки в уголках скорбно сжатого рта, тем больше печали стлыло в его синих усталых глазах.

— «Карль Аполлонович Гриссеръ», — читал он на памятниках, — «Евгений Петровичъ Арцыбашевъ...» Это все известные фамилии. Эти люди учились в Пажеском корпусе... Мне знакомы их имена. Почему разрыты их могилы? Здесь что, искали золото? Какая глупость!

Маленькое, заросшее сиренью и бузиной кладбище напоми-

нало поле недавно отгремевшего боя. Поверженные, с оббитой эмалью, кресты и памятники валялись где попало, истоптанные козьими копытами могилы едва угадывались на растерзанном лице матушки-земли. Ограды кладбище не имело, и по нему вдоль и поперек, как по заплеванному привокзальному скверу, змеились тропинки.

Кладбище испуганно жалось к стенам каменной церкви, известной тем, что в ней когда-то был крещен младенец, нареченный Николаем. Звучная фамилия того горластого младенца, рожденного в семье инженера-путейца, позднее стала известной всему миру. Именно здесь, в Шегринской волости Боровичского уезда, был крещен будущий знаменитый путешественник Николай Николаевич Миклухо-Маклай. Но церкви его звонкое имя не помогло. В числе прочих она была безжалостно разгромлена, растащена и разбита в годы воинствующего атеизма.

Грустно наблюдать картину повального разрушения. Вдвойне грустно видеть ее глазами неравнодушного к России человека. Рыская по самым известным аукционам мира, Эдуард Александрович Фальц-Фейн скупает некогда принадлежащие России картины и скульптуры известных мастеров, старинные книги, иконы, ордена... И безвозмездно возвращает их тем музеям и картинным галереям, откуда все это в разное время было изъято, вывезено, а то и просто украдено.

«НОЧЬЮ, в пустынных полях, далече от Рима, я раскину шатер, и этот шатер будет мне Римом...» — Вновь и вновь приходят на ум слова безвестного римлянина. Много разного народу перебывало в Литхтенштейнском «шатре» «Аскании-Нова». Этот увешанный старинными картинами и заставленный связками антикварных книг дом, расположенный в близком соседстве с замком князя — частица России, ее полномочное представительство.

В сорок пятом, когда Эдуард Фальц-Фейн прибыл сюда никому не известным молодым человеком, никакого «шатра», никакой крыши над головой у него здесь не было. За плечами был

институтский курс, карьера спортивного репортера, слава чемпиона Франции по велоспорту, к тому времени уже изрядно поблекшая. Из имущества у него был велосипед да баул с британскими принадлежностями, связкой книг и сменой белья.

С этим более чем скромным багажом, заручившись поддержкой князя, давно знавшего семью Епанчиных и Фальц-Фейнов, он и начал свое дело, которое очень скоро сделало его известным. Он развернул в тихом провинциальном Лихтенштейне индустрию туризма, до него пребывавшую в состоянии глухой медвежьей спячки. Замысел был более чем прост: включить княжество в туристскую обойму Западной Европы, сильно пострадавшей от бомбежек минувшей войны. Это ему удалось. Сувенирные магазины, открытые в столице княжества и за его пределами, где за умеренную плату можно купить безделушку на память, хорошо известны всем, кто хоть раз пересек границу Лихтенштейна со стороны Швейцарии или Австрии. Туристы приносят княжеству немалый доход.

НА ДНЯХ ему исполнилось девяносто восемь лет. Как и прежде, он в трудах и заботах, как и прежде, хлопочет то о возвращении на Родину того, что было когда-то вывезено оттуда или украдено, то об увековечении памяти генералиссимуса Суворова, с боями прошедшего со своей армией двести с лишним лет тому назад по дорогам и тропам Италии и Швейцарии...

Семейная жизнь у Эдуарда Александровича не задалась. Дочь Людмила, ни слова не говорящая по-русски, чудачеств отца не разделяет, живет своей жизнью, навещая его лишь от случая к случаю. И в большом своем доме, когда завывает за окнами налетающий с гор ветер, долгими зимними вечерами он остается один на один со своими мыслями и воспоминаниями, которые все чаще зовут и манят его на тот залитый солнцем берег, в ту далекую прекрасную страну, где дикие антилопы доверчиво подходят к людям и, склонив рогастые головы с большими печальными глазами, осторожно подбирают с детской



Марк ЛУЦКИЙ

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2011». Член Союзов писателей в России, Израиле, Северной Америке. Награжден Золотой есенинской медалью «За верность традициям русской культуры и литературы».

МОЙ БАЖОВ

Так уж получилось, что творчество Павла Петровича Бажова прошло через всю мою жизнь.

Начну с самого раннего детства.

Лет в пять-шесть я, как и многие дети моего поколения, коллекционировал фантики, обертки от конфет. Фантики были разными. Скромные прозрачные обертки из-под леденцовых и карамельных конфет. Более интересными были фантики, напечатанные на плотной бумаге. Например, обертки от таких конфет, как «Раковые шейки», «Коровка» и другие. Но самыми ценными были фантики от шоколадных конфет типа «Ну-ка, отними!», «Мишка на севере» и т. п.

Однако самыми ценными в своей коллекции я считал фантики, на которых были изображены картины из сказов П. П. Бажова. Все поле таких фантиков было покрыто красивым малахитовым узором, в центре размещалась многоцветная картинка.

С той поры прошло около 65 лет, а перед мои глазами отчетливо стоят фантики: «Ермаковы лебеди», «Серебряное копытце», «Каменный цветок». Были и другие фантики с бажовской тематикой, но сейчас я не могу их вспомнить. (В 2008 году в библиотеке им. Белинского в Екатеринбурге проходила выставка этикеток и фантиков XIX и XX веков. Как мне хотелось бы

на ней побывать, там наверняка были и дорогие моему сердцу экспонаты!).

А спустя 2-3 года у нас появилась почти настоящая малахитовая шкатулка. Это была шикарная коробка из-под шоколадных конфет, она долго хранилась в нашей семье.

Следующее воспоминание связано с концом 40-х годов. Я, ученик второго класса, болею ангиной. Высокая температура, болит горло. Мама побежала в аптеку за лекарствами.

Через некоторое время она вернулась с таблетками и микстурами. Но не только с ними. Она принесла совершенно роскошную книгу под названием «Малахитовая шкатулка».

Книга была большого формата с замечательными цветными иллюстрациями. Я стал ее жадно читать и — о чудо! — быстро пошел на поправку. На многие годы книга стала моим добрым другом. Я перечитывал бажовские сказы по нескольку раз и знал их почти наизусть. Сейчас я понимаю, что это было подарочное юбилейное издание 1949 года, приуроченное к 60-летию Сказочника. Увы, оно оказалось последним прижизненным юбилейным изданием.

Я был совершенно очарован сказами Павла Петровича. Пройдет около 50 лет, я познакомлюсь с его дочерью Ольгой Павловной Бажовой и подарю ей свое стихотворение «Волшебник», в котором попытался отразить свои детские впечатления:

Сказочник с седою бородою
Был героем тех далеких снов.
Как дружили в детстве мы с тобою,
Наш уральский Андерсен — Бажов!

Заставляя сердце шибче биться,
Я вдыхал особенный Урал.

Мне козел серебряным копытцем
Самоцветьем душу устилал.

Озарял своей живинкой дело
И дарил очередной рассказ.
Зеркало Таюткино глядело
Синими глазищами на нас.

По-над тихой речкой Северушкой
Вновь висит тумана молоко.
Легкой Огневушкой-Поскакушкой
Ускакало детство далеко.

Но хранится доброе наследство
В старой книжке, сердцу дорогой.
...Вдаль умчалось розовое детство,
Сказочник с седою бородой.

...10 декабря 1950 года мы пришли в школу, и нам сообщили, что Павла Петровича не стало. В школе состоялся траурный митинг, на котором выступали преподаватели и ученики.

Для Свердловска это было общее горе.

Гроб с телом Бажова был выставлен в зале Свердловской филармонии, и горожане получили возможность проститься с Певцом Урала. К Бажову, несмотря на сильный мороз, шли и рабочие уральских заводов, и домохозяйки, и опальный Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, в те годы командовавший тыловым Уральским военным округом...

И эта скорбь была поистине всенародной.

Следующая встреча с Бажовым состоялась осенью 1957 года. Я тогда поступил на химический факультет Уральского государственного университета им. А. М. Горького. По существовавшей тогда традиции студентов послали в колхоз на уборку картошки. Однако студентов мужского пола, проживавших в Свердловске, в том числе и меня, оставили в городе на строительстве студенческого общежития по улице Чапаева.

Прямо напротив стройки на углу улиц Чапаева и Большакова стоит одноэтажный домик, в котором несколько десятилетий прожил П. П. Бажов. И вот в течение месяца мы имели возможность видеть и дом, и его обитателей, семью писателя, и сад, и все надворные постройки. Там был и вместительный сеновал, и помещение для коровы, и другие необходимые службы.

Много позднее я узнал, что в годы войны эти постройки были задействованы и сыграли свою роль в развитии творчества многих писателей.

Дело в том, что тыловой Свердловск стал прибежищем для многих писателей. В столице Урала оказались Анна Караваева, Ольга Форш, Мариэтта Шагинян, Федор Гладков, Агния Барто и ряд других литераторов. Все они часто бывали в гостях у Павла Петровича.

А в годы войны Бажовы держали корову. Вот как об этом написал известный свердловский писатель Борис Степанович Рябинин, с которым автор этих строк жил по соседству и имел удовольствие быть знакомым: «На 65-летний юбилей 28 января 1944 г. Бажову подарили корову по кличке Зона, привезли из Нижнего Тагила. Потом, когда миновали трудности с питанием, Бажовы отдали Зону в молочное хозяйство совхоза “Исток”. Она хорошо послужила не только семейству Павла Петровича, его внукам, но и всему Союзу писателей. Молоко этой коровы пили все свердловские литераторы. Кто бы и зачем бы ни пришел к Бажовым, в течение всех трудных военных лет, каждого

непрерывно потчевали молоком: на круглом столе в “приемном” уголке кабинета появлялась кринка и кружки. “Испейте, молочко хорошее”, — приглашала Валентина Александровна, а на прощание она же обязательно вручит “на дорожку” литр молока. “Только потом бутылку, пожалуйста, верните. С бутылками трудно...” Литр молока в то время — особенно для тех, у кого были дети, — являлся настоящим сокровищем. И для каждого это молоко было также выражением той доброй приветливой атмосферы, которая всегда царила в бажовском доме».

В 1959 году в честь 70-летия П. П. Бажова на плотине городского пруда Свердловска установили бюст писателя работы московского скульптора М. Г. Манизера, и я дважды в день по дороге на химфак и обратно видел проникновенный взгляд писателя, обращенный на акваторию пруда.

В годы моего студенчества Уральский университет располагался в четырех помещениях и, пожалуй, самым примечательным из них было здание по улице 8 Марта, 62.

В 1830-х годах в нем было открыто духовное училище. В разные годы в нем учились писатель Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк (1866—1868), физик Александр Степанович Попов (1871—1873). В 1889—1893 гг. здесь учился, а позднее преподавал Павел Петрович Бажов (1899—1908).

В советское время трехэтажное здание достроили до шестиэтажного, и в нем располагались гуманитарные факультеты. Кроме того, в здании была кафедра физвоспитания со спортивным залом, кафедра военной подготовки. Поэтому студенты всех факультетов посещали это здание.

В 1958 году после знаменитого Майского пленума, провозгласившего химизацию страны, в здании была размещена лаборатория кафедры высокомолекулярных соединений, в которой мне довелось провести два года на четвертом и пятом курсах, а затем, после двухгодичного перерыва, три года в качестве аспиранта.

Конечно, дух П. П. Бажова незримо витал в этом здании. Ученые филологического факультета много занимались изучением литературного наследия своего знаменитого земляка. С одним из них, автором нескольких монографий о творчестве Бажова Михаилом Адриановичем Батыным, я был знаком, и ученый показывал мне письма писателя.

И, наконец, мои последние воспоминания на бажовскую тему. Первые два года учебы в аспирантуре я не уходил в отпуск, стремясь быстрее выполнить диссертационную работу.

И к окончанию второго года обучения понял, что устал неимоверно, и мне совершенно необходимо отдохнуть. Это с одной стороны. А с другой стороны, я хотел где-нибудь подработать, чтобы хоть немного улучшить свое незавидное материальное положение — родилась дочь, жена не работала, а аспирантская стипендия была так мала.

Трудно было совместить эти мои два желания — отдохнуть и заработать. Но мне это удалось.

Я увидел объявление, что Свердловской турбазе требуются туристы-инструкторы для работы с группами туристов-старшеклассников в походах «По местам сказов Бажова».

К тому времени я был уже довольно квалифицированным туристом — совершил несколько многодневных походов по Уралу, водных путешествий по рекам Чусовая и Ай, плавание по озеру Селигер и несколько других.

И некоторые бажовские места посещал неоднократно — Сысерть, Верхнюю Сысерть, Полевской, Северский, станции Мраморскую и Сухой Брод и их окрестности. В активе были и озеро Тальков Камень, и Гранатов шурф.

Лето 1966 года я провел в походах. Мы ходили с ребятами в многодневные походы и в перечисленные мной места, и на Марков Камень, и на Азов-гору, и на речку Северушку, и на истоки красавицы Чусовой.

Здесь были чтения сказов Бажова у костра, дежурства у Синошкина колодца и утренние встречи с Огневушкой-Поскакушкой. При этом наиболее впечатлительные туристы на полном серьезе убеждали своего инструктора, что видели этих персонажей, а также Голубую Змейку и Медной Горы Хозяйку живьем. И только Данилу-мастера не удалось почему-то увидеть никому...

Это были незабываемые походы.

И мне было приятно узнать, что сейчас создан Уральский заповедник «Бажовские места Урала», где можно совершить пешие, санные и конные походы по этим сказочным местам.

В 90-е годы я познакомился с дочерью Павла Петровича Ольгой Павловной, подарил ей свои книги и узнал от нее много интересного о жизни семьи Бажовых.

Мои книги, посвященные творчеству писателя, хранятся в Доме-музее Бажова в Екатеринбурге, в Музее писателей Урала, в Доме-музее в Сысерти.

Это моя скромная лепта в копилку памяти уральского Волшебника.





Светлана АСТРЕЦОВА

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2011». Член Международной гильдии писателей.

СТАЛИН

По одноименной книге Эдварда Радзинского

История — сокровищница наших деяний, свидетельница прошлого, пример и поучение для настоящего, предостережение для будущего.

Мигель де Сервантес

Долгие и великие страдания воспитывают в человеке тирана.

Фридрих Ницше

«Сталин» — 538 страниц, посвященных жизнеописанию одной из самых неоднозначных фигур 20 века. Со дня смерти Иосифа Виссарионовича Джугашвили прошло 57 лет. Более полувека тень «кремлевского горца» не перестает тревожить воображение исследователей, писателей, режиссеров.

Его имя звучит как благословение и как проклятие в одинаковой степени. Его ненавидят и боятся, им восхищаются, перед ним преклоняются. О нем говорят со сцены и телеэкрана. Над его биографией историк и драматург Эдвард Радзинский трудился 28 лет и посвятил рукопись своему отцу.

«Сталин» — главный труд его жизни, жемчужина портретной галереи «кровавых императоров»: Нерон — Иван Грозный — Наполеон... Снова и снова автор возвращается к отношениям

цезарей и плебса, правителей и рабов, хозяев и лукавых слуг. (Впервые образ «Хозяина» появился в пьесе «Лунин, или смерть Жака» 1979 года).

Впрочем, исторические «монологи» и «беседы» — лишь эскизы, легкие карандашные наброски, которые выводит художник, чтобы после собрать их в единое произведение. «Сталин» — срез эпохи, полотно, где композиция становится многофигурной, формы обретают завершенность, а контуры наполняются цветом.

Это мозаика человеческих судеб, фрагменты которой, подобно осколкам разбитого зеркала, отражают один единственный лик.

* * *

Трехчастное построение произведения — не просто следование классическим канонам. Это дань основоположнику новой религии. «Сосо», «Коба», «Сталин» — разделы, соответствующие трем периодам жизни героя. Вернее, трем его ипостасям, рамки жизни каждой из которых точно датированы.

Только змеи сбрасывают кожи,
Чтоб душа старела и росла.
Мы, увы, со змеями не схожи,
Мы меняем души, не тела.

Так начинается стихотворение Николая Гумилева «Память». Удивительно верные строки.

Сосо родился в 1878 году в маленьком грузинском городке Гори. Поэт, певчий церковного хора, студент духовной семинарии. Уже в 1892 году его жизнь оборвала публичная казнь двух преступников — одно из самых сильных впечатлений. «Тогда

Вера оставила сердце Сосо». На свет появился незнакомец Коба (Так звали персонажа повести Александра Казбеги, любимого литературного героя Иосифа Джугашвили).

Юный бунтовщик многое понял. Великие революции рождаются в великой крови. А заповеди можно безнаказанно нарушать. Он был умнее и злее своего предшественника, избрав учителями Ивана Грозного, Ленина, Троцкого.

Коба арестовывался восемь раз. Семь раз бывал в ссылках. «Побои надзирателей, грязь, абсолютное бесправие заключенных, расправы уголовных над политическими». Такие страдания не очищают, не исправляют пороки. Напротив, они ожесточают. Или превращают в ничтожество даже самого мужественного человека. Именно этому он будет учить свой народ.

«С кем воюет Океания?» Партия говорит, что Океания воюет с Евразией. И сохрани вас бог припомнить, что Океания была в союзе с Евразией всего четыре года назад. «Нынешний враг всегда воплощал в себе абсолютное зло, а значит, ни в прошлом, ни в будущем соглашение с ним немыслимо...» Общество, где человеческая жизнь не стоит ни гроша. Мир, поразительно напоминающий оруэлловский.

В 1915 году в Туруханском крае (месте своей последней ссылки) Коба осознал, что стал революционером второго разряда, которым можно пожертвовать. «Большая просьба, узнайте фамилию Кобы (Иосиф Дж.? Мы забыли)», — писал Ленин Карпинскому. Владимир Ильич даже фамилии его не мог вспомнить. Несгибаемый революционер не пережил предательства своего вождя. Действительно, с этого дня с Кобой покончено. Другой начал свой вечный путь и имя ему — Сталин.

Дойдя до вершины, видишь, что дальше путь ведет только вниз. Оказавшись у власти, постигаешь свое одиночество. «Все великие! Все гениальные! А чаю выпить не с кем». Сталкиваясь

со смертью, утрачиваешь надежду на бессмертие. В ночь на 9 ноября 1932 года не стало Надежды. Из знаменитой триады христианских добродетелей осталась последняя компонента — Любовь. Любовь Хозяина к Великой Мечте. Любовь народа к своему Хозяину (осужденная по обвинению в «преступной связи с еврейскими националистами» Полина Жемчужина «не только не ругала Сталина, а слушать не хотела, когда его ругают»).

«Если бога нет, значит позволено все?» Сталин перефразировал вопрос Достоевского и дал на него ответ: «Если бога нет и дозволено все, почему бы не занять божий престол самому?» Сопутствующие революциям религиозные преобразования нередко вырождающиеся в культ почитания Верховного Существа. Не об этом ли в свое время мечтал Робеспьер?

Мы все ходили под богом.
У бога под самым боком.
Однажды я шел Арбатом,
Бог ехал в пяти машинах.
От страха почти горбата
В своих пальтишках мышиных
Рядом дрожала охрана.

Согласно законам жанра в развязке спектакля на сцене появляется «Deus ex machina». Бог из бронированного «Паккарда», описанный в стихотворении Бориса Слуцкого. Тут на ум приходит острога, принадлежащая перу неизвестного автора: «Бог умер. Ницше. Ницше умер. Бог».

Итак, 5 марта 1953 года бог умер. 26 декабря 1991 прекратила существование созданная им вселенная. Время задуматься о причинах.

* * *

«Каждая цивилизация совершает предназначенный ей судьбой цикл рождения, расцвета и умирания», — такое объяснение гибели культур предлагает Освальд Шпенглер. Приверженцы пассионарной теории неизменно ссылаются на труды историка Льва Гумилева, сына расстрелянного акмеиста. «Горе, горе тебе, великий город Вавилон, город крепкий! Ибо в один час пришел суд твой». Автор «Сталина» приводит выдержку из «Откровений» Ионанна Богослова. Будучи красноречивым историком, Радзинский не менее блестящий мистификатор (вспомним скрупулезное внимание к «мистическим» деталям и совпадениям в жизни Иосифа Джугашвили: сросшиеся пальцы ноги, высохшая рука и ставшие присказкой слова этрусского гадателя Спуринна «Цезарь, бойся мартовских ид»).

Действительно, в книге Радзинского все закрючковано — такая система исключает случайности. Это очередной урок, щедрой на наставления Истории, которая в отличие от философии не знает сослагательного наклонения.

Минувшее не лягушачья кожа — так просто не сбросишь. События прошлого неизменно оставляют глубокие борозды. Отринуть советский строй в одночасье оказалось невысказано. С тем же успехом юные бунтари пытались содрать с себя «ярмо царизма» сто лет назад. Миропонимание передается генетически. Потомки освобожденных рабов будут ощущать собственное рабство на протяжении трех поколений.

Никто не обязан любить собственную историю. Отношение каждого из нас к эпохам, личностям, реформам и революциям субъективно и необсуждаемо. Но всякий раз, отвергая прошедшее, мы на самом деле получаем его в наследство.



Эмилия ДЕМЕНЦОВА

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2011». Лауреат международной премии «Yousmi Web Journalism Awards» в номинации «Лучшая рецензия среди профессионалов».

СЛОВО ЕСТЬ ПОСТУПОК

В начале было слово. И был поступок. И еще слова. И дела. И было молчание.

Свобода слова — свобода выбора слов. Слово подчинено языку. Мы, овладевая языком, думаем, что подчиняем себе слово. Слово подчиняет нас чаще: опрометчиво сказанное, необдуманно данное. Слово — долг, который нельзя вернуть. Так и умрешь банкротом, не расплатившись за слова поступками.

Между словом и поступком — лазейка — воля. В слове можно проявить волю, с ним можно даже вольничать, поступок тоже акт свободной воли, слову часто не подчиненный. Как порой за словом нет мысли, так и после него — нет поступка. «Сказано — сделано» — между ними черта, но часто нет прямой связи. Связь слово в слово, слово за слово вьется, плутает, «слово есть поступок». «Слова, слова, слова» — они обесцениваются, укорачиваются на величину поступка. Словами все чаще поступаются. Меньше поступают, следуя слову. Даже своему. А когда-то чужое, отчаянное «В атаку!» поднимало и вело в бой. Мысль о смерти не перевешивала эти простые слова. Или дан приказ, и вот уже, как по схеме, — «слово — Есть! — поступок». Может быть и героический.

Слова нарекают, изрекают, обрекают... Мысли обличены в слова. Слова имеют лица людей. Люди обращают мысли в слова. Обрекают (обречают) их. И себя обрекают.

Слово — не только единица языка, это и человеческая единица. Говорят, написанных и высказанных слов не вырубить топором. Но как часто этот топор рубил головы высказавших, написавших, повторивших... Во все века за слова казнили, ссылали, травили, уничтожали. Сжигали и слова, и людей слова. Одни слова меняли на другие, например, на такие как «растрелять». Одно слово, а за ним поступок. С пороком в сердце.

Мы мыслим словами. Мы редко думаем о словах. Нам демонстрируют последствия необдуманных слов. Последствия необдуманных последствий слов.

Нынче тоже «любят бессловесных». И даже руки им подают. Говорящих меньше, оттого они вынуждены кричать. Их обеззвучивают, заглушают. Они бьют словом. Их просто бьют. Они втолковывают, а их толкают, заталкивают, толкут за их поступки, или переступают.

Слово может быть условным. Пустое слово. Словом можно поставить условие. Подкрепив его делом, условие можно создать. Можно приводить слова в порядок, или к порядку. Страх слова, лишение слова, слово как проступок — это знакомо. Памятно. Об этом иногда напоминают.

Слово — дар. И дар слова — во имя и для жизни. Человек смертен, а слово живет. И будет жить: искажаться, забываться, возрождаться. Хранить слово — это поступок.

Обычные, простые слова бессмертны. Они привычны, затерты, но магия их сильна. «Я тебя люблю» — три простых слова. А ведь, часто, на всю жизнь и долее. А где-нибудь на востоке скажет муж надоевшей жене «талак, талак, талак», и вот уже слово их развело. И юридически, и по жизни. Поступок совершен в момент произнесения слова. Да, слово есть поступок.

Слово ловит. Оно вымогает наше согласие совершить или не совершить поступок. Мы порой согласовываем. Согласование и согласие. Русский язык во всей красе. Процесс и результат. Неопределенное и определенно выраженное. Согласование не всегда приводит к согласию, а согласие, порой, получают без всякого согласования. И то, и то неокончательно, ибо всегда можно передумать, или тщетно, увы, затратить силы. Согласование ассоциируется с бюрократией, цензурой, валидолом (вне зависимости от итога). Согласие же как-то романтичнее, с кольцами, улыбками, облегченным выдохом. Хотя, если оно молчаливое, то это обязательно что-то недоброе. Соучастие преступное, но под таковое не подпадающее. Трибуналы, приговоры, косвенные жертвы. Неосуществленная возможность предотвратить.

Слово — это дело: профессия, долг, призвание, необходимость. Слово и дело должны быть рядом. Если это не «слово и дело государево», как назывались в России XVII в. доносы о государственных преступлениях. И если, порой не верим на слово, то остается верить в слово. Верить и быть верным. Не бросаться словами, не глотать их, не пустословить. Беречь не только содержание, смысл слова, но и его форму. Ошибки искажают не только слова, но и нас, а нам, ведь «не дано предугадать...».

Нужно «славословить». Не восторженно восторгаться, а славить слово. Пусть порой оценивать, но всегда ценить. И именно поэтому понимать, что иногда слова не нужны. Нужен поступок. Без предисловий. И молчание может быть поступком. «Кому — прологом, а кому — эпилогом».

И последнее. Помянут все равно словом.



Номинация «Публицистика» — полуфинал

Валерий Ганский — г. Саратов

Андрей Пестерев — г. Североморск

Владимир Краснов — г. Боровичи

Марк Луцкий — г. Хайфа

Светлана Астрецова — г. Москва

Эмилия Деменцова — г. Москва

Александр Аннин — г. Видное

Надежда Чурсина — г. Богородск

Приз читательских симпатий

Эмилия Деменцова — г. Москва

НОМИНАЦИЯ «ЛИДЕР ПАРТНЕРСТВА»

Все Конкурсы Ру

Цель портала «Все Конкурсы Ру» — создать ресурсы для развития творческого и интеллектуального потенциала жителей России. На сайте публикуется актуальная информация о конкурсах, грантах, стипендиальных программах, конференциях и семинарах, в которых могут принять участие жители России. Портал не ограничен узкой тематикой образования или специальных программ, на нем собирается информация практически обо всех значимых конкурсах социального или творческого направления.

A monochromatic, artistic illustration of a winter landscape. In the foreground, a violin and its bow lie on a bed of fallen leaves. The middle ground shows a misty or snowy field with several bare, white trees. In the background, a line of trees is visible under a light sky. Large, detailed leaves are shown falling from the top left, some with small butterflies or insects. The overall mood is quiet and melancholic.

Поющие сердца



Вячеслав ЛОПУШНОЙ

Лауреат 1-ой степени музыкального конкурса, подноминация «Автор слов». Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Автор слов более 50-ти песен и романсов на музыку сибирских композиторов.



Анна МЕЛЬНИК

Лауреат 2-ой степени музыкального конкурса, подноминация «Автор слов». Финалист Всеукраинского турнира поэтов «Пушкинская осень в Одессе-2010», номинация «Ироническая поэзия».



Юрий ЧИГРОВ

Лауреат 3-ей степени музыкального конкурса, подноминация «Автор слов». Член Международного союза славянских журналистов.



Анна РООР

Лауреат 1-ой степени музыкального конкурса, подноминация «Исполнители». Обладательница Гран-при первого конкурса молодых исполнителей «Золотой микрофон» (Псков, 2009).



Антон СОЛОВЬЕНКО

Лауреат 2-ой степени музыкального конкурса, подноминация «Исполнители», лауреат 3-ей степени музыкального конкурса, подноминация «Полный автор». Руководитель арт-рок группы «Камин».



Валентина КРАМ

Лауреат 3-ей степени музыкального конкурса, подноминация «Исполнители». Пишет музыку для детей на стихи вятских поэтов.



Ирина КРАМ

Лауреат 3-ей степени музыкального конкурса, подноминация «Исполнители». Учится на врача в Медакадемии. В свободное от учебы время участвует в творческих конкурсах учебного заведения.



Элеонора КАЛАШНИКОВА

Лауреат 1-ой степени музыкального конкурса, подноминация «Полный автор». Выпускница казанской консерватории, композитор-песенник, певица, руководитель театра русской песни «Ворожея».



Владимир ПОРТНОВ

Дипломант музыкального конкурса, под-
номинация «Полный автор».

Номинация «Поющие сердца» — полуфинал

Вячеслав Лопушной — г. Кемерово

Анна Мельник — г. Желтые Воды

Юрий Чигров — г. Москва

Анна Роор — г. Псков

Антон Соловьяненко — г. Киев

Валентина и Ирина Крам — п. Лесной

Элеонора Калашникова — г. Казань

Владимир Портнов — г. Киров

Александр Панюшкин — г. Никольск

Антон Кузнецов — Россия

Евгений Грачев — г. Саратов

Мария Жукова — Россия

Роман Калганов — г. Тольятти

Татьяна Глотова — г. Тегульдэт

Приз слушательских симпатий

Анна Роор — г. Псков

Луч надежды





АНТОН МИТЛЯЙДЕР

Лауреат 1-ой степени литературного конкурса «Русский Stil-2011». Лауреат 2-ой степени конкурса «Deutsche Lyrik russischer Migranten» (2007). Учится в университете Johannes Gutenberg-Universität Mainz.

* * *

In den breiten Alleen
Schluchzte die Sonne; zu spät
War es nach Hause zu gehen.
Der Himmel war frischgemäht.

Und die schwirrenden Sterne
Kamen tanzend hervor —
Mücken um die Laterne.
Wellen in meinem Ohr.

Es war schon zu finster,
Als ich nach Hause schlich.
Sah noch in dein Fenster:
Fühlst du mich?



* * *

Grüner, grüner Morgen,
Rein und regenfrisch.
Zukünftige Sorgen
Schlafen unterm Tisch.

Nebel um die Worte,
Nebel auf dem Feld
Sprache wird zur Pforte
In die neue Welt.

Gelber, gelber Mittag,
Raps und heißer Sand.
Jeder Tag ein Sonntag
In dem fremden Land.

*

Der Himmel wie rote Geranien,
Die Wolken – rubinroter Schnee.
Sag mir, war das in Germanien?
Ja, dort am Staffelsee.





Иван АНТОНИ

Лауреат 2-ой степени литературного конкурса «Русский Stil-2011». Серебряный призер литературных конкурсов «Русский Stil-2009» и «Русский Stil-2010» в номинации «Луч надежды».

DIE PUSTEBLUME

Auf den schönen grünen Wiesen
Überall so reichlich sprießen

Zarte bunte Wiesenblumen,
Und die Bienen laut summen.

Hübsche Mädchen fröhlich lachen,
Singend kleine Kränze machen,

Zu den Blumen neigen sich
Mit dem lustigen Gesicht.

Alle Blumen auf der Wiese
Blühen bunt, doch blüht nicht diese.

Diese hat kein Blütenblatt,
Nur ein Stielchen, das ist glatt.

Zarter weißer Flaum sitzt
Oben auf der Stielchenspitze.

„Solche Blumen gibt’s nicht mehr,“ —
Meint ein Kind und bückt sich näher.

„Ach! Ein Wunder!“ — sagt das Kind.
Aber plötzlich bläst der Wind,

Und das schöne kleine Wunder
Ist sofort vom Feld verschwunden.

Nur das Stielchen übrig blieb
Mit dem Köpfchen wie ein Sieb...

„Ach, wie dumm ist dieser Wind!“ —
Bitter weint das arme Kind.





Татьяна МАРТЫНОВА

Лауреат 3-ей степени литературного конкурса «Русский Stil-2011». Лауреат 1-ой степени литературного конкурса «Русский Stil-2010» в номинации «Луч надежды». Член Международной гильдии писателей.

WARTEN

Warten kann nicht jeder,
warten ist manchmal wie Tod.
Warten kann man lernen,
denn Warten hilft vor dem Tod.

Warten heisst auch Hoffnung,
Streben nach dem Ziel.
Warten heisst auch Freude,
Träume, Sehnsucht und Spiel...

Spiel mit dem Leben, dem Schicksal,
bei dem Keiner weiss, wer gewinnt.
Warten ist aber wie Rettung —
wer warten kann, der gewinnt...



OHNE DICH

Ich kann ohne dich gut leben.
Ja, kann ich, aber wozu...
Ich kann ohne dich auch atmen.
Klar, kann ich. Die Frage — wozu...

Ich kann ohne dich fast alles.
Das weiss ich, und das weisst du.
Ich kann ohne dich nur nicht fliegen...
Denn meine Flügel sind DU.

LEBENSRAD

lieben- geben-nehmen-fordern-
freiheit-trennung-abschied-brief-
tränen-reisen-suchen-finden-
sehnsucht-liebe-hoffnung-spiel-
warten-hoffen-sehnen-lieben-
leben-träumen-fliegen-weg-
glücklich sein-entspannt-zufrieden-
ruhe-frieden-harmonie...
und dann wieder warten, hoffen,
wünschen, träumen, klüger sein...
und schon wieder liebe schenken —
kreis des lebens... lebensrad...



Ксения СИЛИНА

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2011». Лауреат 1-ой степени литературного конкурса «Русский Stil-2009» в номинации «Луч надежды».

FRÜHLINGSGEDICHT

Ich liege auf der bunten Wiese und denke an nichts.
Die zarten Veilchen sind mein Kissen.
Der blaue Himmel ist mein Gedicht.

Deinen Namen flüstert der liebevolle Wind.
Ich wiederhole ihn leise.
Das Glück ist ein Sonnenkind
Und die Sonne ist wirklich sehr weise.

Die kleine Schwalbe erzählt mir ein Märchen zur Nacht.
Unter meinem Kopf ist ein lilanes Kissen.
Ich habe heute an nichts gedacht, ich liege auf der bunten Wiese.





Зоя КАШАФУТДИНОВА

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2011». Преподаватель латинского и немецкого языков Пермского государственного университета.

BAMBERGER IMPRESSIONEN

* * *

So grün und jung, so lebensfroh
Und liegt schon auf dem Boden.
Herzloser Wind! Du bist so roh!
Du bringst nur Not und Tode!

* * *

Ein Kätzchen schlummert auf dem Pflaster.
Was träumt es? Seinen Herrn und Meister?
Ach! Seinen lieben Milchkrug nämlich.
Er ist dem Füllhorn, ach! so ähnlich!

* * *

Röslein, Röslein, Röslein rot!
Hast du auf dem Herzen
Weh und Leid, und Angst, und Not
Oder Glück des Lenzes?



Татьяна ОТТО

Дипломант литературного конкурса «Русский Stil-2011». Лауреат 1-ой степени литературного конкурса «Русский Stil-2010» в номинации «Луч надежды».

ES WAR EIN TAG...

Es war ein Tag wie jeder auch
 Der Tag vorbei, die Lichter an.
 Der Regen goss vom Himmel rauf
 Und hatte sichtlich Freude dran.

Doch da, was sehe ich dort im Weiten...?!
 Die Augen spielen mir einen Streich
 Ein Weibes Bild möcht' ich gesehen haben
 Verrückt, und doch erschreckend gleich.

Oh, wie süß der Wein doch schmecket
 Auf meine Wohl und meine Einsamkeit!
 Wer braucht sie schon, denn diese Liebe
 Die bittere Frucht, das Gift der Ewigkeit.

Seid still! Was sind denn das für Stimmen,
Die mich noch treiben in den Wahn?!
Verfluchter Wein verfälscht die Sinne
Und saugt noch meine letzte Kraft.

Ich will hier raus aus dem Kerker
Die Luft so drückt mir auf die Brust
Erinnerung‘ an Dich verblassen immer stärker
Der Dolch in Hand, der mich befreien muss.





Евгений МАУЛЬ

Лауреат 1-ой степени литературного конкурса «Русский Stil-2011». Лауреат литературной премии города Филлаха (Австрия) и премии «Золотое перо Руси».

DIE NÄCHSTENLIEBE
ODER
TOPOGRAPHIE DER KALTHERZIGKEIT

Die Tür geht zu. Drei Schlösser, sechs Umdrehungen des Schlüssels — für jedes Schloss zwei. Ordnung muss sein. Maier steckt den Wohnungsschlüssel in seinen alten Lederkoffer und setzt den Fuß auf die obere Treppenstufe. Eins, zwei, drei... Insgesamt zwölf Stufen. Die dritte und die elfte quietschen. Die Fenster im Treppenhaus sind offen. In das Gebäude dringen der Duft der blühenden Bäume und das fröhliche Vogelgezwitscher ein. „Mist! Dieser verdammte Frühling“, flucht Maier. Er mag weder Düfte noch Klänge der erwachten Natur. Er liebt den Geruch der alten Akten und Geräusche, die seine treue, gutbewährte Schreibmaschine beim Tippen erzeugt. Maier ist Beamter. Er ist auf dem Weg zu seiner Arbeitsstätte.

Die nächste Wendung der Treppe. Maier zählt die Stufen. Eins, zwei... Urplötzlich bleibt er stehen. Da stimmt etwas nicht. Unten auf der Treppe liegt ein Mann. Derselbe stößt einen tiefen Laut aus. Erblickt den Beamten. Lächelt qualvoll. Maier richtet seine Brille zu Recht und fragt mit eiserner Stimme: „Wer sind Sie? Wieso liegen Sie hier mitten im Weg?“ Der Mann wischt sich den Schweiß vom Gesicht. „Mein Name ist Schneider. Ich wohne hier im Haus, im vierten Stock... Wissen Sie, ich bin da auf den Stufen gestolpert und hab mir anscheinend den Fuß gebrochen oder so. Könnten Sie mir

bitte helfen! Den Krankenwagen rufen oder... Und ein Schluck kaltes Wasser. Bitte!“ Maier schaut sich Schneider eine Weile verdutzt an. „Wissen Sie, ich bin jetzt furchtbar in Eile... Ich darf nicht zu spät zur Arbeit kommen. Seit fünfunddreißig Jahren meiner Dienstzeit war ich noch nie zu spät zur Arbeit gekommen... Und außerdem habe ich Sie bisher noch nie in unserem Haus gesehen“, erwidert Maier und versucht, sich an dem liegenden Schneider vorbei zu stehlen. Das gelingt ihm nicht. „Hören Sie, Sie haben sich aber wirklich breit gemacht. So kann man noch über Sie stolpern und sich den Fuß brechen“, sagt empört Maier. Schneider ergreift stöhnend die Hand des Beamten: „Bitte helfen Sie mir! Bitte! Ich hab schreckliche Schmerzen.“ Maier befreit sich eiligst aus der Umklammerung... „Gut, ich helfe Ihnen“, gibt er nach einer Überlegung zu wissen. „Ich ziehe Sie ein bisschen weg von den Stufen.“

Kurzerhand ergreift Maier die Arme des stöhnenden Schneider und schleppt ihn die Treppe hinunter zu der nächsten Wohnungstür. „So, da liegen Sie gar nicht mehr im Weg und stören niemanden“, stellt er zufrieden fest und wendet sich vom Mann ab. „Auf Wiedersehen! Ich muss los“. In diesem Augenblick geht die Tür auf, an welcher Schneider liegen bleibt. Eine korpulente junge Frau füllt die Türöffnung aus. Das ist Frau Schmidt aus dem zweiten Stock. „Was soll das? Wieso liegen Sie hier rum? Direkt vor meiner Tür! Und wer sind Sie überhaupt?“, ruft sie, zu Maier blickend, mit Entsetzen aus.

„Ich bitte um Entschuldigung, gnädige Frau. Mein Name ist Maier, ich wohne hier im Haus im dritten Geschoss. Dieser Herr... äh... hat sich hier auf der Treppe unglücklicherweise den Fuß gebrochen und ich habe... äh...“, stottert nervös Maier. „Und Sie haben ihn vor meiner Tür abgelegt, nicht wahr. Was haben Sie sich eigentlich dabei gedacht. Schämen Sie sich! Es ist so was von rücksichtslos... Ich hätte ja über den Mann stolpern können und mir womöglich den Fuß brechen!“, empört sich Frau Schmidt. „Hilfe, Hilfe!“, ruft währenddessen Schneider und versucht sich an den Beinen der

Frau festzuklammern. „Ich... Ich kann jetzt nicht. Ich muss ganz dringend zu einem Friseurtermin“, erwidert sie und versucht, sich zu befreien. „Wieso stehen Sie so dumm da? Helfen Sie mir doch... Wir schleppen den Mann rüber zum Nachbarn“, wendet sich Schmidt an den verwirrten Maier. Der Beamte ist sofort zur Stelle. Die beiden schnappen sich die Hände des stöhnenden Schneider und zerren ihn zu der Wohnungstür gegenüber.

Kurz darauf wird dieselbe aufgemacht und an der Schwelle erscheint ein athletischer Mann um die fünfzig. Das ist Herr Bauer. Er reibt sich vor Erstaunen die Augen. „Was hat das alles zu bedeuten? Wer seid ihr?“, fragt er nach einer Weile erzürnt. „Es ist so... äh... Wir sind Ihre Nachbarn. Dieser Mann da hat sich den Fuß gebrochen... und wir wollten ihn ein wenig zur Seite schieben“, ergreift Frau Schmidt das Wort. „Das ist ja unerhört! Ihr habt wohl einen Sprung in der Schüssel... Ich könnte ja drüber fallen und mir den Fuß brechen!“, schreit sofort Herr Bauer los... „Hilfe! Helfen Sie mir“, bettelt weinend Schneider am Boden. Bauer kratzt sich am Nacken: „Tut mir leid, hab jetzt keine Zeit. Ich soll zu einem wichtigen Kunden. Ich werde schon erwartet... Äh... Ein anderes Mal vielleicht.“

„Warten Sie. Ich hab’ ’ne Idee. Wir bringen den Mann ganz nach unten. Dahin, wo niemand vorbei läuft“, schlägt strahlend der Beamte Maier vor. „Ja, ja, am besten in den Keller mit ihm“, meldet sich zustimmend Frau Schmidt zu Wort.

Im selben Augenblick ergreifen Maier, Schmidt und Bauer die Beine des winselnden Schneider und ziehen ihn die Treppe hinunter. Schneider stöhnt vor Schmerz. Er stößt sich mehrfach den Kopf an den Stufen. An der quietschenden Kellertür angelangt atmen die drei kurz durch. Anschließend schieben sie Schneider in die dunkle Öffnung und eilen soeben zum Ausgang. Stöhnend und winselnd rutscht Schneider die Kellertreppe hinunter.



Михаил ПОЛИЩУК и Галина ПУСТОВАЯ

Лауреаты 2-ой степени литературного конкурса
«Русский Stil-2011».

Die Gesellschaft, die ihre Alten nicht
achtet, hat keine Zukunft.
W.W. Putin

TUT MIR LEID

Gut ist es jung, zu sein. Und ein junger Rentner zu sein, ist auch nicht schlecht, wenigstens besser, als ein alter Rentner. In diesem Frühling hat Michail Denisowitsch seinen lebenslänglichen Urlaub bekommen. Die ganze Woche hat er einsam in seiner „Facienda“ verbracht. Sein Grundstück hat er in Ordnung gebracht wie gelect: Johannisbeeren- und seine Lieblingsstachelbeersträucher hat er nach allen Regeln verjüngt — bis zur Hälfte der alten Zweige ausgeschnitten, die Bäume sind auch merklich durch die gnadenlose Gartenschere und Säge durchsichtiger geworden, vorjährige Stauden hat er alle entfernt, aus dem erweichten Vielgräserrasen hat er sorgfältig alte Gräserstengel ausgeharkt. Eine wahre Freude ist das zu sehen. Gut ist es geworden, ungewöhnlich gut, außer dass es

gerade schlecht war. Man konnte nicht sagen, dass es gerade schlecht ist, sondern nur etwas schlechter. Etwas Unangenehmes kam zum Vorschein- Müll in einem riesigen Haufen in Menschenhöhe — alles was er ausgeschnitten, ausgeharkt, ausgebrochen hatte. Alles war trockenes, leicht entflammendes Zeug, ein streich mit den Streichhölzern — und es wird wie Pulver brennen. Wäre kein Problem, wenn nicht ein aber wäre...

Eine kleine Eidechse hat an diesem Haufen Gefallen gefunden. Michail Denisowitsch hat einen passenden Wind gewählt, damit der Rauch Richtung Wald zieht und niemand beunruhigt, wollte schon anstreichen, da trat die Eidechse in Erscheinung. Eine Dame — Michail Denisowitsch hat sofort erkannt, dass vor ihm eine Dame ist — hatte keine Angst gekriegt, als der Mensch sein flauschiges, bebrilltes Gesicht zu ihr näherte und sie aufmerksam betrachtete. Es schien, dass er auch untersucht wurde, wenigstens die dunkle Perlen, Äuglein änderten ihre Position. Das Wesen war wunderschön: auf dem grünen Hintergrund seines Oberkörpers, unmittelbar von den Äuglein gingen in zwei Reihen die dunklen, abgebrochenen Streifen, die sich scharf, irgendwie unlogisch sofort nach der Verengung unterbrachen, der Schwanz war überhaupt fremd — hell grün, glatt, uninteressant, einen solchen ist es nicht zu schade abzuwerfen. Als der Beobachter zu den ersten Wachspitzen reichte, spürte die Eidechse die Luft mit ihrer Schlangenzunge und verschwand, kokett ihre „Hüften“ bewegend.

Nun, wie kann man Feuer anzünden?

Am Abend schleppte sich Alexeewitsch heran und sofort zu dem Haufen:

„Denisytch, warum verbrennst du deinen Müll nicht? So ein Berg hochgestapelt. Es ist schon gefährlich, lassen wir ihn anzünden, der Wind ist günstig,“ und ohne auf das Einverständnis zu warten, wollte er Streichhölzer aus der Tasche holen.

„Wo, denn, günstig? Guck mal, wie er sich dreht, dein Grundstück erreicht er, verqualmt Walera. nein, nicht heute“, — ohne die Sentimentalität zu gestehen, versuchte der Besitzer sich herauszureden.

Da hast du dich aber verrechnet... man sollte Alexeewitsch kennen. Er ist peinlich genau, sein Gehirn lässt sich nicht so einfach „pudern“. Boris Alexeewitsch, einer der wenigen alten Freunden und Gefährten von Michail Denisowitsch, war schon fünf Jahre lang Rentner. Davor haben sie, wie man so sagt, einen Scheffel Salz zusammen gegessen, und nicht einfaches Salz, sondern Meeressalz: viele Schifffahrten haben sie gemeinsam gemacht und kannten einander sehr gut. Notgedrungen musste er über die Eidechse erzählen.

Ei, ei... wäre besser zu schweigen.

„Du bist doch ein Gleisner, welch ein Gleisner“, — ohne Ausdrücke zu wählen redete der Nachbarn. — „Eine Eidechse tut ihm leid, ein kaltes Kriechtier tut ihm leid?“

„Tut leid“. — „Und bei der Jagd Tiere kaltzumachen, tut nicht leid?“

Hast du dich auf dein Steckenpferd gesetzt, — jetzt nicht mehr zu stoppen. „Tut nicht leid“, — bockte träge Michail Denisowitsch.

„Augenperlen sagst du und die schönen Augen einer Gazelle, die du persönlich geschossen hast, Erinnerst du dich? Auswurf! Mörder! Du hast dich noch gebrüstet.“ — redete Boris weiter.

„Hör mal auf. Rehe, Wildschweine, Hirsche — alles Wild, sie sind groß und wurden von den Menschen des Fleisches wegen gejagt. Die Eidechse ist klein. Ich würde sie nie essen, dazu scheint sie schwanger zu sein!“

„Idiot! Schwanger... Und das sagt ein Akademiker... Dummkopf. Eidechsen legen Eier.“

„Ich hab es satt, halt's Maul, wir gehen und trinken ein, Gläschen Tee“, oder scher zum Teufel mit deinen Streichhölzern,“ — versuchte sich Michail Denisowitsch nicht beleidigt zu fühlen.

„Du wirst mich mit deinem Gläschen nicht kaufen. Sowieso bist du ein Geisler. Eidechse ist, sagst du, klein und was ist mit Maulwürfen, groß sind sie? Du wirst sie auch nicht essen, tötest aber ohne Mitleid. Tötest du doch?“ — setzte skandalsüchtig Boris Alexeewitsch fort.

„Tue ich? Ich habe kein einziges Mal einen geholt“, — fühlte sich aufrichtig beleidigt Michail Denisowitsch. — „Du bist es vielleicht, der tötet.“

„Ich habe auch keinen geholt.“ — gestand Alexeewitsch beruhigend.

„Und dann unter der Erde sieht man nicht, wie ist er dort, klein oder groß, welche Augen er hat...“

„Ha, ha, ha,“ — schalt ihn Borja, — „du bist wirklich schwachköpfig... ein Maulwurf hat Äuglein. Mitleidig bist du, Maulwürfen sind blind...“

„Weiß ich, dass sie blind sind, ich bin einfach so, der Bildhaftigkeit wegen: mit Äuglein, ohne Äuglein unter der Erde ist es nicht schade“, — rechtfertigte Michail Denisowitsch.

„Tut leid, tut nicht leid. Was singst du immer das alte Lied? Mir tut weder deine ekelhafte Eidechse noch desto mehr Maulwürfe leid, sie — Auswürfe, haben meinen ganzen Garten umgegraben und ich, unter anderem baue Zwiebeln und Kartoffeln zum Essen an.“

„Schluss, kühl dich ab, gehen wir ins Haus, ich erzähle dir eine Geschichte über Maulwürfe unsere und deutsche und ein Gläschen dazu“, — verführte Michail Denisowitsch den alten Brummbar.

„Gehen wir“, — kapitulierte Boris Alexeewitsch, — „auf ein Gläschen.“

Eben haben sie Wurst angeschnitten und aus einer angefangenen Flasche eingegossen, da hustete Serjoga an der Tür — der Nachbar vom Waldrand. Die Freunde haben sich nicht gewundert, Serjoga hat extrasensorische Fähigkeiten — er erscheint immer bei den ersten Schlucklauten. Das wichtigste war aber für den pensionierten Elektromechaniker, nicht nur aus der hohlen Hand zu trinken, sondern zu plaudern dabei — das mag er sehr. Serjoga hörte das Schlüsselwort Maulwurf und schaltete sich sofort ein:

„So, Maulwürfe. Boris Alexeewitsch. Bei euch eben vorbeigegangen, sah ich frische Häufchen.

Borja schimpfte sich aus.

„Es gibt ein neues sicheres Mittel. Geschickt haben es Datschniki ausgedacht, ich wäre auf so etwas nie gekommen. Man nimmt ein Stück Holz, so fingerdick, und man steckt darin rund Rasierklingen ein, können gebrauchte sein, die sind genug scharf, passen auch. Findig ist es ausgedacht, gibt es doch im Volk Meister, welche Schlauköpfe! Dieses Stück mit Rasierklingen wird akkurat in den Maulwurfgang gegraben, der Sicherheit wegen kann man einige solcher Stücke stecken. Der Maulwurf also gräbt mit seinen Pfoten und die werden völlig abgeschnitten.“ „Völlig.Völlig.Völlig...“

Michail Denisowitsch stellte sich einen Maulwurf vor, lustigen Maulwurf aus dem Trickfilm, der hatte seine Ängste, hat gelacht, geweint, lustig mit dem Regenschirm gespielt.... Und dann ihn wie Venus von Milo ohne Pfoten....

Serjoga aber mit der Intonation eines berühmten Komikers erzählte über das zweite sichere Mittel: „Nun, unser kluges Volk, alle Ingenieure. Guck mal, was sie noch ausführen. Chinesen haben zu den Feierlichkeiten allerlei Pyrotechnik gebracht, die Salut machen und dabei solche lauten Knalldinge. Die sind für neue Löcher, Lekseitsch, besonders passend. Man zündet diese an, steckt sie in die Löcher und..... da... plötzlich ein Knall. Der Maulwurf,

der blinde wird auch taub, seine Ohren können es nicht vertragen, platzen und er krepirt.“

„Krepiert. Krepiert. Krepiert.“

Jetzt neben dem kleinen Maulwurf ohne Pfoten auf dem Häufchen Erde aus dem Trickfilm erschien der zweite — mit der dunklen Brille, mit dem weißen Stock und mit kreuzartig zugeklebten Ohren. Der kleine Maulwurf heulte mal, muhte mal, versuchte Gestensprache zu sprechen....

Borja hat sich wiederum ausgeschimpft und bat:

„Genug. Ich habe es satt. Bandit. Halt den Mund!

„Wieso? Boris Alexeewitsch, du wolltest doch die Maulwürfe loswerden? Da ist die beste Empfehlung. Ich habe irgendwo ein Päckchen Rasierklingen noch da. Soll ich holen? Alle sind neue und werden Pfoten nur so abschneiden....“, veräppelte den Freund Michail Denisowitsch.

Serjoga, der freiwillig nicht den Mund halten wollte, setzte, die Pause benutzend, weiter fort:

„Noch mit Gas kann man die vergiften, nichts was neues, fein auch. Man soll nur den Gasballon in die passende Stelle stecken und die anderen Löcher zumachen. Das, Lekseitsch, helfe ich dir. Zweifle nicht daran. Wir erledigen deine „Gräber“.“

„Erledigen. Erledigen. Erledigen“.

Zu der Invalidengruppe der Maulwürfe gesellte sich der Dritte: in der Gasmasken und aus irgendwelchem Grund mit Krücken, wie in unserem Kino oft italienische Opfer der Gasattacken des Ersten Weltkrieges gezeigt werden.

Das sonnengebräunte, dunkel von der ersten Sonne Gesicht Boris' wurde dunkelrot.

„Ich ersteche dich gleich, du Nisse, pack dich!“ — er streckte sich zu dem soliden Wurstmesser. Serjoga hat es nicht verstanden,

machte sich aber widerspruchslos aus dem Staube. Sein beleidigter Rücken löste sich im Abendlicht auf.

Boris Alexeewitsch rutschte auch zur Tür. „Borja, Rasierklingen hast du vergessen“, — konnte sich Michail Denisowitsch nicht zurückhalten.

Am nächsten Morgen, als die Sonne wärmte, saß die Eidechse wieder auf ihrem Wiemen. Sie begrüßte Michail Denisowitsch mit Schwenken der Zunge und ihrer „Perlen“.

Boris Alekseewitsch schleppte sich am späten Nachmittag heran. Er wartete auf einen neuen Angriff und gestand halb, ohne ihm in die Augen zu blicken:

„Ja, Maulwürfen tun mir leid. Obwohl sie — Auswürfe, meine Ernte abnehmen, so aber darf man nicht. Deine Eidechse, trotzdem, tut mir nicht leid.

Sie setzten sich wieder zum „Tee“. Die Freunde „benetzten“ die Halbliterflasche mit Speichel schon eine Woche lang. Serjoga kam diesmal nicht.

„Ja, die Jahre“, — warf jemandem Boris Alexeewitsch vor. — „Stellst du dir vor, würde bei uns so eine Flasche Wodka so stehen und versauern, einfach so? Ja, die Jahre. Sag mal, was wolltest du mir über russische und deutsche Maulwürfen erzählen?“

„Aa“, — erwiderte Michail Denisowitsch, „das hat keine praktische Bedeutung wie Serjogas Empfehlungen, interessant ist es aber, wenn auch deswegen, dass diese Geschichte mir Wassilij Jakowlewitsch Dobrowo erzählt hat. Erinnerst du dich an Dobrowo?“

„Wie kann ich mich nicht an Wassilij Jakowlewitsch erinnern, er war mein erster Kapitän. Er hat mich nicht nur arbeiten, sondern auch leben gelehrt. Ich mit ihm und dem vierten Mechaniker...“

„Ja, weiß ich, weiß.“ — unterbrach Michail Denisowitsch. „Deshalb habe ich beschlossen, es dir zu erzählen. Wassilij Jakowlewitsch war als Frontsoldat und Ordensträger mit anderen Delegationsmitgliedern zum Veteranentreffen nach Deutschland

eingeladen. Es scheint das war 1995, na, ja, zum 50. Gedenktag des Kriegsendes. Die ehemaligen Gegner verkehrten zuerst offiziell, wie es dazu gehört, in einem Saal mit Tribüne, dann schon „im Stillen“. Da ging der Verkehr ganz einfach, man hat „Katjuscha“ gesungen und es ging um die Datschagrundstücke. Man hat Vorteile und Nachteile verschiedener Apfel- und Birnensorten, Gurken, Tomaten, Johannisbeeren und Stachelbeeren besprochen und man ging zum Thema der Gartenschädlinge über. Wassilij Jakowlewitsch klagte, dass er die Maulwürfe nicht kleinkriegen könne, die verderben die Ernte. Die Deutschen wurden lebhaft und erklärten, dass für sie die Maulwürfe auch ein großes Problem seien. Wassilij Jakowlewitsch, mit Herzengüte, schlug einige Bekämpfungsmethoden vor: in ihre Löcher verfaulte Fischköpfe einzugraben oder mit kaltem Brunnenwasser zu begießen (dir, Borja, sage ich nebenbei, dass die letzte nicht effizient ist, probiere es nicht). Die Deutschen „bejahten“ und schlugen auch ihre Methoden vor. Das Gespräch verlief ohne Dolmetscher und einer besonders pedantischer brachte ein Stück Papier und bunte Stifte, zeichnete schnell ein Schema, auf das er fast russisch gekritzelt hat: Straße, Abhang, Röhre, Gleise und stellte einen Haufen von Pfeilen und Kreuzen dar. Hast du noch nicht kapiert, Borja?“

„Nee...“.

„Weder du noch ich hätte es verstanden. Borja, weil Dobrowo, unser Kämpfer, Befreier mit Maulwürfen den Krieg nicht fürs Leben, sondern für den Tod führte. Er musste sich von seinem Stückchen Boden ernähren. Mit unserer Rente schaffen wir das nicht. Die den Krieg verloren habenden Deutschen beschäftigten sich mit ganz anderen Dingen. Sie retteten nicht die Ernte, sie retteten Maulwürfe! — Als Wassilij Jakowlewitsch kapiert hatte, dass vor ihm das Schema einer Einrichtung war, damit Maulwürfe eine gefährliche Straße durch speziell unter der Autobahn gelegte Röhre passieren konnten, wurde ihm schlecht ums Herz: bitter, schändlich...“

„Na und... willst du sagen, dass sie gutherzig sind und wir schlecht und böse?“ — blinzelte mit den Augen Boris Alexeewitsch.

„Satt, Borja, ist es leicht, gutherzig zu sein, für uns nicht besonders Satte, ist es schwer, doch Menschen müssen wir bleiben, egal wie, Borja, Menschen bleiben...“.

Lange wurde geschwiegen. Draußen, auf den grauen Abendnebel senkte sich die Finsternis. Licht wurde nicht eingeschaltet. Alles ringsherum wurde still, nachdenklich, nur der alte „Bourgeoisieofen“ schmatzte und nagte an den Wurzeln des im vorigen Jahr verurteilten Pflaumenbaumes. Als in dem offenen Aschenloch die glühende Kohle runterfiel, warf das schwarzgraue Profil des Gastes unheimliche Mephistoschatten auf die Wand.

Boris Alexeewitsch fragte: „Und Dobrowo würde deine Eidechse auch leid tun? Meinst du?“

„Ja, er würde nicht anzünden. Weißt du, Borja, genug gegrübelt. Für dich ist es schädlich. So kommst du zu kriminellen Taten. Gestern hättest du beinahe Sigismundowitsch umgebracht.“

An diesem Abend zankten sich die Kameraden nicht mehr, tranken die ersehnte Flasche aus, versöhnten sich endgültig und Boris Alexeewitsch war zum Schluss einverstanden:

„Meinetwegen, Denisowitsch, du hast gewonnen... In der Tat, die Eidechse tut mir doch auch leid...“.



**Номинация «Луч надежды» — полуфинал**

Антон Митляйдер — Германия
Иван Антони — Германия
Татьяна Мартынова — Украина
Ксения Силина — Германия
Зоя Кашафутдинова — Россия
Татьяна Отто — Германия
Евгений Мауль — Германия
Михаил Полищук — Россия

Приз читательских симпатий

Евгений Мауль — Германия

Премия

*за талант и женственность
в поэзии*

имени Марины Мануйловой



Марина МАНУЙЛОВА родилась в Астрахани, более 20 лет прожила в Питере. Потом вместе с семьей переехала в Канаду. Заботливая мама и любящая жена, она находила время и для творчества, и для общественной работы. Именно в Торонто возшла звезда ее таланта.

Вмиг
 зарифмуются
 слова,
 Биением сердца
 в каждой строчке
 Ритм отбивая:
 я жила,
 Жива
 и буду жить —
 и точка!

В жизни Марины Мануйловой удивительно совпали любовь и творчество. Может, именно поэтому ее стихи — яркий поэтический калейдоскоп: сонеты, акrostихи, романсы, авторские песни, пародии, целые стихотворения-диалоги, импровизации, экспромты... И во всех ее произведениях живет женская душа, ее радости и страдания, боль и счастье, любовь и потери, юмор и самоирония. Марина и в жизни была такой же яркой, запоминающейся не только внешне, но и своими душевными качествами. Она была непревзойденной оптимисткой — **НАСТОЯЩЕЙ ЖЕНЩИНОЙ** с большой буквы.

Отдавая дань памяти талантливой поэтессе, Альянс русскоязычных женщин «Добродея», при поддержке родственников Марины, учредил специальную награду для женщин-поэтов «За талант и женственность в поэзии» имени Марины Мануйловой.



Юлия МОРОЗОВА

Лауреат 1-ой степени Премии «За талант и женственность в поэзии».

ЗАГРАНЩИКИ

Нас нет в «сейчас». Мы просто отголоски
друг друга, памяти, скользящих лет,
фигурки из расплавленного воска,
глядим не вдаль, а прошлому вослед.

Сродни вещам, мы тянемся к покою,
мараем безымянные листы,
чтоб скомкав мысли, затыкать собою
покатое пространство пустоты.

Нас не вмещают сны, фотоальбомы,
границы глаз, безгласность языков,
придуманные нами аксиомы,
стерильные повязки облаков.

Словами безначальность отражая,
используя творительный падеж,
мы жаждем невещественного рая,
переступая внутренний рубеж,

предчувствуя за смертью измеренье,
наполненное истиной до дна.

Нас больше нет в условности мгновенья —
мы там, где захлебнулась глубина.



Елена КОСТЮЧЕНКО

Лауреат 2-ой степени Премии «За талант и женственность в поэзии».

* * *

Не говори обо мне другим;
 Память не дышит, не просит есть.
 То, что известно всего двоим,
 Выжить имеет все шансы. Здесь
 Время идет и немного снег.
 Может, ты знаешь, как больно мне,
 Не разжимая дрожащих век,
 Бабочкой биться в твоём окне.
 Ты меня старше на сотни слов,
 Вдохов и выдохов, но тогда
 Младше на пару моих шагов
 С крыши, к аптечке, под нож, с моста.
 Не говори обо мне другим.
 С памятью ты разбирайся сам.
 Я легче тебя на двадцать один
 И тяжелее на девять грамм.



Светлана ДОН

Лауреат 3-ей степени Премии «За талант и женственность в поэзии».

* * *

Как тебе удалось отыскать меня в этом аду?
 Разве добрый я колос среди лебеды и пырея?
 И теперь я иду, удивляюсь себе, но иду
 Шаг за шагом по этой дороге, что бритвы острее.
 Не оставь же меня и назад повернуть не позволяй.
 А что больно ступням — перед вечностью это не боль.
 Мне по-прежнему снится мой сад, где в стотысячный раз
 Опускается белый туман на цветущие вишни,
 Йодный запах от моря идет, и дырявый баркас
 Бьет тугая волна, будто бисер дробя на бегу...
 Отними это все. Буду счастлив я, если смогу
 Говорить ежедневно два слова: спасибо, Всевышний.





ГОСТЬ ФЕСТИВАЛЯ-2011

Мария АРБАТОВА — драматург, публицист,
член Союза писателей Москвы и
Союза театральных деятелей России.
Автор 14 пьес, поставленных в России и за рубежом.
Член жюри конкурса «Русский Stil-2011».

Училась на философском факультете МГУ, на отделении драматургии «Литературного института имени А. М. Горького», обучалась психоаналитическому консультированию.

С 1996 года работала в многочисленных пиар-проектах и избирательных кампаниях всех уровней в качестве политического психолога.

С 1991 года руководила клубом психической реабилитации женщин «Гармония».

С 1996 по настоящее время — «Клубом женщин, вмешивающихся в политику».

Около пяти лет работала обозревателем «Общей газеты». В течение шести лет работала соведущей в женском ток-шоу «Я сама» канала ТВ-6.

Награждена медалью «За служение Отечеству» Национального благотворительного фонда «Вечная слава героям» — 2003 год.

Награждена серебряным и золотым «Орденами Миротворца» Всемирного Благотворительного Альянса «Миротворец» — 2006 и 2007 годы.

Лауреат премии газеты «Литературные новости» за лучшее произведение в прозе 1993 года — рассказ «Аборт от нелюбимого».

Лауреат «Всесоюзного конкурса радиодраматургии» 1991 года — радионovelла «Обряд инициации» из пьесы «Поздний экипаж».

Обладательница Золотой медали Кембриджского библиографического центра «За вклад в культуру XX века» — 1991 года в номинации драматургия.

Лауреат Боннского театрального биенале 1996 года — спектакль «Пробное интервью на тему свободы» в постановке Боннского драматического театра.

Лауреат конкурса радиодраматургии «Приз Европы» 1998 года за радиоспектакль по пьесе «Обряд инициации» в постановке радио «Россия».

Русский Stil-2012

Фестиваль следующего года вновь соберет друзей и партнеров осенью в октябре. Такой незначительный перенос во времени связан, прежде всего, с тем, что мы предлагаем в этот раз отправиться на крупнейшую книжную ярмарку Frankfurter Buchmesse-2012, которая неизменно проводится в середине октября.

Frankfurter Buchmesse проходит во Франкфурте ежегодно. В ней участвуют около семи тысяч экспонентов из более чем ста стран, заключаются договора на издание книг, решаются вопросы авторских прав. Это также место, где можно ознакомиться с новинками, узнать тенденции книгоиздательского рынка в целом. В эти дни в город съезжаются представители





всех основных компаний-производителей и продавцов печатной продукции и электронных средств информации. Писатели и издатели, продавцы книг и библиотекари, агенты и журналисты — «все едут во Франкфурт, потому что все едут во Франкфурт».

На ярмарке-2012 будет представлено все многообразие печатной и электронной продукции: книги, журналы, газеты, атласы и карты, электронные средства информации, календари, комиксы, предметы искусства. У всех и каждого будет возможность встретить все профили и отрасли книжной продукции в одном месте, оживить существующие контакты и настроить новые деловые связи, работу с издательствами, дилерами прав, агентами и производителями. Ну и самое, наверное, интересное, что может быть для участников нашего фе-



стиваля, — это посещение русского выставочного павильона, где можно воочию увидеть и пообщаться с современными известными писателями и представителями крупнейших издательств, которые непременно соберутся во Франкфурте.

Помимо книжной ярмарки, творческих встреч, выступлений и собственных презентаций, мы предлагаем нашим гостям во время следующего фестиваля ознакомиться еще с одним регионом южной Германии — Франконией.

Франкония — это край виноградарства. Во Франконии множество живописных поселков, известных церквей и светских построек. Один из главных городов Франконии — Вюрцбург. Город Вюрцбург — своего рода ворота Романтической дороги, одного из популярнейших туристических маршрутов Германии.

Основные достопримечательности Вюрцбурга — внушительная крепость Мариенберг, а также великолепная резиденция архиепископа, считающаяся важнейшим памятником южно-европейского барокко. Эта резиденция — «Дворец среди дворцов» — была построена в XVIII веке по проекту гения барокко Бальтазара Неймана и входит в Список объектов Всемирного Наследия ЮНЕСКО.



Содержание

О фестивале	3
Мы в Германии	5
V.I.P.	
Константин Вуколов	14
Дмитрий Петроченков	20
Ирина Егорова	22
Елена Супранова	28
Елена Янге	35
Татьяна Кайзер	42
Александр Мягченков.....	48
Марина Меркулова.....	51
Нелли Вист.....	54
Вернисаж	
Сергей Зырянов	58
Алексей Кузнецов	59
Александр Глебов.....	60
Арсений Семенов	61
Виктор Новокрещенов	62
Эрлан Акматов.....	63
Антон Соулев.....	64
Наталья Кошкина	65
Татьяна Каскевич	65
Молодые дарования	
Юлия Морозова	68
Елена Костюченко.....	70
Борис Кутенков.....	72
Яна Галицкая	74
Даниил Лебедев	76
Татьяна Дружинина.....	78

Поэзия

Виктор Кирюшин	82
Ирина Акс	84
Елена Лапшина	86
Юрий Бердан	88
Александр Амусин	90

Нашим детям — поэзия

Виктор Чепенко	94
Анастасия Бабичева	96
Марина Юрина	98
Маргарита Бендрышева	100
Татьяна Каскевич	102

Нашим детям — проза

Татьяна Десятниченко	104
Татьяна Пшеничнова	112
Наталья Николаева	121
Виктория Солопова	127
Оксана Хмелева	130
Михаил Смирнов	134

Проза

Вадим Борисов	144
Тамара Черемнова	148
Татьяна Красикова	155
Виолетта Минина	159
Алексей Ряскин	167

Публицистика

Валерий Ганский	178
Андрей Пестерев	186
Владимир Краснов	191
Марк Луцкий	200
Светлана Астрецова	207
Эмилия Деменцова	212

Поющие сердца

Лауреаты и дипломанты 218

Луч надежды

Антон Митляйдер 222

Иван Антони 224

Татьяна Мартынова 226

Ксения Силина 228

Зоя Кашафудинова 229

Татьяна Отто 230

Евгений Мауль 232

Михаил Полищук и Галина Пустовая 235

Премия имени М. Мануйловой

Юлия Морозова 247

Елена Костюченко 248

Светлана Дон 249

Гость фестиваля-2011

Мария Арбатова 250

Фестиваль-2012 252

МЕЖДУНАРОДНАЯ ГИЛЬДИЯ ПИСАТЕЛЕЙ

Международная гильдия писателей (МГП) — это объединение творческих людей, независимо от их возраста, места проживания, национальности и вероисповедания.

Основной целью МГП является объединение творческих людей для:

- оказания помощи начинающим писателям;
- реализации программ в области образования, культуры и духовного развития;
- содействия организации и проведению практических и теоретических конференций, семинаров, симпозиумов, творческих встреч и иных мероприятий, направленных на пропаганду и развитие литературы;
- организации и проведения выставок, конкурсов, форумов, аукционов, концертов, спортивных состязаний, театральных и музыкальных постановок, лотерей и иных культурно-массовых мероприятий;
- учреждения специальных стипендий, премий, грантов Гильдии;
- выдвижения кандидатов на получение премий, учрежденных иными организациями и государственными органами разных стран;
- представления членов МГП к присвоению почетных званий;
- учреждения средств массовой информации и осуществления издательской деятельности;
- осуществления информационной деятельности в электронных и печатных средствах массовой информации.

<http://schriftstellergilde.org>

Литературный альманах современных русских авторов

Редактор-составитель Л. Баумгартен

Дизайн: В. Цветков

Германия: stella.2011

Все права защищены

© Verlag stella

Max-Liebermann-Weg 14

71065 Sindelfingen

Deutschland

<http://stella-verlag.com/>

Tel. +49(0)7031 4282498

E-mail: lnbg@ya.ru

ISBN 978-3-941953-37-6



9 783941 953376